

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Каченовскимъ и В. Жуковскимъ.

ЧАСТЬ XLVIII.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,
1809.

**Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.**

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ XXI. НОЯБРЬ 1809.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

М а л ь з е м ь.

(Персидская повѣсть.)

Персіянинъ Мальземъ имѣлъ благодѣшеля въ одномъ изъ тѣхъ добрыхъ Геніевъ, которые, какъ извѣстно, принимаютъ подъ свое покровительство инокшорья семейства. Онъ испыталъ въ жизни своей неудовольствія, но продолжительное щастіе изгладило и самыя слѣды ихъ изъ его памяти; онъ иногда ошибался, но въ сердцѣ своемъ былъ совершенно невиненъ, слѣдовательно и совѣсть его была спокойна; онъ бывалъ иногда обманутъ, но самъ никогда не обманывалъ. Умирая поручилъ онъ двухъ сыновей своихъ помудоброму Генію, который ешоль ревностно ему покровительствовалъ.

Небесный жипель спросилъ у старшаго: чего ты пребуешь? — Быль поспоянно добрымъ, спвѣчалъ юноша не запинаясь, служишь всѣми силами человѣческому роду, вкушашь удовольствія прямой любви, наслаждаешься довѣренностію дружбы. — Мудросшь внушила тебѣ сіи желанія, сказалъ Гемій съ улыбкой удовольствія; онъ вознесушя къ пресполу Всевышняго, и будуще приняты Ангелами съ шюю радостію, съ какою обиташель Гемения собираешъ благовопія, исходящія изъ драгоценныхъ его распеній.

А ты, сказалъ онъ младшему, какого пребуешь ошъ меня дара? Желая знашь, будешь ли шакъ же благоразуменъ въ своемъ выборѣ, какъ брашь швой? — Требую, ошвѣчалъ молодой человекъ, чшобы ты опирылъ мнѣ всѣ сокровища мудросши; чшобы люди представлялись глазамъ моимъ со всѣми ихъ пороками, каковы они были прежде, каковы нынѣ; пребую, чшобы они представлялись глазамъ моимъ безъ личины; чшобъ я могъ пронцашь въ шайну сердець ихъ сквозь мрачную завѣсу ихъ покрывающую, подобно симъ демонамъ, которымъ поручено смотрѣніе за сокровищами земными, и которые могутъ узнавать сущность металловъ въ самомъ еоревенномъ мракѣ земной ушробы. — Ахъ,

юноша! воскликнулъ Геній, еспѣли бы ты зналъ, сколь шребованіе швое безразсудно! Такъ и бышь, я исполню его! Имѣй, еспѣли хочешь, сѣи погибельныя свѣденія! будь несчастливъ по одному желанію избѣгнушь неблагоразумія.

Брашья опправляюща вѣ пушешествіе. Младшій, вооруженный смѣлою довѣренностію къ самому себѣ, съ гордымъ презрѣніемъ къ коварству мужчинъ и хитросліямъ женщинъ, обѣзжаешь всю Азію. Каршина прошедшихъ заблужденій, написанная на лицахъ людей, сдѣлавшихся добродѣтельными, отвращаетъ его отъ ихъ сообщества. Зная прошедшее и наспоющее, онъ подозрѣваетъ, что добрые сдѣлаются со временемъ развратными; сердце его не можетъ открыться любви; а слабости и заблужденія шѣхъ, копорыхъ онъ господъ любитъ, изпребляютъ вѣ немъ возгорающее чувство. Несчастный клянетъ гореспную пронцапельность, похищающую у него удовольствія довѣренности и чувствительности; хочешь уничтожишь погибельную свою мудрость, но Геній ему не внемлетъ. Онъ возвращается изъ пушешествія, мрачный и гореспный, ибо свѣтъ представлялся глазамъ его, какъ поле, поблекшее отъ знойнаго жара, безъ шѣней древесныхъ, безъ нѣжныхъ цвѣтовъ и зелени. Скука, раж-

дающаяся въ насъ, когда исчезаютъ мечты, пуста сердца, происпекающая отъ недосыпна чувства, мрачность воображенія, угасающаго отъ странствованія по пустынямъ, которыхъ оно ни населишь, ни украсишь не можешь — все это мучило; онъ ненавидѣлъ жизнь гораздо болѣе, нежели добрый Кади, принужденный всякой день видѣть пышку; нежели Бонзъ, перзающій шло свое, когда на него смотрятъ; нежели молодая Одалиска, оживляющая пощущія страсти стараго Султана.

Скоро и другой братъ возвратился изъ путешествія. Согласившись знать только то, что Провиднїе позволяетъ знать всякому человеку, онъ былъ и доволенъ и веселъ. Онъ потерялъ нѣкоторыя мечтанія, но многія изъ нихъ утѣшительныя и прїятныя, сохранились въ душѣ его. Дѣла или при любовницы его обманули, но самые обманы ихъ были прїятны, а одна истинна заставила его внушать прямое счастье. Многіе употребляли во зло его добродѣтель; но онъ радовался, что могъ служить и развратнымъ и неблагодарнымъ, и никогда не отказывалъ подавать руку добродѣтельному человеку. Онъ говорилъ: „доброша сердца, дѣлающая насъ, подобно плодоносному древу, игралищемъ „въспровъ и проходящихъ, предпочтительнѣе шой дикой швердосши, которая

„уподобляешь насъ пусшынной ели, не-
„имбющей ни пипашельныхъ плодовъ, ни
„госпепрїимной швни.“

Съ Фран. Д. С.

Два лисьма Принца де Линя.

Письмо къ Екатеpинѣ,

*(писанное въ Сарскомъ сельѣ, послѣ раз-
говора съ Императpицею.)*

Ваше Величество были виноваты и
много виноваты вчера ввечеру! Не дѣ-
лаешь — это невозможно; а словомъ — это
имбеть нѣкошорую вврояшность. Было уже
поздно — и я не хотѣлъ спорить: это
позволено только въ каретѣ. Кв тому же
передъ Вами спояли при или чепыре чуда-
ка, вв голубыхъ, красныхъ и полосашыхъ
леншахъ: что бы могли подумашь эти
господа, когда бы я при нихъ осмѣлился
прошиворѣчитьъ Самодержавной Владычицѣ
всея Россїи! — Вв чемъ же мой проспу-
повъ, спросише Вы? — Вошъ вв чемъ,
Ваше Величество! Разсуждая о своемъ
правленїи, Вы сказали: *все это могло бы
идти гораздо лучше, когда бы я была
мужиною.* Можно ли шакъ говоришь? Что
есшьли бы Ваши предшеспвенницы, Анна
и Елисавета, были мужинами: какое

жалкое царствованіе мы бы тогда увидѣли. А онѣ царствовали не безъ славы. И въѣвъ Елисаветы былъ блестящимъ: при ней почти изгладились послѣдніе слѣды варварства. Но шопъ, кому бы вздумалось напомнить Вашему Величеству объ этомъ блестящемъ въѣвъ для того единственно, чшобы Вы могли почувствовать все чрезвычайное превосходство передъ нимъ Вашего — шопъ, надобно признахся, сочинилъ бы самый забавный мадригалъ: сравненіе Вашего царствованія съ первыми двумя было бы не иное что, какъ странная эпиграмма или ложь. Великій человекъ, одѣшый какъ Ваше Величество, гораздо лучше для меня великаго человека съ саблею при бедрѣ, между прочимъ и потому, что эта сабля могла бы подѣ часѣ очутихся въ правой рукѣ его, что почишаю полезно только тогда, когда престолъ его нѣсколько пошатнется . . . но развѣ не лучше поддерживать престолъ свой, какъ Ваше Величество, сильною рукою? Въ Царѣ-мужчинѣ весьма не рѣдко замѣчаютъ охоту быть Героемъ — охота, похвальная въ насѣ въроподданныхъ, но очень опасная въ Государѣ, ибо она подвергаетъ его зависии собственныхъ его полководцевъ, несогласіямъ въ собственной его арміи, беспорядкамъ, и (чего Боже избави!) лишенію престола. Тогда великій человекъ мало по

малу перяется изъ виду, и уступаетъ мѣсто щастливому завоевателю, который иногда и самъ бываетъ щастливымъ завоеваніемъ. Дворъ его нѣсколько опзывается военнымъ лагеремъ, ибо онъ приноситъ въ него съ собою суровость своихъ походовъ, недовѣрчивость, досаду, высокоуміе. Кто знаетъ, что бы случилось съ великимъ человѣкомъ-женщиною, когда бы онъ былъ великимъ человѣкомъ-мужиною? Я вижу, что Ваше Величество хотѣли бы сдѣлаться Императоромъ всея славы, какъ вы Императрица всея Россіи — намѣреніе похвальное и тогда, (если бы случилось, что Богъ побѣды, забывъ о Православной церкви, захотѣлъ покровительствовать Люшеровой или Римской) Вы бы конечно не подписали мира при Прущѣ, какъ Вашъ Великій Пейръ, сдѣлавшійся невзначай Героемъ, или не убѣжали въ Турцію, какъ непріятель его Карлъ XII. Объ этомъ нечего и говорить.

Но спрашиваю: не будучи женщиною, могли ли бы Вы имѣть сію шихую швердость, которая всегда величественна, и по спокойствію, которое, весьма отдалено будучи отъ бездѣйствія, придаетъ Вамъ какую-то благородную нѣжность, и всегда неразлучно съ размышленіемъ? Я не согласенъ бы отвѣчать за Ваше Величество, когда бы увидѣлъ Васъ на ковѣ; но смѣ-

до за Васб опвѣчаю, когда Вы сидите передб споломб, и когда Ваша голова, исполненная высокихб мыслей, поддерживаемая прекрасною рукою, шрудилсѧ и управляетб печеніемб дѣлб, иногда медленно, иногда быспро, всегда рѣшишельно и вѣрно.

Товарищи мои, Таврическіе Мурзы, не такб бы учпиво приняли мужчину, и Запорожцы, сосѣди мои, по шѣмб землямб, кошорыми Ваше Величество наградили меня, вздумали бы можешб бышь заманишь вб засаду Великаго Имперашора, кошорый захотѣлб бы все видѣшь собспвенными своими глазами. Мужчина, показываясь, перяешб, женщина выигрываетб; смонря на нее, мечувшвишельно переходишь ошб удивленія кб почшенію, и наконецб кб восшоргу; а ешшли сб великимб Геніемб соединяешб она и любезность, шо дружба и безкорыстная привязанность сами собою находяшб мѣсто между почшеніемб и восшоргомб, и ихб не поршашб.

Какб могб бы я, на примѣрб, написать все это кб мужчишб, кошорый всегда предспавляетб себѣ, что его или обманываютб, или осыпаютб лестію, или жопашб зашмишь какимб нибудь шаланшомб? Придворные спарающія всшрѣшшишь глаза

Государя, хотя и не всегда бывающѣ они прекраснѣйшими глазами на свѣтѣ: напрошивъ въ глазахъ Государыни заключено какое — то волшебство; желанье обратитъ ихъ на себя не для того, чтобы надѣялся получить Губернашорство или ленгу, но можетъ быть для вѣщораго успѣха въ обществѣ.

Великѣй человекъ на гордомъ кобѣ приводитъ въ шрепшъ и Генерала, и солдата, и знашнаго человека, и креспьянина. Великѣй человекъ въ обширной коляскѣ, съ пяшью или щеспью прекрасными женщинами, его адъюшаншами, окруженъ возклицаніями людей въшренныхъ и благословеніями людей мыслящихъ. Ваше Величество, будучи мужчиною, имѣли бы пяшьюдесятью тысячами болѣе подданныхъ, и увеличили бы пяшью миліонами рублей свои доходы — скажише, спомнѣ ли это шрода, чтобы бытъ мужчиною? Развѣ мало имѣете Вы и рублей и подданыхъ? Сидя въ прекрасномъ Кіоскѣ Сарскаго села, Вы увеличили число и шѣхъ и другихъ; но весьма вѣрояшно, что, сидя въ палаткѣ, Вы бы значительнѣе его уменьшили.

Могу ли сравнить Ваши милоспивые, благошворные взоры съ шѣмъ грознымъ и ужасающимъ взоромъ, который могли бы

Вы заимствованы, когда бы Сами и часто осматривали своихъ пять сотъ тысячъ солдатъ, стоящихъ фрунтомъ?

Естьли, въ минушу сильнаго чувства, случается намъ въ Вашемъ присутствіи говорить, съ полною и можетъ быть излишнею свободою, о восхитительной, величественной Екаперинѣ: по Вы берете на свою часть единственно то, что причисляете Вамъ принадлежащимъ, а остальное просто, приписываете учтивости, тогда, какъ на Вашемъ мѣстѣ Государь приписалъ бы его унижительной лести Придворныхъ.

Государыня, привыкшая всѣхъ видѣть у ногъ своихъ, какъ повѣлительница и женщина, менѣе расположена къ досадѣ. И могъ ли бы я, въ присутствіи Фридерика, Пепра, Людовика, или Карла, обнаружить такъ смѣло свое неудовольствіе, какъ то случилось недавно, когда Ваше Величество сказали, что есть старинный Русскій законъ, по кошорому виновные, приговоренные къ смерти, или злодѣи, уличенные въ пресупленіи, первые должны идти на присудъ! Вы поглядѣли на меня, задумались и не сказали ни слова. Бьюсь объ закладъ, что Ваше Величество никогда уже не напомните мнѣ объ этой чертѣ ужасной учености.

Каждый Государь увѣряетъ, что онъ любитъ истинну — дѣло возможное! Но тѣ истинны, копорыя слышишь Государыня, должны болѣе и болѣе располагать ее въ довѣренности, ибо она конечно думаетъ: эти люди боясь мнѣ наскучить, боясь быть для меня непріятными и потерявъ свое мѣсто въ дружескомъ моемъ кругѣ — слѣдовательно они желаютъ мнѣ добра, когда осмѣливаясь говоришь такимъ языкомъ со мною.

Твердость въ женщинѣ — упрямство въ мужчинѣ; что въ первой есть снисхожденіе, лѣнность, или нѣжная усупчивость, то непрѣмѣнно въ послѣднемъ слабость. Сколько споронныхъ принадлежностей и мѣлкихъ вещей, копорыхъ мы не замѣчаемъ и копорыхъ слѣдствія чрезвычайно важны! Прекрасное платье Вашего Величества, изъ алаго бархата, шитое золотомъ, совсѣмъ иначе на насъ дѣйствуетъ, чемъ золошой шарфъ и сапоги со шпорами; пять крупныхъ брилліаншовъ, сіяющихъ между волосами, гораздо ослѣпительнѣе шляпы, или ужасно высокой, или ужасно низкой, и всегда смѣшной. Прекрасная рука Ваша вливаетъ пламень и въ часоваго, копорый ее цѣлуешь, и въ важнаго Хана-Герая. Не думаю, чтобы рука великаго чловѣка-мужчины, можетъ быть сухая и некрасивая, произвела во мнѣ такое чувство; самый жаркій обо-

жашель Великія могъ бы въ воспоргъ своемъ
только разбишь обв нее носъ.

Желаю знашь: сынъ Карла VI, пред-
спавляя Венгерцамъ новорожденного своего
Эрцгерцога, произвелъ ли бы въ нихъ по вос-
хищительное движеніе, которое обнажило
ихъ сабли за молодую, прелестную и неща-
стную Принцессу, двадцати четырехъ
лѣтъ, какова была въ то время наша
Великая Марія Терезія?

Скажу еще разъ: Ваше Величество были
бы слишкомъ живымъ и пылкимъ мужчи-
ною. Намъ ли учить Бога! Онъ знаетъ, что
дѣлаешь, и дѣла Его совершенны, Благода-
рише Его, что Вы женщина, и женщина
болѣе нежели женщина и мужчина вмѣстѣ;
благодарише Его на шестидесяти языкахъ
Кавказа, на Турецкомъ Тавриды, на Пер-
сидскомъ окружности Каспійскаго моря, на
Китайскомъ окружности великой стѣны,
на Греческомъ вашихъ Грековъ, а не Вашей
Церкви, ибо по Славянскій, на Нѣмецкомъ
Шпешшинскихъ храмовъ, на Француз-
скомъ Валлонской церкви, и на Латин-
скомъ церкви Римской. Прошу Ваше Ве-
личество имѣть довѣренность къ тому,
который, именуя Васъ ЕКАТЕРИНОЮ
ВЕЛИКОЮ, есть крестный отецъ Вашъ,
живодисецъ и историкъ.

Письмо къ Сегюру изъ лагеря подъ Очаковомъ.

1788, Августа.

Сию въ палашиѣ, на берегу Чернаго моря, въ жаркую ночь, и думаю ошѣ безсонницы о шѣхъ чрезвычайныхъ произшествіяхъ, копорымъ я свидѣшель, въ копорыхъ участвую самъ.

Я видѣлъ чешыре морскія побѣды, одержанныя волоншеромъ, славнымъ съ пннадцати лѣшъ приключеніями необыкновенными. Смѣлый, прекрасный молодой Адвюшаншъ Генерала, копорый давалъ ему множество порученій, пѣхошный Порущикъ, Роммисиръ драгунскаго полку, Рыцарь - опмспишель за оскорбленія женщиѣ и спрогій взыскашель за нарушеніе законовъ общежитія; предпочитающій опасное путешествованіе вокругъ свѣта всѣмъ удовольствіямъ, за копорый на минушу наградила его Царица *Отайти*; испребишель чудовищъ, подобно древнему Геркулесу; по возвращеніи въ Европу, Полковникъ Французскаго пѣхошнаго полку и Нѣмецкаго коннаго, не зная ни слова по Нѣмецки; Начальникъ экспедиціи; Капитанъ корабля, едва не уопленный и сожженный въ Испанской службѣ; Генералъ - Майоръ Испаніи; Генералъ прехъ Госу-

дарствѣ, копорыхъ языка не знаешъ; одинъ изъ самыхъ блестящихъ Вицѣ-Адмираловъ Россіи; неимѣющій принадлежащаго ему бытія, но въ ожиданіи справедливости отъ законовъ, дающій себѣ собственное съ помощію славы . . . Нассау, *Зигель* происхожденіемъ, спалъ нынѣ *Зигеръ* дѣлами. Вы знаете, что *Sieger* на Нѣмецкомъ значилъ побѣдитель. Въ Мадридѣ, не думая и не воображая, произведенъ онъ въ шаринные Испанскіе Гранды; онъ Принцъ Имперіи въ Германіи, гдѣ земли его отданы другимъ. Если бы несправедливость не лишила его имѣнія, то онъ разпочалъ бы нѣсколько времени свою необычайную пылкость на кабакахъ, а можешъ быть и на хищникахъ дичи; но скоро любовь къ опасности открыла бы ему глаза, и онъ узналъ бы, что настоящее имя его есть *воинъ*.

Какое же очарованіе эшаго чловѣка? Шпага волшебный его жезлъ; собственнй его примѣръ служилъ ему вмѣсто заклинаній, и шпага же вмѣсто переводчика, ибо ее одну употребляетъ онъ для проведенія крапчайшей линіи, когда надобно нападать. Глава, иногда сполъ же ужасные для друзей, какъ и для непріятелей, объясняютъ оспальное. Его распоряженіе въ быстротѣ взора; дарованіе

въ той пышности, которую доставило ему неупомимое рвеніе, его наука въ повелѣніяхъ крацкихъ, сильныхъ и ясныхъ, которые раздаешъ онъ передъ началомъ сраженія, всегда понятныхъ и легко переводимыхъ; его достоинство въ правильности мыслей; его способности въ томъ великомъ характерѣ, который ярко блискаетъ на прекрасномъ его лицѣ, и наконецъ его успѣхи въ томъ мужествѣ шѣла и духа, которому нѣтъ сравненія.

Вижу предводителя арміи (*) лѣниваго по наружности, но шрудящагося безпрестанно. Колѣна служатъ ему споломъ, а пальцы гребнемъ; онъ вѣчно лежитъ, но день и ночь не знаетъ сна, ибо его усердіе къ обожасмой имъ Государынѣ всякую минушу его мучитъ, ибо каждый пушечной выстрѣлъ, не въ него попадающій, перзаешъ его, заславля думашъ, что имъ убитъ который-нибудь изъ его подчиненныхъ. Онъ робокъ за другихъ, и смѣлъ за себя; оспанавливается подъ сильнымъ огнемъ башарей, для раздачи приказовъ, но болѣе Улиссъ, нежели Ахиллъ; онъ безпокоенъ, въ ожиданіи опасностей, и веселъ, будучи окруженъ ими; несчастенъ отъ чрезвычайнаго щассія; всемъ наскучилъ, всемъ очень скоро можетъ наскучить; сухъ и непостояненъ, глубокой философъ,

(*) Пошемкинъ.

искусный Министръ, великій Полищикъ, ребенокъ двенадцати лѣтъ; не мститель, проситъ прощенія въ сдѣланной имъ обидѣ; скоро и охотно заглаживаетъ несправедливость; думаетъ въришь въ Бога, и боится Дьявола, который кажется ему даже сильнѣе и шоще Князя Пошемкина; одною рукою подаетъ знакъ прекрасной женщины, другою крестится; складываетъ руки передъ образомъ Богоматери, и обнимаетъ ими прелестный шанъ своей любовницы; осыпанъ многочисленными дарами своей Великой Владычицы, но раздаетъ ихъ всѣ и въ одну минуту; получаетъ въ подарокъ ошъ Императрицы деревни, возвращаетъ ихъ Ея, или платитъ Ея долги, не говоря Ея о томъ ни слова; продаетъ обширныя помѣстья, которые выкупаешь для того, чтобы поспроить въ нихъ колнаду, или развести Англійскій садъ, и снова продаетъ ихъ другому; играетъ безпрестанно, или совсѣмъ не играетъ; любитъ лучше дарить, нежели уплачивать долги свои; страшный богачъ, и никогда не имѣешь въ кармаѣ копѣйки; чрезвычайно подозрителенъ, доврчивъ какъ младенецъ; ревнивъ, благодаренъ; угрюмъ и шушливъ; легко предубѣждаемъ во вредъ или въ пользу, и также легко забываетъ предубѣжденіе; говоритъ о Богословіи съ Генераломъ, о Такшикѣ съ Архіеписко-

помб; никогда не чипаетъ, но старает-
ся проникнуть въ шѣхъ, съ которыми го-
воритъ, или прошиворѣчишь имъ, для того,
чтобы узнать отъ нихъ болѣе; нахмуренъ
какъ дикарь, или плѣняетъ веселымъ ли-
цемъ своимъ; то милъ, то отвращающе-
лезъ въ обхожденїи; то гордый Самранъ
Востока, то самый любезный изъ При-
дворныхъ Людовика XIV; подъ личиною
жестокости имѣетъ самое нѣжное сердце;
работаетъ, спитъ и располагаетъ время
свое какъ вздумается; прельщается всемъ,
какъ младенецъ; во всемъ отъзывается се-
бѣ, какъ великій человекъ; умѣренъ, хотя
покажется жаднымъ; грызетъ ногти, ябло-
ки и рѣпу; ворчитъ или смѣется; драз-
нитъ, кривляется и бранится; преказни-
чаетъ или молится; поетъ или думаетъ;
призываетъ за шѣмъ, чтобы отослать;
великъ собратъ своимъ Адьюпаншамъ,
и не говоритъ имъ ни слова; лучше дру-
гихъ сноситъ ужасный жаръ, но, на-
жешся, думаетъ объ однѣхъ только про-
хладныхъ баняхъ; смѣется надъ холо-
домъ, показывая, что не можетъ обой-
тись безъ шубы; вѣчно въ одной ру-
башкѣ, или въ богатомъ Фельдмаршаль-
скомъ мундирѣ; съ босыми ногами, или въ
прекрасныхъ вышитыхъ золотомъ шуф-
ляхъ; иногда безъ шляпы, въ дурномъ
халашѣ, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ,

иногда въ великолѣпной епанчѣ, во всѣхъ орденахъ, съ шрема звѣздами, и съ поршрешомъ Императрицы, осыпаннымъ крупными брилліаншами, которые какъ нарочно выставлены для пушечныхъ ядеръ. Дома — сушулиствъ, горбатъ и скорченъ въ дугу; великъ, прелесченъ, гордъ, благороденъ, исподненъ величія. очаровашеленъ, словомъ, Агамемнонъ посредн Греческихъ Царей, когда являешся своей арміи.

Какое же его волшебство? Геній, геній и геній! Врожденный умъ, прекрасная память, высокость духа. тонкость безъ всякаго коварства, щасливая примѣсь какого-то единственнаго своеправія, которое въ хорошія минуты привлекаешъ къ нему сердца; неограниченное великодушіе, искусство награждать пріятно и по мѣрѣ заслуги, вѣрное чувство, даръ угадывашъ то, чего онъ не знаешъ, и наконецъ глубокое знаніе челоувческаго сердца.

Вижу родственника Екашерина (*), который сначала можешъ показашся послѣднимъ изъ Офицеровъ ея арміи: такова его скромность и великая простота! Онъ все, и не хочешъ казашся ни чѣмъ; въ немъ соединены всѣ дарованія, всѣ возможные качества; онъ влюбленъ въ должность свою и въ ружейные выстрѣлы;

(*) Принцъ Ангальшъ-Бернбургъ.

часто ввергается въ излишнюю опасность; любивъ выславлять другихъ и уступать имъ принадлежаще одному ему; нѣженъ умомъ и сердцемъ; имѣетъ шонвѣй и вѣрный вкусъ; любезенъ, крошкѣ; ничто не можешь ускользнуть отъ его замѣчанія; скоръ на отвѣты; все быстро обвѣмлетъ умомъ своимъ; твердъ въ своихъ правлахъ; снисходителенъ ко мнѣ одному, но строгъ къ себѣ и къ другимъ; чрезвычайно ученъ и — словомъ, наполненъ истиннымъ гениемъ военнаго человека.

Вижу феноменъ, изъ вашего края — и что еще лучше, феноменъ очень милый. Это Французъ прехъвѣковъ: онъ имѣетъ Рыцарскій духъ одного, прѣяшность другаго, веселость нынѣшняго. *Францискъ I, Великий Конде* и *Маршалъ Сансонскій* захотѣли бы имѣть подобнаго ему сына. Онъ вѣтренъ какъ спрекоза, въ минушу самой ужасной канонады; безпрестанно шумитъ; безжалостный пѣвунъ; всякую минушу жужжитъ мнѣ на ухо лучшїя арїи Французскихъ Оперъ; читаетъ сумасшедшїе стихи подъ сильнымъ огнемъ, и судитъ о вещахъ какъ невозможно лучше. Война его не восхищаетъ, но жаръ его есть потъ милый жаръ, который мы чувствуемъ при концѣ ужина, въ веселомъ разговорѣ, отъ нѣсколькихъ бушелокъ Шампанскаго и Мадеры, и только тогда подмѣшиваешь

онъ воды въ свое вино, когда объявляетъ вамъ приказъ, или сказываетъ свое маленькое мнѣнiе, или говоритъ что нибудь исполнишь. Онъ отличился на трехъ морскихъ сраженiяхъ, которыми Нассау *Сигеръ* угостилъ Надишана-Пашу; я видѣлъ его на всѣхъ вылазкахъ Янычаръ, на всѣхъ ежедневныхъ сшибкахъ со Спагами; онъ получилъ двѣ раны. Будучи Французомъ въ душѣ, онъ Руской по своей подчиненности и порядочному образу дѣйствiя, любезенъ, любимъ, словомъ, милый Французъ, милый и храбрый дитя, прiятный Придворный Людовика XIV: все это называютъ у насъ *Рожеромъ де Дамасомъ*.

Вижу Рускихъ, которымъ скажутъ: *будьте вы то и то*, и они сдѣлались *то и то*; которые учатся свободнымъ искусствамъ, какъ *Лькаръ то неволѣ* писать рецепты; которые всё, что вы ни вздумаете: солдаты, мажорсы, егеря, попы, драгуны, музыканты, инженеры, актеры, вирасиры, повара, живописцы, хирурги, и прочее, и прочее.

Вижу Рускихъ, которые поютъ и пляшутъ въ шпанскаго, гдѣ нѣтъ имъ никогда смѣны, подъ пулями, по колѣно въ грязи, или въ сугробахъ снѣгу; они переимчивы, на все искусны, любятъ чистоту, внимательны, послушны, и зная чинятъ

въ глазахъ начальниковъ свою должность, предупреждаютъ ихъ повелѣнiя.

Вижу Турковъ, которыми опаздываютъ въ искусствѣ военномъ, и которые, не смотря на то, ведутъ войну по ибкшорой методѣ: рассыпаны для того, чтобы артиллерiя и выстрѣлы ружейные имъ не вредили; стрѣляютъ съ чудесною мѣткостью въ самые густые ряды, и шакою стрѣлбою умѣютъ прикрывать всѣ свои маневры; или спряпаны въ лощинахъ, въ горныхъ расщелинахъ и на деревьяхъ, или бѣгутъ полною съ маленькимъ знаменемъ, которое сибшашъ вынесши впередъ и вопкнушь въ землю, чтобы выиграть мѣсто: первый рядъ стрѣляетъ на колѣняхъ и выстрѣливъ, исчезаетъ; заднiе спановящся передъ ними, стрѣляютъ въ свою очередь, сибшашъ уступивъ мѣсто первымъ, и такимъ образомъ смѣняются по шѣхъ поръ, пока ихъ рой не повесешся далѣе и снова не водрузишь впереди своего знамени. Вообразите громкiе вопли, множество дикихъ голосовъ, ревушихъ: *алла, алла, алла!* ободрительныхъ для Музульманъ, ужасающихъ Православнаго; вообразите множество опрубленныхъ головъ, и вы согласитесь, что это картина ужасная! — И все то, что я вижу, не можетъ назваться по справедливости чрезвычайнымъ?

Съ Фран. Ж.

О щастіи въ воображеніи.

Человѣкъ только въ самомъ себѣ щастливъ. Сердце, воспламененное живѣйшимъ чувствомъ радостнаго бытія своего, въ минушу сладнаго восторга накидываетъ на всѣ окружающіе его предметы такія яркія краски, какихъ и не существуетъ въ мірѣ, любитъся ими, и щастливо, хотя — воображеніемъ.

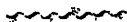
Мечшы, однѣ только мечшы показываютъ намъ совершенство щастія; въ Природѣ его нѣтъ! Никакое занятіе, никакое упражненіе не можешь въ полношѣ удовлетворить насъ: даже и самая любовница, которую мы столько любили, которую почитали мы совершенствомъ неба и земли, и крайнимъ блаженствомъ нашей жизни, о которой столь много мечтали на берегахъ журчащихъ источниковъ, подъ мирною тѣнью деревъ уединенныхъ — и она, бывъ обладаема нами, теряетъ большую часть тѣхъ *мнимыхъ* прелестей, копоры мы въ ней полагали: или несносныя прихоти, или излишняя дерзость, или вѣтренность, расширяющъ нашъ воздушной замокъ — и тогда прощай и любовь и благополучіе!

Человѣкъ чувствительный, человѣкъ съ образованною душою, любитъ уединеніе. Тамъ на просторѣ и въ всегдашнемъ досугѣ,

безъ всякаго помѣшательства , спокойно предаешь онъ любимѣйшимъ своимъ мечтаніямъ. Сидя въ углу щасливой своей жизни , онъ любилъ представлять себя по герою добродѣтели , по другомъ всего рода человеческого , и въ воображеніи , нѣсколько разгоряченномъ , протягиваешь руку даже до Америки , въ знахъ добраго своего расположенія ; иногда прелестный идеалъ , чувство изящнѣйшаго въ мѣрѣ , мелькаетъ предъ его глазами ; иногда привидѣнія живой , неперпѣливой любви носятся надъ его головою : онъ мечтаетъ о милой сердцу . . . пусть мечтаетъ ! мечты для него роса упрежня ; онъ оживоворяющъ его силы ; онъ возобновляющъ для насъ движеніе въ Природѣ.

О ! щасливъ , щасливъ пошъ , кто сохранилъ непорочность сердца своего ! Злодѣй не можетъ имѣть утѣшенія мечтать и предаваться задумчивости — однѣ грозныя привидѣнія шумящъ надъ нимъ и покрываютъ его своими черными крыльями.

Волковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На смерть Е. В. Херасковой.

О тѣнь Хераскова священна ,
Упѣшься! . . . Въ мірѣ семѣ она жила тобой!
И щедрою судьбой
Душа ея съ твоей на вѣкъ соединенна !

В. Пушкинь.

Овца , Лисица и Волкъ ,

Б а с н я .

Не знаю какъ-то вечеркомъ
Лисица встрѣшилась съ Овцою,
И самымъ ласковымъ и нѣжнымъ голоскомъ
Она сказала ей : ты поздною порою
Напрасно, мой дружокъ, проходишь здѣсь лѣ-
скомъ ;
Повѣрь, что хищный Волкъ на караулѣ вѣчно;
Бѣги, бѣги скорѣй, онъ сѣбѣстѣ тебя конечно!“
Овца пришла домой.

— Что сдѣлалось съ тобой ?

Подруги въ голосъ закричали ;
Мы всё придумали , день цѣлой тосковали.

Ты Волка видѣла? Каковъ-то онъ собой?

Хвостъ длинной, носъ большой,

И зубы страшные! Какъ то могло случиться,
Что ты умѣла къ намъ, подругамъ, возвра-
щались? —

„Лисица добрая въ несчастъ помогла,
Опомнившись, вздохнувъ Овечка отвѣчала:

Она ко спаду мнѣ дорогу показала,

Опъ Волка сберегла,

И васъ, друзей моихъ, избавила печали.“

Лисицу Овцы всѣ хвалили, величали,

И даже въ тѣсную и дружескую связь

Съ смиренницей такой онъ войти желали.

Но Волкъ, ужасно разсердясь,

Куму свою бранилъ: злодѣйка! ны взбѣсясь

Задумала Овцамъ показывать дорогу!

Какая прибыль мнѣ, что я въ ладу съ тобой? —

„Ты подлинно рожденъ съ дурац ой головой!

Вскричала кумушка: хочу я по немногу

Овечекъ приманишь сюда;

Одна спаслась, чтожъ за бѣда?

Здѣсь лягушкѣ пятьдесятъ я въ помъ могу
увѣрить.

Всего полезнѣе на свѣтѣ лицемѣрить!

*

Разказа моего смыслъ, кажется, таковъ:

Лисицы хитрыя опаснѣе волковъ.

В. Пушкинъ.

Воспоминанія 1807го года.

Мечты! повсюду вы меня сопровождали,
И мрачной жизни путь цѣбшами устлали!
Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ
поляхъ,

Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
И рашникъ, опершись на копіе спальное,
Въ усталости почилъ! — Луна на небесахъ
Во всемъ величїи блистала,

И низкій мой шалашъ сквозь вѣтви освѣщала.
Аль свѣтлый чужь спрую лѣнливую капилъ,
И въ зеркальныхъ водахъ являлъ весь станъ
и доли;

Едва дымился огнь въ часы туманной ноци,
Вблизи кущи рашника, который сномъ почилъ.
О Гейльсбергски поля! о холмы возвышенны!
Гдѣ столько разъ въ ноци, луною освѣщенный,
Я въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ;
О Гейльсбергски поля! въ то время я не зналъ,
Что трупы рашниковъ устелютъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ
сихъ холмовъ,

Что я, мечтатель вашъ щасливый,
На смерть лешя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,

Ева ли на зарѣ сей жизни не увяну. — —
И буря дней моихъ исчезла какъ мечта!..

Осталось мрачно воспоминаье. . . .

Между протекшаго есть вѣчная черта:

Насъ сблизитъ съ нимъ одно мечтанье.

Да оживлю и теперь я въ памяти своей
Сю ужасную минуту,
Когда, болѣзнь вкушая люту,
И видя сню смертей,
Боялся умереть не въ родинѣ моей!
Но Небо, внявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
Взглянуло окомъ милосердымъ;
Я Неманѣ переплывъ, узрѣлъ желанный край,
И землю лобызавъ съ слезами,
Сказалъ: блаженъ спокрашъ, кто съ сель-
скими богами,
Спокойный домождѣ, земной вкушаетъ рай,
И шага не ступя за хижину убогу,
Къ себѣ богию быспроногу
Въ молитвахъ не зоветъ!
Не слѣдъ ко славѣ онъ любовью;
Не жершвуетъ своимъ сполойспвѣемъ и кровью,
Могила зришь свою и тихо смерти ждетъ.
.
Семейство мирное, ужель тебя забуду,
И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду? . . .
Ахъ! мнѣ ли позабышь госпепримный кровъ,
Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
Усердный Эскулапъ божественной наукой
Изторгъ изъ подъ косы и дивно изцѣлилъ
Меня, борющагося уже съ смертельной
мукой! . . .
Уже ли я тебя, красавица, забылъ,
Тебя, которую я зрѣлъ передъ собою
Какъ утѣшителя, какъ Ангела добра!
Ты, Геба юная, лилейною рукою

Сосудъ мнѣ подала: *пей здравье и любовь!*
Тогда, казалось, сама Природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью вѣнчала
Долины, холмы и дѣса.

Я помню ушро то, какъ слабою рукою
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я въ первой разѣ узрѣлъ цвѣтшы и древеся . . .
Какое щастіе съ весной воскреснушь ясной!
(Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна)

Я, восхищенъ Природой красной,
Сказалъ Эмили: ты видишь, какъ она,
Разшоргнувъ зимній мразъ, съ весной оживаетъ,
Съ ручьемъ шумитъ въ лугахъ и съ розой
разцвѣтаетъ ;

Чтобъ было безъ весны? . . . Подобло такъ и я
Не ушрѣ дней моихъ увялѣ бы безъ тебя!
Тутъ грудь ея кропя горячими слезами,
Соединивъ уста съ устами ,

Всю чашу радости мы выпили до дна. —
Увы! исчезло все, какъ прелестъ сладка сна!
Куда дѣвались восторги, лобызанья,
И вы таинственны во тмѣ ночной свиданья,
Гдѣ заключа ея въ объятіяхъ моихъ,
Я не завидовалъ судьбѣ боговъ самих! . . .

Теперь, я съ нею разлученный,
Считаю свукой дни, дѣнь горестей влачу.
Воспоминанія! лишь вами окреленный,
Къ ней мыслию лечу;
И въ часъ туманной полуночи
Мечшой обворожены очи ,

Какъ призракъ , красота въ одеждѣ легкой
зряшъ

Ея и станъ и взглядъ !

Я къ ней объятія въ восторгѣ простираю ,
И тѣнь лишь обнимаю

К. . . . В. . . .

*Impromptu, Автору оды Совѣспь ,
на которую очень мало было ло-
кулщиковъ.*

Какъ много о тебѣ пріятель сожалѣю !

Напрасно въ торгъ вступалъ ны совѣстью
своею .

Я зналъ, что отъ нее получишь ны накладъ :
Въ нашъ вѣкъ такой товаръ, повѣрь, совсемъ
не кладѣ .

А. Маздорфъ.

Е л и г р а м м ы .

Отъ лихорадки злой испуга исцѣляетъ ;
Такъ общество врачей за вѣрно увѣряетъ !
Когдажъ по истинно, то подавай бы совѣтъ,
Держать на случай сей твой, Делія, портретъ .

Ты правъ, Глупонъ, швое въ продажѣ сочиненье!
Но позуаетсяль? — Вотъ въ чемъ мое сомнѣнье. —

Трусихинъ говоритъ, что, нынѣ на войнѣ,
Онъ въ первомъ былъ огнѣ.

Не сиорю — можетъ бышь — могло сіе
случиться!

Съ бушылкою въ рукахъ,
Не мудрено въ мечтахъ
И прусу оплчишься.

А. Маздорфъ.

*На смерть игрока, которой были
весьма малаго роста.*

Друзья! сей малый прахъ подъ липою за-
ройте,
И вмѣсто мрамора — колодой каршъ на-
кройте.

А. Маздорфъ.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

~~~~~  
ЭСТЕТИКА.  
~~~~~

О К р и т и к ѣ.

(Письмо къ Издателю Вѣстника.)

Будучи усерднымъ читателемъ вашего Журнала, и желая вамъ искренно успеха въ его изданіи, почишаю обязанностію сообщить вамъ слышанный мною недавно любопытный разговоръ, котораго поводомъ было ваше объявленіе о Вѣстникѣ на слѣдующій годъ, припечатанное въ Московскихъ газетахъ.

Я обѣдалъ на сихъ дняхъ у одного моего знакомаго. Это человекъ стараго времени, совсѣмъ неученый, но одаренный здравымъ разсудкомъ; онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ, но любитъ читать, и всѣ хорошія Рускія книги (оригинальныя и переведенныя) прочиталъ отъ доски до доски. Любитъ Поэзію — но одну Рускую, ибо иностранныхъ Поэтовъ знаетъ только по слуху или въ нѣкоторыхъ переводахъ (слѣдовательно, почти не знаетъ, ибо вы сами признаетесь, что

большую часть переводовъ можно сравнить съ ложными слухами, которые и сам ю истину не рѣдко превращаютъ для насъ въ небылицу.) Онъ имѣетъ что то похожее на вкусъ, но по справедливости можно называть его суевѣромъ во мнѣнїяхъ о Словесности, ибо все старое кажется ему прекраснымъ по тому единственно, что оно старое; вообще, онъ большой неохотникъ до крипики: умѣя чувствовать изящное, онъ мало оскорбляется шѣмъ, что оно бываетъ иногда смѣшано съ дурнымъ; скажу болѣе: самое дурное, онъ своего смѣшенїя съ хорошимъ, бываетъ для него или сносно, или и совсѣмъ незамѣтно. У него нашелъ я общаго нашего знакомца, умнаго и весьма образованнаго человека. Онъ не Авшоръ, но судитъ съ великою основательностью о произведенїяхъ Писателей. Онъ любитъ изящную Словесность, и въ особенноти занимался ея Теорїею; можно сказать, что мнѣнїя его о Поэтахъ, Орашорахъ и вообще о произведенїяхъ Искусства основаны на правилахъ вѣрнаго и образованнаго вкуса.

Разсуждая о Липшерашурѣ, коснулись и до вашего Вѣстника. „Вотъ новость — сказалъ мой Стародумъ (назову его Стародумомъ), подавая общему прїятелю нашему шопъ листокъ газетъ; въ которомъ

помѣщено. ваше Объявленіе — Издатели разполагающа угодша насъ Кришикою: весьма любопытствую знашь, что изъ эшаго выдесть, но признаюсь вамъ, ничего добраго не общаю себѣ отъ Кришики; что пользы нападашь на писателей, которыхъ и безъ того у насъ очень немного? И нужно ли заводить междуусобіа въ спокойной республикѣ Литтературы, превращаешь ее въ поле сраженія, на которомъ одинакое безславіе ожидаешь и побѣдителя и побѣжденнаго, а насъ чинашелей, сдѣлавши просшо зришелями, принуждаешь сморѣшь, смѣяться, и можешь бышь презираешь жалкихъ людей, забавляющихъ насъ своими ссорами? И ссору Автора съ Кришикомъ не можно ли по справедливости сравнить съ сраженіемъ пѣшуховъ, забавнымъ только для шѣхъ, которые на него сморятъ и держатъ большой закладъ? Я швердо увѣренъ, что пакія забавныя ссоры много вредятъ Литтературѣ и необходимо унижаютъ почтенный характеръ Писателя.“

— Позвольте съ вами не согласишься (опѣвчаль нашъ общій пріятель). Увѣряю васъ, что вы испугали себя привидѣніемъ: или я ошибаюсь, или понятіе, составленное вами о Кришикѣ, весьма несправедливо. *Ссора, сраженіе, междуусобіа* — всѣ эти

ужасныя слова, которыми окружили вы миролюбивое слово *Крипика*, совсѣмъ не принадлежащѣ къ ея силѣ. Крипика есть сужденіе, основанное на правилахъ образованнаго вкуса, безпристрастное и свободное. Вы читаете поэму, смотрите на картину, слушаете сонату — чувствуете удовольствіе или неудовольствіе — вопль вкуса; разбираете причину того и другаго — вопль крипика! и все ваше несходство съ наспоющимъ Крипикомъ состоитъ единственно въ томъ, что вы рассуждаете наединѣ съ собою о такомъ предметѣ, о которомъ онъ, говоря въ присутствіи многихъ, имѣющихъ полное право соглашаться съ нимъ, или не соглашаться — значитъ ли это заводить междуусобіе въ спокойной республикѣ Липшершурѣ? И почему же униженно говорить свое мнѣніе вслухъ о такомъ предметѣ, который можно назвать собственностію строгаго мнѣнія? Разумѣю здѣсь всѣ произведенія Словесности и Изыщныхъ Художествъ.

„Но прошу покорно замѣтить, не сами ли вы уничтожили пользу Крипики, сказавъ, что каждый читатель есть самъ по себѣ уже крипикъ? Позволено ли одному представлять цѣлое общество? И не есть ли безумное высокомеріе почитать

себя голосомъ Публики, или присвоивашь себѣ способность давать законы ея сужденіямъ?“

— И въ этомъ случаѣ позволяю себѣ думать различно съ вами. Напрасно приписываеше вы Крипику неприличное намѣреніе быть законодательемъ мнѣній. Положеніе Автора можно съ одной стороны сравнить съ положеніемъ человека, разговаривающаго въ обществѣ: первый говоритъ большими монологами, на которые или не дающъ ему отвѣта, или отвѣчающъ ему въ крики; другой выражается въ нѣсколькихъ словахъ, слышишь отвѣты, дѣлаешь возраженія — по же, что кришика: отвѣчать на бумагѣ, отвѣчать на словахъ, не всели равно? Гдѣ же намѣреніе быть законодательемъ мнѣній? Одно необходимое условіе — учтивость! предлагайте мысли свои, не думая, чтобы онѣ были неопровержимы. Правда, что каждый читатель есть самъ по себѣ кришикъ, ибо онъ думаетъ и судитъ о томъ, что читаетъ; но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы Кришика была бесполезна? Я сомнѣваюсь. Два рода читателей: одни, закрывая прочитанную ими книгу, осматриваясь съ шемнымъ и весьма безпорядочнымъ объ ней понятіемъ — это происходитъ или отъ непривычки мыслить въ связи, или отъ

нѣкопороу безпечности, копорая препяш-
 ствуешъ имъ слѣдовать своимъ внимані-
 емъ за мыслями Автора и разбирашь впечат-
 шлѣнія, въ нихъ производимыя красотами
 или недоспашками его шворенія; другіе
 читающъ, мыслящъ, чувствующъ, замѣча-
 ющъ прекрасное, видящъ погрѣшности, и
 въ головѣ ихъ оснаещя порядочное, пол-
 ное понятіе о томъ, что они читали. Нѣ-
 копорые — прибавлю — судящъ криво и косо
 о произведеніяхъ изящнаго, пошому что
 вкусъ ихъ и разсудокъ или испорчены пред-
 убѣжденіями, или весьма еще мало образо-
 ваны и пребующъ направленія. Для пер-
 выхъ благоразумная Кришика полезна бы-
 ваешъ шѣмъ, что она можешъ служишь
 Арїадниною нитію ихъ разсудку и чув-
 ству, копорыя безъ того пошерядись въ
 лабиринтъ безпорядочныхъ понятіи и впе-
 чашлѣній; она облегчаешъ для нихъ рабо-
 шу ума, соединяешъ и приводишь въ си-
 стему то, что имъ представлялось безъ
 связи и по часшамъ; побѣждаешъ ихъ
 безпечность, и, избавляя вниманіе отъ
 тяжосшнаго усилія, приводишь ихъ краш-
 чайшимъ путемъ къ той цѣли, къ копо-
 рой не могли бы они досшигнушь безъ
 указашеля. Другимъ доспавляешъ она слу-
 чай сравнивашъ собшвенныя понятія съ
 чужими, болѣе или менѣе основашельными,
 и слѣдовашельно представляешъ имъ съ

другой почки зрѣнія иѣ предметы, ко-
 торыя они уже съ одной или съ нѣкопрыхъ
 разсмапривали: оиѣ такоо сравненія ра-
 ждающія новыя понятія, или обьясняющі-
 ся и спановящія положительнѣ старыя.
 Но главная и существенная польза Кри-
 шики состоитѣ въ разпоспраненіи вкуса,
 и въ этомѣ отношеніи она есть одна изѣ
 важнѣйшихъ оспраслей изящной Словесно-
 сти, прибавлю, и Философіи Моральной.
 Что такое вкусѣ? Чувствво и знаніе кра-
 сопы въ произведеніяхъ Искусства, имѣю-
 щаго цѣлю подражаніе Природѣ, нравствен-
 ной и физической. Научаясь живѣ чув-
 ствовашъ красопы подражанія, мы необ-
 ходимо спановимся чувствительнѣ и къ
 красопамѣ образца. Человѣкъ съ образо-
 ваннымѣ и нѣжнымѣ вкусомѣ (который
 всегда основывается на чувствѣ и шоль-
 ко управляемѣ бываетѣ разсудкомѣ) дол-
 женѣ имѣшъ и харакшерѣ моральный, бо-
 лѣ или менѣ совершенный. Кришика,
 разпоспраня истинныя понятія вкуса,
 образуешъ въ шо же время и самое мораль-
 ное чувство: *добро*, красопа моральная
 въ самой Нашурѣ, ошвѣчаешъ тому, что
 называется *изящнымѣ* въ подражаніяхъ
 Искусства; слѣдовательнѣ съ усовершен-
 швованіемѣ одного соединяешся и усовер-
 шеншвованіе другаго. Изѣ всего, мною

сказаннаго, можешъ заключить, что званіе Кришны и весьма важное и весьма трудное. Вотъ идеалъ, составленный мною о его характерѣ: Истинный Кришна, будучи одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, имѣетъ проницательный и вѣрный умъ, которымъ руководствуется въ своихъ сужденіяхъ; чувство показываетъ ему красоту тамъ, гдѣ она есть, во всѣхъ ея отпѣнкахъ, и самыхъ нѣжныхъ, и самыхъ нечувствительныхъ; разумъ опредѣляетъ истинную цѣну ея, и не даетъ ему ослабляться ложнымъ блескомъ, иногда замѣняющимъ прямо изящное. Онъ знаетъ всѣ правила Искусства, наполненъ превосходнѣйшими его образцами — но въ сужденіяхъ своихъ не подчиняется рабски ни образцамъ, ни правиламъ: въ душѣ его существуетъ собственный идеалъ совершенства, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго, идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника, идеалъ *возможнаго*, служащій ему вѣрнымъ указателемъ для опредѣленія степеней превосходства. Этого не довольно: чтобы судить о произведеніяхъ Искусства, которыя не иное что, какъ подражаніе Природѣ, надлежитъ хорошо быть знако-

мымъ и съ самымъ предметомъ подражанія — съ Природою. Возьмите въ примѣръ самый высокій изъ всѣхъ родовъ Поэзіи: Эпическую Поэму. Въ ней видите нравственный мѣръ, со всѣми его страстями, и мѣръ физическій, со всѣми его прелестями и великолѣпіемъ. Спрашиваю: будете ли въ состояніи Критикъ опредѣлить достоинство Стихотворца въ изображеніи страстей и характеровъ, если ни дѣйствія страстей, ни тайны характеровъ, которыя надлежитъ наблюдать въ самомъ человѣкѣ, ему неизвѣстны? Замѣшите ли онъ вѣрность или невѣрность въ изображеніяхъ физической Природы, если никогда самъ не восхищался ея красотою, если очарованіе вечера, или спокойное величіе утра, или прѣящность шѣнистыхъ долинъ, или ужасы дикихъ утесовъ, неподвижныхъ среди низпадающихъ съ вершины ихъ водопадовъ, не имѣютъ никакой привлекательности для его сердца? Истинный Критикъ долженъ быть и моралистъ Философъ и прямо чувствителенъ къ красотамъ Природы. Скажу болѣе: онъ долженъ быть и самъ морально добрымъ, или по крайней мѣрѣ имѣть въ душѣ своей рѣшительное расположеніе къ добру: ибо доброта моральная, какъ я уже сказалъ прежде, служитъ основаніемъ чувству изящнаго, и послѣднее,

не будучи соединено съ первымъ, никогда не можешь имѣшь надлежащаго превосходства. Наконецъ хочу найши въ немъ пламенную любовь къ Искусству: онъ долженъ имѣшь объ немъ понятіе высокое; въ противномъ случаѣ никогда не соспавится въ головѣ его пошль идеаль совершенства, безъ котораго мысли его не будутъ ни живы, ни убѣдительны. Само по себѣ разумѣешь, что Кришиковъ, близкихъ къ моему идеалу, весьма немного: Лонгины, Джонсоны, Аддисоны, Лагарпы, Лессинги такъ же рѣдки, какъ и великіе Художники, вопорыхъ швореніямъ они научили насъ удивляться.

„Надобно согласишься, что ваше изображеніе Кришика можешь привести въ опчаяніе и самаго неуспрашимаго рыцаря кришики: и я имѣю основаніе думать, что господа Издашеля Въспника, которые такъ смѣло выступили на сцену Кришики въ своей газетной прокламаціи, не близки къ вашему идеалу — (извините, я повшоряю, что слышалъ) — но позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе! Изъ всѣхъ ващихъ разсужденій не имѣю ли я права заключить, что кришикомъ (шанимъ, какого вы описали) можешь быть одинъ только художникъ? Кому, лучше живописца, судить о живописи, и лучше

Поэты, о стихотворствѣ? Архиппу, болѣе нежели другимъ, должны быть извѣстны всѣ тайны его искусства, и не должно ли напередъ самому написать что нибудь превосходное, чтобы имѣть способность и право кришиковать произведенія искусства?“

— Замѣчаніе ваше, есѣли хощете, и справедливо и нѣтъ. Хорошій Архиппъ не можетъ не быть и хорошимъ судіею своего искусства; это правда; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы способность разсматривать произведенія искусства непременно соединена была съ способностью производить изящное. Лагарпъ есть слабый Трагикъ; но кому лучше его извѣстна теорія Драмматическаго искусства? И его примѣчанія на Трагедіи Расина и Вольпера не лучше ли несравненно тѣхъ примѣчаній, когорыя великій Корнель, сей превосходный Трагикъ, написалъ на собственныхъ своей Трагедіи? Творецъ дѣйствуетъ по вдохновенію: онъ быстро угадываетъ тѣ красоты, когорыя Кришикъ, руководствуемый чувствомъ изящнаго, съ медлительностію разсудка разсматриваетъ въ самомъ ихъ происхожденіи. Сія медлительность въ работѣ разбирающаго вкуса едва ли сообразна съ быстротою творческаго духа; и мы не всегда находимъ ихъ соединенными въ одномъ и томъ же человѣкѣ.

Способность восхищаться красою, способность угадывать путь пущь, по которому творческой гений дошел до своей цели, то есть, до произведения изящнаго, не есть еще творческой гений — она спешенію ниже; не всякому дано оубъ природы производить великое: но путь всѣхъ ближе къ великому, кто лучше другихъ угадываетъ его пайны. И если бы надлежало выбирать, то я поручилъ бы послѣднему бытъ полковашелемъ перваго; ибо оубъ способности входилъ въ такія подробности, которыхъ первый, обемлющій все однимъ взглядомъ, и въ цѣломъ пренебрегъ бы, какъ (не) полезные, а пошому и не объявилъ бы намъ удовлетворительно своего образа дѣйствовашь.

.. Благодаря вамъ, я помирился съ Кришикою — но должно признаться, что не всѣ расположены къ ней такъ милосливо, какъ вы. Я наименовалъ бы нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей, которые ненавидящъ какъ самую Кришику, такъ и важныхъ господъ Кришиковъ. На примѣръ, Фильдингъ (котораго прекрасный Романъ, лучшій изъ всѣхъ Романовъ, умерщвленъ для насъ Рускихъ въ безбожномъ переводѣ) называшь ихъ публичными клеветниками, немилосердо марающими *репутацию* книгъ. Едва ли можно перечестъ шь пріятные

пишулы, копорыми ихъ награждають: это завистники, ядовишые пасквилянты, непрїатели славы и прочее, и прочее. Что скажете ?“

— Скажу, что все это описсися въ одному только злоупотрѣбленїю Кришики; и что имена завистниковъ, ядовишыхъ пасквилянтовъ, непрїателей славы, принадлежать единственно такимъ людемъ, копорые вооружаюся кришикою не для пользы вкуса, а въ угожденїе собственнымъ своимъ спрастямъ: зависти, мщенїю, и пр. Но это самозванцы, кришики, и ихъ-то смѣшныя ссоры съ писателями можно по сѣмъ завидливости сравнить съ сраженїями пѣшуховъ, забавными для однихъ только зрителей. Нѣкоторыя изъ нихъ нападаютъ на превосходнаго Авшора изъ одной ненависти къ превосходству; другїе опмщяють, на счетъ вкуса, за личное оскорбленїе; иныя (и кажется большая часть) имбють въ виду одно оспроумїе, и колосшиями, на счетъ хорошаго и дурнаго, безъ разбора, угождають врожденной насмѣшливости чипателя. Такихъ забавныхъ или презрительныхъ актѣровъ было весьма много на сценѣ Французской лишпешашуры, и нѣкоторыя (на примѣрѣ Фре роивъ) прославились своимъ безславіемъ. У насъ еще ничего подобнаго не бывало, вѣроятно потому, что мы не богаты про-

изведеніями собственными, можешь быть также и пошому, что Рускіе нѣсколь-ко равнодушны ко всему Рускому: а кришика, и хорошая и дурная, существуетъ только тамъ, гдѣ Литтература есть одинъ изъ любимыхъ предметовъ всеобщаго вниманія. Какъ бы то ни было, злоупотребленіе вещи не унижаетъ ея достоинства. Но прибавлю, званіе Кришика соединено само по себѣ съ нѣкоторыми неизбѣжными опасностями: Кришикъ имѣетъ дѣло съ самолюбіемъ, и что всего важнѣе, съ самолюбіемъ авшорскимъ (которое по своей раздражительности занимаетъ первую степень между всѣми родами самолюбія); слѣдовательно онъ всегда подверженъ опасности оскорблять и самымъ скромнымъ и самымъ безпристрастнымъ сужденіемъ. Въ такомъ случаѣ спасуиъ его одни слѣдующія правила: пусть будетъ онъ совершенно безпристрастенъ: безпристрастіе можно назвать *честностію* Кришика; пускай имѣетъ въ виду единую пользу искусства, остерегается предубѣжденія, и не позволяешь себѣ быть судіею въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ какая-нибудь личность нечувствительно можешь замѣшать въ приговоръ его пристрастіе. Думаю также, что разбирая произведенія изящныя, онъ долженъ болѣе оспанавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ,

и замѣчая однѣ только важныя ошибки, выставляешь превосходное: ибо всякая новая красота есть пріобрѣтеніе Искусства, есть новый шагъ его къ совершенству. Наконецъ, языкъ его долженъ быть важенъ и простъ, и только въ необходимыхъ случаяхъ (когда простое убѣжденіе недостапочно) позволяется ему употреблять оружіе насмѣшки. Насмѣшка производитъ не убѣжденіе, а предубѣжденіе; она должна быть только пособіемъ здоровой Логикѣ, и нѣмѣ болѣе опасна, что можешь унижить самое превосходное: извѣстно, что забавныя софизмы Вольпера ослабили нѣкошорыя важныя и спасительныя истины Христіанства.

„Всѣ мнѣнія ваши справедливы; но спрашиваю: много ли найдешь случаевъ такой Криптикѣ, какова вы описали, примѣняя свой идеалъ изящнаго къ произведеніямъ нашихъ писателей и художниковъ? Нельзя ли по справедливости подозрѣвать, что онъ совсѣмъ останется у насъ безъ дѣла?“

— Ваша правда — мы еще небогаты произведеніями превосходными; наша словесность едва начинаешь выходить изъ младенчества; оригинальныхъ Рускихъ книгъ весьма немного (я говорю объ однихъ хорошихъ); за то какое множество переводовъ!

и накихъ переводовъ! Ихъ смѣло можно называть *оригиналами*, ибо они совершенно никакого сходства не имѣютъ съ подлинниками. Что же дѣлать Критику среди сего наводненія, въ которомъ упоаеетъ наша несчастная Словесность? Говорить объ искусствѣ и слогѣ, разсматривая главныя книги, въ которыхъ нѣтъ и слѣдовъ искусства и слога, значило бы сражаться съ въпренными мѣльницами. Но я и разсматриванія вздорныхъ книгъ, за неимѣніемъ хорошихъ, не почишаю совсемъ бесполезнымъ. Критика можетъ быть у насъ *приготовленіемъ* къ хорошему. Разбирая, и еслили угодно, осмѣивая безобразные переводы Романовъ, которыми книгопродавцы безъ всякой пощады насъ угощаютъ, она сдѣлаетъ насъ, по крайней мѣрѣ, взыскательными, по крайней мѣрѣ, научитъ называть дурное дурнымъ; а чтобы познакомить насъ съ испинно прекраснымъ, пускай обращаетъ наше вниманіе на произведенія старыхъ или давно уже извѣстныхъ классическихъ писателей нашихъ. Въ сочиненіяхъ Ломоносова, Державина, Дмитриева, Карамзина и еще въ некоторыхъ новѣйшихъ, найдутся образцы, довольно близкіе къ тому идеалу изящнаго, которой долженъ существовать въ головѣ каждаго Критика. Причины же несовершенства нашей Словесности . . .

Разговоръ былъ прерванъ на самомъ эшомъ мѣстѣ прибытіемъ нѣсколькихъ поспороннихъ людей. Я простился съ моимъ знакомцемъ, побѣжалъ домой и записалъ для васъ слышанное: надѣюсь, что нѣкоторыя мысли моего почтеннаго Адвокаша Кришики будутъ полезны и для васъ.

В.

III. КРИТИКА.

Замѣчанія на лисьмо Профессора Буле къ Издателю Вѣстника Европы.

При письмѣ (*), о которомъ я здѣсь говоришь намѣренъ, прислана, для помѣщенія въ Вѣстникъ, Гораціева 16 ода второй книги. Къ чести нашей опеченной словесности, къ удовольствію любительей древняго стихотворства, Г. Муравьевъ - Аношоль переложилъ ее съ Латинскаго подлинника, и переводъ сей конечно есть изъ лучшихъ на Русскомъ языкѣ. Всякой вмѣстѣ съ нами пожелаешь,

(*) Смѣтри Вѣстникъ Европы 1809, № 20, стр. 267.

чтобы почтенный переводчикъ, нынѣ подобно Горацию въ сельской тишинѣ живущій для наукъ и искусствъ изящныхъ, представилъ публикѣ и другія творенія великаго Римскаго поэта. Можетъ быть труды его возбуждутъ охоту въ благородныхъ нашихъ соотечественникахъ образоваться свой вкусъ по древнимъ писателямъ, которые были учителями просвѣщенныхъ Европейцевъ; иначе мы никогда не дадимъ о себѣ хорошаго мнѣнїя пѣвцамъ людямъ, коихъ сами уважаемъ за красоту ума ихъ и дарованїя.

Господинъ переводчикъ желалъ, чтобы Г. Буле далъ судъ свой передъ публикою объ его переводѣ. И такъ г-нъ Буле сдѣлалъ то, чего отъ него требовали. Напечатавши же письмо свое онъ далъ и намъ право рассмотреть судъ его, и сообщить о немъ свои замѣчанїя. Онъ пригодится для нѣкоторыхъ читателей, кои всякое слово или напечатанное или съ высовой каѳедры произнесенное привыкли почитать изреченїемъ Оракула.

Замѣчать ли прощївурбчїя г-на Буле, которой сперва ушвердительно говоритъ, что *ода переведена вѣрно, приведена въ надлежащую мѣру и приспосовлена вообще къ генію новѣйшей поэзи, и въ особенности Россійской*, потомъ строкъ черезъ десять *недовѣряетъ*

нимало своему мнѣнію о достоинствѣ сего перевода; а тамъ, на другой страницѣ, опять кажется ему, что *можелъ увѣрить*, удалось ли господину переводчику, не смотря на всѣ трудности, изобразить духъ и смыслъ оригинала въ мысляхъ и выраженіяхъ? Добираться ли до значенія словъ, каковы на примѣрѣ: *обширная Философія жизни?* Нѣтъ; обратимъ лучше вниманіе свое на точность сужденія г-на Буле, въ которой съ юныя лѣтъ почиталъ Горація любимымъ своимъ поэтомъ, и большую часть жизни занимался вообще изученіемъ древней словесности.

Otium

Grosche, non gemmis, neque purpura, venale, nec auro.

Спокойство всѣ хотятъ *найти*!

Но, Гросчъ, его ни жемчугами,

Ни багрянницей, ни *парчами*,

Ни золотомъ не лезя купить!

О парчахъ въ подлинникѣ не упоминается: въ Гораціево время не было слова для названія парчи въ Латинскомъ языкѣ, потому что и самая вещь была неизвѣстна.

Non enim gazae, neque consularis

Summovet lictor miseros tumultus

Mentis, et curas laqueata circum

Tecta volantes.

Богатствѣ *Атталовыхъ* спяжанье
Смятеній сердца неуйметъ,
И ликторовѣ препровожанье
Толпы неопдалитъ суетъ.
Душа снѣдаема тоскою
Не можетъ обрѣсти покою
При всѣхъ ей щастія дарахъ:
Онъ часто въ хижинѣ селится;
А скука помная гнѣздишся
Въ злшыхъ высокихъ перемахъ.

Словъ, косыми буквами напечатанныхъ,
совсѣмъ нѣтъ въ подлинникѣ. Спирофа рас-
пянуша. *Вмѣсто скука* надлежало ска-
зашъ *заботы*.

Vivitur parvo bene, cui paternum
Splendet in mensa tenui salinum:
Nec leves fomnos timor, aut cupido
Sordidus aufert.

Блаженъ, кто въ тихой, низкой долѣ
Богатъ умѣетъ малымъ быть;
Спяжалъ себѣ не хочеть боль,
Какъ чѣмъ лишь скромно вѣкъ про-
жить,
Хлѣбъ - соль простая угощенье,
Стола опрятна укращенье,
Слонка дѣдовска одна:
Ни алчность почестей и власти,
Ни жадность, лихоимной страсти
Не возмущающъ легка сна.

Въ первой половинѣ строфы при стиха
лишнѣе. *Вмѣсто алчности почестей и*
власти надлежало бы, поставивъ *слрхъ,*

*безлокойство. Жадность лихой и мной
спрасли* — выраженіе неправильное. Сло-
ва *алчность* и *жадность* можно пере-
спавишь одно вмѣсто другаго; слѣдствен-
но оба онѣ не шверды на мѣстахъ своихъ.

Ушелъ ли кто самъ *оль* себя?

Удареніе надъ предлогомъ *оль* дѣлаемъ
ешихъ негладкимъ.

Laetus in praesens animus, quod ultra est
Oderit curare, et amara lento
Temperet risu.

Коль настоящее пріятно,
О будущемъ не помышлай;
И зная счастье сколь превратно,
Весельемъ горести смягчай

Не условнымъ образомъ, но рѣшительно
Горацій совѣщаетъ веселиться духомъ въ
настоящее время. Одинъ стихъ лишній.

. . . . Tibi tollit hinnitum
Arta quadrigis equa; te his Afro
Murice tinctae
Vestiunt lanae

Кони ошъ кобылицъ Тракійскихъ
Подъ пышной колесницей ржутъ;
Въ червецъ, которымъ Тиръ гордится
Двукратно волна *погрузилась*,
Твое чшобъ рамо украшать;

У Горація здѣсь рѣчь идетъ о кобы-
лицахъ годныхъ для рысаний. *Погрузил-
ся* спомни въ будущемъ для рифмы.

Г. Буле замѣчаетъ весьма справедливо, что ода приведена въ надлежащую мѣру и принаровлена вообще къ генію *новѣйшей* Россійской поезіи. Впрочемъ, небудучи *знатокомъ* въ древней Русской лирической поэзіи, можно видѣть съ перваго взгляду, что стихи сіи написаны обыкновенными ямбами, какими теперь вообще пишутъ, и какими сочиняютъ намъ гораздо легче нежели старинною мѣрою Полоцкаго, на примѣръ, или Медвѣдева.

Англійскій критикъ Гомъ, котораго самъ Г. Буле называетъ *славнымъ*, пишетъ, что части сей оды связаны слабо, и что ода сія, въ прочемъ прекраснѣйшая, шѣмъ обезображена (*). Г. Буле противнаго мнѣнія: не потому чтобы Гомъ думалъ несправедливо, но потому что Г. Буле не угодно было согласиться съ Гомомъ. Такъ въ одномъ учебномъ Разсужденіи (**), своемъ, на нѣсколькихъ страницахъ, онъ *опровергъ* главное мнѣніе покойнаго Шлецера, трудившагося лѣтъ

(*) The parts of ode 16. lib. 2. are so loosely connected as to disfigure a poem otherwise extremely beautiful. Elements of criticism. Basil. 1795. vol. I. pag. 28.

(**) De optima ratione, qua historia populorum, qui ante saeculum nonum terras nunc Imperio Russico subjectas, praefertim meridionales, inhabitasse aut pertiansiisse feruntur, condi posse videatur. Mosquae 1806.

пятидесять надб. Исторією сѣверныхъ странъ и народовъ. Тщешно Винкельманъ чрезъ всю жизнь свою разсматривалъ и описывалъ памятники древняго художества; Г. Буле этого не испугался, и доказалъ въ недовончанномъ своемъ Журналѣ изящныхъ искусствъ (*), что Венера носила только одинъ покровъ, а не два, какъ Винкельманъ утверждаетъ ссылаясь на древнія сшашуи. Къ утѣшенію однакожь и Шлецера и Винкельмана, Г. Буле чистосердечно отдаетъ имъ должную справедливосшь, называя перваго *Historicorum nostrae aetatis in Germania facile principem*; а другаго *ученымъ, тонкимъ и остроумнымъ знаткомъ антиковъ и всего изящнаго*. Надобно же было предувѣдомить читателей, съ какими исполинами начинается единоборство.

Сстановлюсь на споронѣ славнаго кришника Гоме, и утверждаю вопреки мнѣнію г-на Буле, что онъ судилъ о лирическомъ поэтѣ, какъ судить о немъ должно. Гому

(*) Можетъ быть онъ докончанъ будетъ въ нынѣшнемъ столѣтїи. Съ 1807 года вышло его только 3 книжки; подписавшіеся ожидающъ еще преждъ. Надобно однакожь замѣнить, что не объ немъ писано было въ листкахъ Котцебу и Меркеля; тамъ упоминали объ *Ученыхъ Вѣдомостяхъ* г-на Буле, коихъ окончанія за 1806 и 1807 годы также desiderantur.

безъ сомнѣнїя извѣстно было, что связь въ мысляхъ равно необходима и въ прозаическихъ сочиненїяхъ и въ стихотворныхъ, съ тою только разницею, что у лирика она бываетъ часно зарыта, и что мнимою безпорядкомъ есть одно изъ существенныхъ украшенїй оды. Англїйскїй кристикъ прилжно занимался дѣломъ своимъ, и не выдавалъ себя вдругъ за Метифизика, за Филолога, за Натуралиста, за Юриста, за Историка и проч. и проч. и для того мы, почтпашели Гома, никакъ не могли повѣрить, будто онъ судилъ объ Гораціѣ по какимъ-то особливимъ правиламъ, предписаннымъ для *логическаго прозаика*. Въ такомъ случаѣ Гомъ былъ бы крайне смѣшонъ, уча другихъ тому, чего самъ не знаетъ. — Войнолюбивые Францїйцы, носящіе колчанъ Мидяне — говорятъ Гораціѣ — ищущъ спокойствїя, котораго — вы думаете, что Гораціѣ скажешь *не лзя приобрѣсти войною?* Совсѣмъ нѣтъ! полудикіе, свирѣпые воины ищущъ спокойствїя, котораго — *не лзя купить дорогими камнями, багрянцею и золотомъ!* Соблюденъ ли щущъ естественной порядокъ въ ходѣ мыслей, и отвѣчаетъ ли первое предложенїе послѣднему? Чтобы не распространяться, сего довольно для оправданїя Гома.

Г. Буле совѣтуешь намъ выбросить букву **Ѡ** изъ Русской азбуки, и упошреблять вмѣсто ее **Ф** и **Т**. Правда, что нѣтъ ни одного собственно Русскаго слова, для котораго была бы нужна сѣя буква; но она уже близь тысячи лѣтъ оказывала услуги свои Славянскому языку, будучи упошребляема въ словахъ принятыхъ безъ перевода съ Греческаго, и опличая ихъ отъ словъ другаго произхожденія. Какъ бы ни произносили букву **Ѡ**, для насъ прѣянно видѣшь ее въ именахъ *Ѡеофанъ, Ѡеофилъ, Ѡералдильтъ*; мы пощчасъ вспоминаемъ, что первое составлено изъ *Ѡеосъ Богъ* и *Файлъ являю*, второе изъ *Ѡеосъ* и *Файлъ любезный*, послѣднее происходитъ отъ *Ѡеосъ грѣю, врачую*, а не отъ *Феосъ несу*. По той же причинѣ желательна, чтобы въ Греческихъ словахъ упошребляли **І** и **И** гдѣ должно, и писали бы, не *Хрисосъ, Архимандрильтъ, Ѡеофилъ*, но по обыкновенію ученыхъ нашихъ шариковъ *Хрислосъ, Архимандрильтъ, Ѡеофильтъ*. Нѣмцы и Французы для Греческихъ словъ удержали **Т** совершенно для нихъ лишнее; имѣя **Ф** они пишутъ *Philosophie*, а не *Filosofie*, единственно потому что такъ писали древніе Римляне; къ чему же намъ пристало писать по *Ѡеофилъ*, по *Феофилъ*, лишь бы избѣжать ненавистнаго **Ѡ**? Исполнивъ требованіе г-на Буле, мы угодили бы

шолько ꙗѣмь кои, чшобы неоптсшашь отъ другихь, пишущь Ѡ гдѣ ни попало, и вмѣсто Федра, Фебъ, Теофанъ, ставящь *Федра*, *Фебъ*, *Фесѳанъ*, помни что Ѡ не выключено изъ азбуки. И шакъ, не принимая совѣша г на Буле, мы благодаримъ его за вниманіе къ нашему языку и словесности; незнаемъ однакожь, чѣмъ оправдашь невниманіе его къ древней словесности, въ которой онъ большую часть жизни своей упражнялся. Онъ шолько догадывается, шолько почишаешъ *европейнымъ*, что Греки произносили Ѡ инымъ образомъ нежели Ф, и подкрѣпляетъ догадку свою ꙗѣмъ, что Греки не употребляли бы двухъ разныхъ знаковъ для одного и того же звука. Никакой надобности нѣтъ догадываться, когда можно говоришь ушвердительно. Буквы Ф, Х, Ѡ, называющя гуспыми (*aspiratae, даѳѳа*); В, Г, Д, средними (*mediae, мѳѳа*); П, К, Т, тонкими (*tenues, ѳѳа*). Ѡ имѣешъ шакое отношеніе къ Т, какое Ф къ П и Х къ К. Діонисій Галикарнасскій (*) въ сочиненіи своемъ *О расположеніи словъ* шоль ясно шолкуешъ, какъ произносились были буквы Греческаго алфавита, что нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать къ остроумнымъ догадкамъ. Не справившись съ Діонисіемъ, не заглянувши въ сочиненія новыхъ Грамматишкѳвъ и не по-

(*) Глава XIV.

совѣщавшись хорошенько о семъ дѣлѣ съ людьми знающими, Г. Буле пишетъ, что древній выговоръ буквы *Θ* давно потерянь, и — что всего забавнѣе, утверждаетъ, будто нынѣшніе Греки произносятъ ее телерь какъ *Φ*. Многіе съ удивленіемъ спрашивали насъ, какой ради причины въ Россійскомъ Журналѣ напечатаны столь очевидныя погрѣшности. Чѣмъ извиняешь? Мы не смѣли оправдать г-на Буле, боясь подвергнуть себя самихъ насмѣшкамъ и нареканію; ибо кому неизвѣстно, что между *Φ* и *Θ* великая разница; что первая буква принадлежитъ къ губнымъ (*labiales*), вторая къ язычнымъ (*linguales*), и что нынѣшніе Греки произносятъ *Θ* точно какъ и древніе, съ дыханіемъ, приложивши конецъ языка къ зубамъ верхнимъ и нижнимъ? Кто захотѣлъ бы защищать мнѣніе г-на Буле, тому надлежало бы прежде упросить всѣхъ Грековъ, чтобы согласились выговаривать *Θ* какъ *Φ*, и опсали бы отъ нынѣшняго произношенія; надлежало бы испребить великое множество книгъ, въ которыхъ весьма ясно растолковано, какимъ образомъ произносится буква *Θ* (*).

(*) Въ Греческой Грамматикѣ на Нѣмецкомъ языкѣ, въ третій разъ 1805 года изданной Бушманомъ въ Берлинѣ, написано: *Θ wird*

Замѣчанія сіи и недосшачочны и сла-
бы; онѣ писаны челоѡкомѣ, которому судь-
ба недозволила взглянуть на лица досшо-
почтенныхъ машадоровѣ Гешпингенскихѣ,
Лейпцигскихѣ и Гальскихѣ; недозволила
насладиться поучительною ихѣ бесѣдою.
Учебныя пособія его сошояшѣ въ маломѣ
количесшѣ книгѣ, въ кошорыя онѣ загля-
дываешѣ иногда въ свободные часы, онѣ
должности оспающіеся. К.

von uns gewöhnlich nicht vom T unterschieden ;
bei den Alten aber gehörte es zu den aspirir-
ten, d. h. mit einem Hauche begleiteten Buch-
staben, und wird auch von den heitigen
National-Griechen auf eine lispelnde Art,
wie das englische th, ausgesprochen. Спр.
II. — Еще лучшимѣ доказательствомѣ
служишѣ можешѣ свидѣтельство природ-
наго Грека Дарвалиса въ сочиненной имѣ
Грамматикѣ нынѣшняго Греческаго языка,
напечащанной въ Вѣнѣ 1806 года. Онѣ пи-
шешѣ (на спр. 7.) слѣдующее: τὸ δ, ζ, θ, λ,
τ ἐκφωνῶνται διὰ τῆς γλώσσης, ἀλλὰ τὸ μὲν δ προφέρε-
ται, προσευγίζοντας τὴν γλῶσσαν εἰς τὰς ἀνω ὀδόντας οἷον:
διδάσκω, δίδα. τὸ δὲ θ, βάζοντας τὴν γλῶσσαν μεταξύ
τῶν ὀδόντων, οἷον: Θεῶ Θεά и проч.

Исторія Россійской Имперіи въ царствованіе Петра Великаго, сочиненная Вольперомъ. Часть первая, книжка 1 я и 2 я. въ типографіи у А. Рѣшетникова.

Въ первыхъ годахъ царствованія Императрицы Елисаветы Вольперъ задумалъ сочинять Исторію Петра Великаго. Въ письмѣ къ Даліону, Французскому при С. Петербургскомъ Дворѣ Министру, мимоходомъ упомянувъ о щедрости Россійской Государыни, онъ изъявилъ желаніе свое имѣть подробныя записки о дѣяніяхъ Петра I, и обѣщался воздвигнуть памятникъ славы сего Монарха. Тогда уже вышло нѣсколько изданій Генріады; Исторія Карла XII доставила уже Вольперу пишло; Французскаго Квишпа Курція; слѣдственно онъ могъ смѣло вступать въ подряды на сооруженіе памятниковъ, имѣя по себѣ столь благонадежныя поручительства. Не смотря на то, Канцлеръ Графъ Безсужевъ думалъ иначе; онъ между прочимъ замѣтилъ на письмѣ, сообщенномъ ему отъ Даліона, что лучше поручить сей трудъ Академіи Наукъ, нежели удостоить онымъ иностранца. Общопельства перемѣнились, и Вольперъ получилъ отъ Шувалова требуемыя записки и матеріалы.

Сооруженный Вольперомъ памятникъ скоро началъ валишься. Всѣ вознегодовали, и вина пала на Миллера, которому поручено было снабдить Вольпера записками, и которой будто бы послалъ къ нему переводы самые невѣрные и неполные. Левекъ, соопчикъ нашего Историка, пишетъ, что умышленно отправлены къ Вольперу худые матеріалы, и что Немецъ (Миллеръ, на котораго возложено было сѣ препорученіе, самъ собрался писать Исторію Петра Великаго. Защищеніе Левеково несправедливо: послѣ Вольперъ самъ признался, что ему трудновато показалося разбирать и приводить въ порядокъ грубые матеріалы, и что онъ, не пользовавшись, отдалъ ихъ въ одну публичную библіотеку, вѣроятно въ Женевскую.

Другое важное неудобство состояло въ томъ, что сочиняя Исторію Петра Великаго по желанію самаго Правительства, Вольперъ не могъ уже съ такою опроверженностію разсуждать о свойствахъ и дѣяніяхъ сего Монарха, какъ извѣстился о немъ въ Исторіи Карла XII. По сей-то причинѣ и книгу свою назвалъ онъ *Исторією не Петра Великаго, но Россіи въ царствованіе Петра Великаго*. Будучи весьма недоволенъ своимъ сочиненіемъ, Вольперъ написалъ къ Шувалову: „я велю вырѣ-

зашь на гробницѣ своей надпись: здѣсь лежилъ человекъ, который холмѣлъ сочинилъ Исторію Петра Великаго.“

Надобно бышь слѣпымъ и закоренѣлымъ почиташелемъ Вольера, чтобы плѣняшьсѣ свѣдѣніями его опечественной нашей Исторіи. Наслышавшись на примѣрѣ о славномъ его *Опытѣ о правахъ и духѣ народовъ*, кто бы чаялъ найти въ немъ неслѣпости, которыми начинается XIII глава въ III томѣ, и которыя нарочно предлагаемъ здѣсь для образчика? „*Московія*, или лучше сказать „*Зіовія*, начала нѣсколько познавашъ Христіанскую вѣру при концѣ десятаго вѣка. Женщинамъ суждено перемѣняшь вѣру въ государствахъ. Сестра Императоровъ Василія и Константина, сочешавшись съ Великимъ Княземъ *Московскимъ*, по имени *Володимеромъ*, убѣдила своего супруга окреспиться *Москвитяне*, хотя невольники своего Государя, не вдругъ послѣдовали его примѣру; при томъ же въ тѣ времена невѣжесшва они заимсповали отъ Греческихъ обрядовъ одно только суевѣріе. Въ прочемъ Князя *Московскіе* тогда еще не назывались царями (czars, ou tsars, ou tchards); они приняди сей титулъ не прежде какъ сдѣлавшись обладателями справъ, находящихся

„ся въ спорѣхъ Казани и принадлежав-
 „шихъ царямъ. Слово сѣе взято съ Пер-
 „сидскаго языка; въ Славянской Библии
 „король Давидъ называется царемъ Дави-
 „домъ.“ Въ XXXIX главѣ Вольшеръ пу-
 спословишь: „какъ бы то ни было, Анна,
 „дочь иѣкоего Ярослава *неизвѣстнаго* Кня-
 „зя какой - то Россіи, была Королевою
 „Франціи.“ *Неизвѣстнымъ* называется Воль-
 шеръ законодателя Ярослава, который поч-
 ти со всѣми Государями сопряженъ былъ
 узами крови. Сестра его Марія была въ
 супружествѣ за Казимиромъ Польскимъ;
 старшій сынъ его, Владиміръ, женатъ былъ
 на дочери Гаральда, бывшаго попомъ Ко-
 ролямъ Англійскимъ; прешій сынъ его,
 Святославъ, имѣлъ за собою Графиню
 Швадшскую, сестру владѣтельнаго Епи-
 скопа Трирскаго Бурхарда; четвертый
 сынъ его, Всеволодъ, женатъ былъ на
 дочери Императора Константина Моно-
 маха; первая дочь Ярослава была выда-
 на за Короля Норвежскаго, а третья за
 Андрея Короля Венгерскаго.

Возвѣтившись изобразить картину
 Россіи въ царствованіе Петра I и дѣвнѣя
 сего Великаго Монарха, надлежало въ осо-
 бомъ вступленіи дать читателямъ поня-
 тіе о началѣ и происхожденіи народа;
 предсавивъ главныя перемѣны въ госу-

дарствѣ, открывъ причины возвышенія и упадка, показавъ въ какомъ состояніи до того времени были нравы, обычаи, вѣра, законы, правленіе, народное богатство, промыслы. Какъ же могъ Вольшеръ исполнить столь важное и необходимое требованіе, не запасшись доспащочными свѣдѣніями? *Россія была страна варварская; Пелръ просвѣтилъ ее: вошъ все, что иностранцамъ извѣстно о нашемъ опечесствѣ; вошъ главная мысль, кошо-рою они прикрываютъ собственное свое невѣжество, и кошо-рою всякей изъ нихъ распространяетъ по своему благоразсужденію.* Напрасно спанете спрашивать у нихъ: какія были взаимныя отношенія между сословіями государства? какія были обязанности ихъ опносительно къ престолу? какъ назывались чины воинскіе и гражданскіе? какъ управлялась такая огромная машина? какими пружинами двигались всѣ часши, соспавляющія оную? Испорикъ государства, около пысячи лѣтъ существующаго на великомъ пространствѣ земнаго шара, не можешъ опговариваться невѣденіемъ, когда уцѣлѣвшіе памятники дають способы сдѣлать обо всемъ шомъ справедливыя заключенія.

Вольшерово предисловіе, кошо-рое назвалъ онъ историческимъ и кришическимъ,

приличнѣ было бы назвашь шушовскимъ. Сочинишель, по обыкновенію своему, умышленно смѣшишь чиншешей и ругаешь ненависныхъ ему кришиковъ. Вспушленіе наполнено ошибками: Первымъ писашелемъ, познакомившимъ иноспранцевъ съ Москвою, Вольшеръ почиташеть Оларія, а объ Гербершшеймъ, по видимому, онъ и неслыхивалъ. Жишешей Украйны, козакъ, по мнѣнію Вольшера, суть смѣсь древнихъ народовъ: Рокселановъ, Сармашовъ и Ташаръ; они были сперва язычники и магомешане; находясь подъ игомъ Польши, они окрестились въ Христіянскую вѣру (спр. 80) Римскаго исповѣданія, и съ тѣхъ поръ, какъ достались Россіи, принадлежатъ къ церкви Греческаго исповѣданія. Черезъ нѣсколько спраницъ (124), шешъ же Вольшеръ говоритъ совсѣмъ уже другое о принятіи Христіянской вѣры. Когда Великая Княгиня Ольга окрестилась въ Конспаншинополь, то Императоръ Іоаннъ Цимискій не упустилъ въ нее влюбиться!! Всѣмъ извѣстно, что Ольга принята и угощаема была Конспаншиномъ Багрянороднымъ и его сужругою; и что Цимискій тогда еще не былъ Императоромъ. У Вольшера написано: „Владиміръ, рожденный отъ наложницы, убивъ брата своего, чшобы царствовать, искалъ союза съ Императоромъ Конспаншинопольскимъ Василіемъ, и полу-

„чилъ его не иначе, какъ обѣщавшись окре-
 „спиться. Въ сіе - по время, по ешь въ
 „987 году, Греческая вѣра начала дѣйствы-
 „тельно утверждаться въ Россіи. Папрі-
 „архъ Константинопольскій, по имени Хри-
 „соверхъ, послалъ Епископа окреснить
 „Владиміра, желая присоединить къ духо-
 „вной своей обласи и сію часть свѣта.“
 Въ сихъ немногихъ строчкахъ вмѣщено
 полдесятка ошибокъ; но въ нихъ есть и
 правда. Въ переводѣ сокращено: „Влади-
 „миръ распространилъ ее (вѣру) во всемъ
 „погда извѣстномъ государствѣ.“ Мы ду-
 „маемъ, что Г. переводчикъ волею былъ
 прибавлять свои замѣчанія; но для чего
 выбрасывать подлинныя слова Историка,
 а особливо въ такой книгѣ, которая до-
 казываетъ невѣжество сочинителя и болѣе
 почти ни къ чему не служитъ? Тотъ пе-
 реводъ хорошъ, который замѣняетъ намъ
 автора, и при которомъ нѣтъ надобно-
 сти справляться съ подлинникомъ. Но
 мы угадываемъ, что шущъ виноватъ не
 переводчикъ. . . .

Вольперъ насчиталъ (спр. 128) толь-
 ко двѣ тысячи душъ мужескаго пола, со-
 спавающихъ *раскольничью секту*, ко-
 торая, говоритъ онъ, установлена въ XII
 столѣтіи, въ которыхы набожными, имѣв-
 шими свѣдѣніе о Новомъ Завѣсѣ. Незная,
 что скоро по вступленіи Владиміра Моно-

маха на престолъ Великокняжескїй всѣ Жидаы высланы изъ Русскихъ областей, онъ смѣло утверждаетъ (стр. 131), что Жидаы никогда не имѣли заведенїй въ Россїи, какъ въ другихъ Европейскихъ государствахъ.

Вобщемъ книга сія написана весьма невѣрно. Вольшервъ на каждомъ шагѣ спотыкается, погрѣшая то въ хронологїи, то въ Географїи, то въ описанїи не только подробностей, но и главныхъ происшествїй; а что всего хуже, онъ писалъ не какъ непристрастный философъ, но какъ Французъ, погрязшїй въ предрасудкахъ о невѣжествѣ и недостоинствѣ Русскихъ, которыхъ по его описанїямъ можно почесть насмѣяющимися дикарями. Главы двѣ или три читать прїятно; но надобно уже забыть, что читаешь Исторїю.

На слогъ нашего переводчика грѣшно пожаловаться. Онъ довольно хорошъ, несмотря на нѣкоторыя неисправности, отъ которыхъ остеречься весьма трудно. Жаль, что въ семъ изданїи почти на каждой страницѣ опечатки. Хозяинъ типографїи долженъ стараться о чистотѣ книги едва ли не болѣе самаго автора. *Исторїя*, въ Русскомъ переводѣ, раздѣляется на двѣ части, или на чешыре книжки. Вторая часть еще не вышла. К.

IV. С М Ъ С Ъ.

МЫСЛИ и ЗАМѢЧАНІЯ.

Всегда достанетъ у насъ твердости перенести несчастье другаго.

Напрасно хвалятся иные великими дѣлами. Какъ часто самое по, что великимъ дѣломъ называютъ, происходитъ совсѣмъ не отъ намѣренія, но отъ случая!

Большую частію разговоръ похвѣ бываетъ непродолжителенъ, въ которой не вмѣшивается тщеславіе.

Строгость женщины есть нишь, кою она къ себѣ привязываетъ.

Ласкательство есть фальшивая монета, котораго курсъ опускается и возвышается, смотря по тщеславію.

Мы обыкновенно любимъ тѣхъ, кощере намъ удивляются; напрошивъ всегда чувствуемъ ненависть или много на нее похожее къ тѣмъ, которые заставляютъ себѣ удивляться.

Ревнивость происходитъ болѣе отъ самслюбія, нежели отъ любви.

Не столь опасно дѣлать зло некоторымъ людямъ, какъ добро.

Будь скромнѣ и уподобляйся живошворному солнцу, когда оно яркіе лучи свои въ водахъ сокрываетъ. Очень жалокъ шопъ, кипо подражаетъ мрачному дыму, который возвышаясь болѣе и болѣе, наконецъ совершенно въ воздухъ перяется.

Мало такихъ умовъ, которые презирали бы похвалу дурака.

Безъ посоха надежды трудно чловѣку проходить скользкій путь жизни.

Чтобъ не имѣть къ себѣ неблагодарныхъ, не лучше ли стараться забывать свои благодѣянія?

Мщеніе есть вывѣска дурной души.

Сухой поклонъ и одобришельная улыбка умнаго гораздо дороже ласковаго приема и большой похвалы большаго дурака.

А. Маздорфъ.

О врачебныхъ свойствахъ соленой воды Елтонскаго озера ().*

Топографическое и физическое описаніе Елтонскаго солянаго озера, лежащаго въ Саратовской Губерніи, уже сдѣлано. Добываніе

(*) Сія сшашья написана г-мъ Штабъ-Лѣкаремъ Керычевскимъ, и прислана къ намъ изъ Камышина при письмѣ отъ одного ея пріятеля. *Мзд.*

соли, отпускъ и доставленіе оной къ берегу рѣки Волги также извѣстны. Не излишнимъ почитаю описать цѣлительныя свойства соленой воды Едмонской.

Соль начинаетъ садиться въ среднихъ числахъ Іюня; вода сего озера, или рапа, бываетъ въ сіе время тепла; многоразличная польза ея не подлежитъ сомнѣнію. Она подтверждена удословреніями многихъ почвенныхъ жителей Саратовской Губерніи и моими собственными опытами.

Безъ всякаго внутренняго употребленія лѣкарствъ, одно купанье въ сей рапѣ вылѣчиваетъ застарѣлую коросту, разнаго рода хроническую сыпь, лишай, замаперѣлю, по большей части у дѣтей случающуюся золотуху, болѣзни отъ расслабленія нервовъ.

Если одержимъ какою-либо хроническою и простудною ломотою лежишь зарывшись въ черномъ илѣ, кошорой подъ водою около береговъ находится, по получасу въ день два раза, и таковое дѣйствіе станетъ продолжаться три дни сряду, омываясь послѣ рапою, а по окончаніи прѣсною теплою водою; тогда безъ всякаго сомнѣнія получишь совершенную свободу отъ мучительной своей болѣзни. Илѣ сей, размягчая наружную кожу тѣла, сильное производитъ въ ономъ испареніе, за коимъ ощущительное облегченіе слѣдуетъ. Весьма полезно прикладывашь илѣ на сукнѣ къ горлу отъ простуды, къ опу-

холи отъ золотухи, къ поясницѣ, къ рукѣ или къ ногѣ стѣ лопоты, перемѣняя въ день три раза. Во всѣхъ холодныхъ опухоляхъ и наростахъ на косняхъ илѣ помогаетъ.

Ломщики, то есть люди упражняющіеся въ добываніи соли, почти всѣ живутъ около береговъ въ землянкахъ; они часто бывають подвержены цынготнымъ припадкамъ во рту и укушенію зѣбшихъ насѣкомыхъ, тарангула и сороконожки. Неприятной изорта духъ и расслабленіе десенъ отъ нѣсколькихъ повтореній полосканья рапою скоро проходитъ; а боль отъ укушенія сказанныхъ насѣкомыхъ почти однократнымъ омовеніемъ рапою больной части опраццается. — Рапа сія такъ цѣлительна, что всякія почти раны вылѣчиваетъ, исключая свѣжихъ, въ которыхъ она по своему острому качеству производитъ небольшое воспаление; но и сіе исчезаетъ послѣ омовенія прѣсною водою.

Внутреннее рапы употребленіе замѣняетъ всѣ слабительныя, рвошныя, прокладительныя и потовыя лѣкарства. Человѣкъ, почувствовавшій припадки лихорадки, горячки и просуды, ежели выпьетъ стаканъ оной воды, то немедленно получитъ облегченіе. Ибо рапа имѣетъ такое свойство, что мокроты, производящія болѣзнь, чрезъ рвошу, потъ и потѣ испражняются; рапа уничтожаетъ завалы, имѣющіе начало свое отъ долговременной лихорадки, способствуя испражне-

нію болѣзненной матеріи; только въ разсужде-
ніи приѣма смотрѣнь должно на качество бо-
лѣзни и на желудокъ.

Рапа сія замѣняетъ всѣ тѣ умыванья ,
которыя приготовляются въ аптекахъ , и
за которыя платятъ не малое количество
денегъ , не получая при томъ ожидаемой
пользы. Отъ умыванія рапою лица и рукъ
загаръ тѣла и чернота въ скоромъ вре-
мени проходятъ ; лице , расположенное къ
угрямъ или къ легкой сыпи , дѣлается чи-
стымъ , нѣжнымъ , бѣлымъ и здоровымъ , и не
подвергается тѣмъ непріятностямъ , кои
бываютъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ другихъ
припираний изъ бѣлилъ и помады , то есть
чернотѣ зубовъ , поперянію въ лицѣ румян-
ца и нѣжности.

Муцины, у которыхъ послѣ бритья боро-
ды бываютъ прыщики , или саднѣетъ лицо ,
ежели станутъ выпираться рапою ; то не
будутъ изъ аптекъ выписывать корысто-
любіемъ вымышляемыхъ препаратовъ , а день-
ги свои лучше употребятъ на вспоможеніе
страждущему человечеству.

Опухоль, производящая отъ укушенія на-
сѣкомыхъ , какъ - то пчель , осъ и ядови-
тыхъ мухъ , послѣ омовенія сею водою боль-
наго мѣста проходитъ ; равнымъ образомъ
зудъ въ глазахъ , отъ впусканія въ глаза по
одной каплѣ въ день , утихаетъ .

Глисты разнаго рода отъ употребленія рапы выходятъ низомъ; желудочная колика отъ несваренія пищи облегчается.

(На берегу Елтонскаго солянаго озера.)

~~~~~  
*Анекдоты* (\*).

1.

Верстахъ въ 4ѣ отъ *Кинешмы*, уѣзднаго города Костромской Губерніи, и щеперь еще живеть въ одной деревнѣ крестьянинъ *Климъ Михайловъ*. Въ 1802 году случилъ рекрутской наборъ. У Клима былъ сынъ и пріемышъ, бѣдный сирота, въ ребячествѣ взяшой имъ на воспитаніе; оба годные для Царской службы. Сильные всегда и вездѣ утѣсняюшъ безсильныхъ. Согласно съ сею *прекрасною* истиною, крестьянской міръ присудилъ, безъ жеребья и безъ всякой вины, отдасть въ солдаты Климова пріемыша. По произнесеніи сего приговора, копорому примѣровъ довольно случается въ общежитіи, и по обычаю, коперой водилъся во всѣхъ Говударевыхъ и господскихъ волостяхъ, топчасъ его сковали. „Православные! — сказалъ Климъ со бравшемуся міру, или сходу — вы напрасно

---

(\*) Сообщенъ отъ Г. Граммахина, коперой увѣряеть, что случай сей извѣстенъ многимъ въ Костромской губерніи.

„сковали моего приемыша; бѣжать ему не  
„опѣ чего. Въ солдапы везу я роднаго сына,  
„Вы знаете, его примутъ. Богъ и честные  
„люди осудятъ меня, если я покину бѣднаго си-  
„роту. Какъ будто я вскормилъ и вспоилъ  
„его для того, чтобъ при случаѣ замѣнить  
„имъ сына!“ Мужики ахнули отъ удивленія.  
Почтительной сынъ ни мало не прошизился  
опцовской волѣ; далъ о-бя сковать и вез-  
ти въ Кострому, гдѣ Климъ наградилъ его  
родительскимъ благословеніемъ, которое у  
престолоудимовъ высоко почитается, и 50  
рублями, безъ сомнѣнія въ пошѣ лица на-  
житыми, и наказавъ служишь Государю вѣ-  
рою и правдою, самъ отдалъ его въ солдапы.

Н. Грамматинъ.

---

2.

Иностранныя слова въ Русскомъ раз-  
говорѣ всегда смѣшны; каково же, когда упо-  
требляются онѣ людьми, незнающими ихъ  
знаменованія! Вчера удалось мнѣ слышать  
разговоръ, которой меня довольно позабавилъ.  
Сошлись двѣ дамы. Одна пеняла пріятель-  
ницѣ своей, за чемъ не посѣтила ее въ болѣз-  
ни; другая извинялась незваніемъ, и съ вели-  
кимъ участіемъ спросила первую, чѣмъ она  
была больна. „Ахъ, та chere! отвѣчала эта:  
не ужъ ли въ самомъ дѣлѣ ты не знала? Я  
не вѣрю! Во всемъ городѣ извѣстно, что у

меня была система въ боку и что отъ лихорадки остались инструкции въ желудкѣ.“ N.

### Московскія записки.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ осени возобновились обыкновенныя зимнія увеселенія, и Русалка явленіемъ своимъ обрадовала многочисленный сонмъ своихъ почишателей. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ первый разъ на новомъ театрѣ предсавлена первая часть сей оперы; потомъ во второй и въ третій. Спеченіе зришелей было чрезвычайно велико. Однихъ заманивають прекрасныя декораціи, пышныя одежды, пріятная музыка, игра Сандуновой; другіе идутъ смотрѣть чудесныхъ превращеній и слушаютъ Тарабара; такимъ образомъ всѣ остаются довольны. Въ прочемъ кому дѣло до того, что Славянскія Русалки были не волшебницы, а прелестныя нимфы, копорыя иногда сидя на берегу рѣки, чесали зеленые свои волосы, или качались на древесныхъ вѣтвяхъ, или плавали въ струяхъ прозрачныхъ, и о копорыхъ преданіе не сохранило намъ никакихъ извѣстій, относящихся до любовныхъ похощеній! Но въ волшебныхъ операхъ нѣтъ ничего невозможнаго, шакъ что ежели,

на примѣрѣ, Князь Черниговскій Славомыслъ живеть въ загородномъ своемъ домѣ на берегу Днѣпра, по и сему ни мало удивляться не должно.

Кромѣ Русалки, въ числѣ сочиненій драматическиххъ, представленныхъ въ сіе время, замѣчанія достойны трагедіи Фингалъ и Отелло, Драмы Великодушіе или рекрутской наборъ, Лиза или торжество благодарности, Болъ или Англійской кулець, комедія Бригадиръ; оперы Деревенскія лѣвицы, Водовозъ и Глулостъ или щелчная предосторожность. Последнюю несравненно пріятнѣе смотрѣшь представляемую на Французскомъ языкѣ здѣшними же актерами; она весьма не къ спаци принаровлена къ Русскимъ обычаямъ и переведена самымъ несчастнымъ образомъ. Любовникъ Храбронъ пѣлъ :

Нельзя довольно намъ хватать,  
Вѣдь время жизни скоротечно.

*Желѣзная маска*, драма передѣланная съ Нѣмецкой г-мъ Краснопольскимъ, имѣеть въ себѣ ничѣмъ незамѣняемый недостатокъ, общій всѣмъ театральнымъ сочиненіямъ, основаннымъ на историческиххъ происшествіяхъ. Невозможно сдѣлать, чтобы зритель забылъ на два часа то, что зашвержено имъ съ давняго времени. Испо-

рїя Лудовика XIV очень извѣстна; трудно увѣрить себя, что онъ Желѣзную маску призналъ своимъ братомъ.

На новыя произведенїя великой неурожай. Драма *Доброй сынъ* и Комедїя *Модное воспитанїе*, взятыя изъ Друга дѣшей, г-мъ Ильинымъ издаваемого, только мелькнули на театрѣ. Нѣкоторые зрители вызывали сочинителя *Моднаго воспитанїя*, желая извѣдывать ему свою признательность громкимъ рукоплесканїемъ. Ошкрясаешься занавѣсъ, и Г. Колпаковъ почтительно доноситъ публикѣ, что не Г. Ильинъ, а Беркенъ есть сочинитель комедїи. Безполезно было бы дожидаться Беркена, которой умеръ во Франціи 1791 году; и для того желавшіе видѣть сочинителя похлопали въ ладоши и разбѣхались.

Крылатая молва, за нѣсколько недѣль до прибытїи славнаго танцовщика Дюпора и славной Французской Анприсы, дѣвицы Жоржъ, предупредила Московскую публику о намѣренїи ихъ посѣтить здѣшнюю столицу. „Они ѣдутъ! они уже здѣсь!“ говорили въ театрѣ и въ собранїяхъ; это значить, что всѣ нешерифливо сѣхъ гостей ожидали. Съ ними прѣѣхали изъ С. Петербурга Огюстъ, Ванденбергъ, Ивоина, Сенклеръ, Новицкая. Сперва

показали намъ Икониму и Огюста въ Турецкомъ балетѣ. Прекрасная пара! Кто не вѣришь, что танцы принадлежатъ къ изящнымъ искусствамъ, тому совѣтуемъ посмотришь на величественную поступь Иконимой, на почность ея въ движеніяхъ, на разнообразныя положенія. Черезъ нѣсколько дней объявленъ балетъ *Вѣлтриникъ сдѣлавшійся постояннымъ*. Зефиръ, съ бабочкиными крыльями, безпрестанно влюбляющійся и безпрестанно измѣняющій легковѣрнымъ своимъ любовницамъ, по спаранію Ероша наконецъ оспаешся во власти прелестной Флоры. Г. Дюпоръ леталъ по театру въ лицѣ Зефира. Искусство, быстрота и легкость удивительныя! Здѣшняя танцовщица, г-жа Ламираль, была не лишнею при Новицкой и Сенклеръ. Къ окончанію балета подоспѣли Аполлонъ и Венера, *Огюстъ* и *Иконина*. — Обѣщая еще нѣсколько новыхъ балетовъ. Сказываютъ, что дѣвица Жоржъ на первой разѣ покажется въ Расиновой Федрѣ. Въ Парижскихъ журналахъ часно отзываются о дѣвицѣ Жоржъ съ великою похвалою, и вспоминаютъ объ ней не безъ сожалѣнія.

Здѣшняя Французская труппа приумножилась двумя актерами, прѣбывавшими изъ С. Петербурга. Г. Фрожеръ хоро-

шо играетъ слугъ и хипрецовъ. Въ послѣд-  
нѣй разѣ предспавля лице де-Мазюра въ  
Дешушевой *Ложной Агнесъ*, онѣ показаль  
много искусства. Надѣмся еще нѣсколь-  
ко разѣ видѣть его съ удовольствіемъ.  
Другой Актеръ, Г. Адне, играль только еще  
одинаъ разѣ по прѣздѣ. М.



Въ книжной лавкѣ Сопикова объявлена  
подписка на важное Монпескѣево швореніе  
*О существѣ законовъ*, переведенное Г-мъ  
Языковымъ. Книга сія доспойна занимашь  
мѣсто въ библіотекѣ каждаго мыслящаго  
человѣка. Она почти необходима для каж-  
даго гражданина, желающаго имѣть доста-  
точное понятіе о законахъ, охраняющихъ  
жизнь, честь и спокойствіе. Великая  
Камерина совѣщавалась съ безсмерт-  
нымъ симъ швореніемъ при начертаніи  
своего Наказа. Предспавляемъ себѣ удо-  
вольствіе данъ опчешъ въ особой спашь  
о переводѣ г-на Языкова.

*Письма Князя Суорова и Анекто-  
лпи*, до жизни его касающіеся, изданы г-мъ  
Левшинымъ, наъ сказано въ предувѣдом-  
леніи, съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобы во-  
первыхъ сообщить оныя публикѣ, во вто-  
рыхъ чшобы побудить другихъ взять на  
себя подобный трудъ, и въ третьихъ  
чшобы услужить особамъ, желающимъ опи-



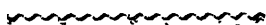
сашь жизнь сего знаменишаго Полководца. Г. Левшинъ общается издашь дополненіе къ симъ письмамъ, и сверхъ того критическое обзорніе жизни Князя *Полтемкина*. — Кромъ Грамашъ, Высочайшихъ Рескриптовъ и писемъ отъ коронованныхъ и знаменишыхъ Особъ, также писемъ отъ Суворова къ роднымъ и пріятелямъ, здѣсь помѣщенъ Вахшъ-парадъ, напечатанный съ исправнаго списка.

Что чаялъ бы въ книгѣ, называемой *Новѣйшій Русской карточный игрокъ*, найши систематически предложенную науку играть въ карты! Это настоящая учебная книга, въ которой содержится исторія каждой игры, правила, условія, установленія, расчеты, расплаты и проч. и проч., а при концѣ приложенъ даже словарь алфавитный для пріисканія всего нужнаго. Бостонъ, вистъ, пинетъ, свои козыри, навалла, марьяжъ, ламушъ и прочія игры, неисключая дурачковъ и ерошекъ, описаны съ удивительною ясностію и съ такими подробностями, которыя дѣлаютъ честь обширнымъ свѣдѣніямъ г. на сочинителя. Читая исторію бостона и виста, вамъ кажется, что дѣло идетъ по крайней мѣрѣ о перемѣнахъ Римскаго законодательства. Издашь въ

решѣ, что книга сія напечатана единственно для пользы чищающихъ.



Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ скончался здѣсь Московскаго Университета Экстраординарный Профессоръ скоповрачебной науки, Иванъ Самойловичъ Андреевскій, на 50 году своей жизни. Имѣя доброе сердце, онъ презиралъ поспыдныя способы выказывать мнимыя достоинства, въ щипинѣ скромной жизни прудился для общей пользы и оставилъ по себѣ честное имя. По части своей онъ издалъ книги: 1 ю, *Краткое начертаніе анатоміи домашнихъ животныхъ*, и 2 ю *Начальныя основанія Медицины Ветеринаріи, или скопотьченія*. Покойный, слѣдуя правиламъ своимъ, не могъ нажить доспашка. Осиротѣвшее семейство его доспойно лучшей участи,



### *Разныя извѣстія.*

Русскіе и Польскіе Жиды закупили въ Лейпцигѣ большое количество суконъ, Одинъ Бродскій Жидъ вымѣнялъ сукна болѣе нежели на 80,000 червонцовъ.



Тулузская Академія de jeux floreaux предлагаетъ задачу на 1810 годъ: Ка-

ную пользу ораторы и поэты получили могутъ отъ прилѣжнаго членія книгъ священныхъ и отъ упражненія въ древней словесности? Въ награду назначено десять призовъ: одинъ амарантъ, двѣ розы, три фѣялки, два ноготка и двѣ лилеи.

✱

Въ Реа Мансе въ сѣверной Шотландіи дочь одного священника, Миссѣ Маккей, гуляя по морскому берегу, 12го Января нынѣшняго года въ полдень, при солнечномъ сіяніи, видѣла голову морской женщины, изъ воды выплывившуюся. Лицо ея было нескладное и шолстое, глаза цвѣта зеленовашаго и носъ малые, ротъ большой. Передняя часть головы, носъ и подбородокъ казались бѣлыми, а стороны лица свѣтлоокраснаго цвѣта; голова совершенно круглая, волосы густые, длинные и свѣщящїеся. Нѣсколько разъ она руками закидывала назадъ свои волосы, которые отъ плещущихъ волнъ падали на лице, и шерла себѣ шею тонкую, бѣлую и нѣжную. Руки и пальцы у нее были тонкія и длинныя, безъ плавательныхъ перепонокъ. Иногда прикладывала она правую руку свою къ подбородку, и плавала въ такомъ положеніи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега.

При семъ случаѣ Докторъ Турренъ обнародовалъ письмо одного школьнаго учи-

шли въ Турзо, по имени Вильяма Монро. Сей Монро увѣряетъ, что за двенадцать лѣтъ прежде, онъ почти на томъ же мѣстѣ видѣлъ голую женщину, которая сидѣла на выдавшейся скалѣ и расчесывала пальцами волосы свои свѣтлокофейнаго цвѣта, по плечамъ расплывшїеся. Лице ея почти такое же было, какимъ оно выше описано, а шло совершенно женское. Минуты черезъ три, она прыгнула въ воду. Г. Монро видѣлъ сїе явленїе также вблизи и при ясномъ солнечномъ свѣтѣ. Онъ утверждаетъ, что до сего случая никогда не вѣрилъ бытію морскихъ женщинъ.

### *У в ѣ д о м л е н і е .*

Онѣ неизвѣстныхъ благотворительныхъ Особѣ доставлено въ Издашелямъ при запискѣ 25 рублей, и прислаано изъ Балашева 10 р. для сиротъ Дїакона и 10 же р. для бѣдной слѣпой Майорши. Деньги отправлены: 35 р. 22го Октябрия въ Бирючь къ Священнику Григорію Ивановичу Попову, а доставленные 29го сего мѣсяца въ Тамбовъ къ Помощнику Почт.-Директора Марку Алексѣевичу Чулкову.

30 Октябрия. К.



## I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.
~~~~~

Газетное объявленіе.

(Истинная повѣсть.)

Я ѣхалъ въ О. . . . Солнце склонялось уже къ вечеру — лошади мои, утомленные сильнымъ жаромъ, едва передвигали ноги. Мы приблизились къ лѣсу, Гладкая дорога, съ глубокими по обѣимъ сторонамъ кавалами, кощорые прекрасно выкладены были дерномъ, и густо обсажены березами, акаціями, кленомъ, кашшаами, привела насъ въ маленькую деревеньку, находящуюся въ самомъ лѣсѣ. Ея положеніе, романическое и веселое, плѣняло меня всякой разъ, когда я проѣзжалъ по этой дорогѣ въ О. . . . Прекрасный домикъ лѣснаго смошришеля, выкрашенный бѣлою краскою, съ зеленою кровлею, съ большою дерновою

перрасою и множествомъ домиковъ, къ нему принадлежащихъ, веселыхъ и очень пріятно выстроенныхъ; крестьянскія избы, выблеленныя, очень опрятныя, шамъ и здѣсь мелькающія между деревьями, каждая съ прекрасною дерновою площадкою, окруженною акаціями и шиповникомъ; дорожки, выкладенныя гладкимъ камнемъ и вьющіяся по зеленому дерну; въ разныхъ мѣстахъ скамьи — одна подъ старою липою съ обширными вѣтвями, другая на берегу ручья; прудъ; широкая площадка съ прекрасными перилами; церковь и свѣпый домикъ Пастора — все это вмѣстѣ составляло картину пѣвнишельную. Здѣсь обитаешь веселое спокойствіе! думалъ я всякой разъ, любуясь на домъ лѣснаго смотрителя; но еще ни разу, отъ излишней поспѣшности, не удавалось мнѣ остановиться въ этой деревнѣ!

— Прикажете ли ѣхать далѣе? спросилъ у меня мой извозчикъ.

„За чѣмъ же останавливаться! Мы еще далеко отъ станціи.“

— Но лошади очень устали; жаръ и песокъ ихъ замучили. Гораздо будетъ лучше, если мы выѣдемъ завтра отсюда прежде свѣта. Мы сдѣлаемъ большую упряжку, а лошадямъ будетъ гораздо легче.

„Какъ хочешь! Но есть ли въ деревнѣ трактиръ?“

— Ёспь, очень дурной! Для лошадей найдутся стойла.

„Я пойду къ смотрителю!“

Извозчикъ хлопнулъ бичемъ. Лошади, какъ будто почувствовавъ, что мы расположены дашь имъ роздыхъ, побѣжали рысью, и въ минушю коляска моя очутилась передъ крыльцомъ бѣднаго деревенскаго прахшира. Тракширщица, стоявшая въ дверяхъ, спокойно смотрѣла на извозчика, который начиналъ уже разпрягать лошадей; она не приглашала меня — какъ водится обыкновенно — занять въ домъ ея кварширу. Худое предвѣщаніе! подумалъ я выходя изъ коляски.

— Вамъ не будетъ мѣста, сказала мнѣ прахширщица.

„Не безпокойся! Какъ зовутъ вашего смотрителя?“

— Фонъ Маншпейномъ! добрый господинъ, любезный, знашный, богатый... великой охошникъ принимаешь гостей... привѣтливый... а жена его! что за милая!

Но я уже не слыжалъ послѣднихъ словъ говорливой прахширщицы; я бѣгомъ бѣжалъ въ дому смотрителя: то былъ одинъ изъ самыхъ искреннихъ Университетскихъ моихъ пріятелей.

Всхожу на дворъ; иду къ крыльцу, провожаемый лаемъ множества охошничь-

ихъ собахъ; вижу въ дверяхъ знакомое лице моего стариннаго друга; онъ узнаетъ меня, восклицаетъ отъ удивленія, бѣжитъ ко мнѣ на встрѣчу съ веселымъ видомъ, съ простертыми руками; мы обнимаемся и идемъ въ горницу.

Шестъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ мы распались при выходѣ своемъ изъ Университета — шестъ лѣтъ въ жизни пылкаго молодаго человека, вступающаго на поприще большаго свѣта! сколько новаго и необыкновеннаго надлежало въ это время съ нами случиться! Мы много уже имѣли опытовъ, и весьма о многомъ могли пересказать другъ другу. Едва позволилъ я себѣ взглянуть на прекрасную женщину, кою Манштейнъ представилъ меня въ минушу перваго изліянія нашей радости. Она входила въ горницу, уходила, занималась домашнимъ дѣломъ; и когда приближалась къ мужу, то онъ простиралъ къ ней съ нѣжностію руку, а взоры ея усредлялись на лице его съ чувствомъ привязанности и уваженія. Когда она смотрѣла на меня, то я не замѣчалъ въ глазахъ ея ни любопытства, ни обыкновенной гостепріимной привѣтливости: я видѣлъ въ нихъ одну искреннюю благодарность за то, что мое присущствіе обрадовало ея мужа.

Часа черезъ полшора — въ кошорые мы едва успѣли напомнить другъ другу о прошедшемъ и слегка описать настоящее — пришли намъ сказашь, что ужинъ на сполѣ — я подалъ руку хозяйкѣ, началъ извинящся, что разлучилъ ее на цѣлый вечеръ съ мужемъ. — „А я благодарю васъ за то удовольствіе, кошорое вы сдѣлали ему нечаяннымъ своимъ прибытіемъ, опѣвчала она съ милою улыбкою.“ — Мы ужинали не одни, съ нами сидѣло за споломъ нѣсколько молодыхъ людей, кошорыхъ хозяйнъ мой называлъ своими лѣсными и охошничьими поварищами. Разговоръ былъ общій: разсуждали о полишикѣ — но я не очень внимашельно слушалъ сїи разсужденія; глаза мои невольно устремлялись на милую хозяйку. Ея любезная просшоша въ обхожденїи; ея искусство говоришь съ каждымъ щѣмъ языкомъ, кошорый наиболѣе ему прїяшевъ; вкусный ужинъ, гдѣ все было и чисто и просто, за кошорымъ царшвовала благопрїисшойносць, веселая и непринужденная, все это засшавляло меня разсашривашь съ любопышсшвомъ эту милую жеңщину, кошорая имѣла восхишительную способносць разливашь вокругъ себя шшину, веселіе и ушпройсшво. Мужъ казался за споломъ любезнѣйшимъ госшемъ: вврояшно, что для угощенія новопрїѣзжаго, сдѣлана была какая нибудь перемѣна въ обы-

иновенномъ порядкѣ ; но *ежедневное* было такъ ощушительно, что только оно одно могло дать нѣкоторую пріятность *необывновенному*. Все оживоиворилось духомъ любви, согласія, довѣренности. Я чувствовалъ, что другъ мой былъ истинно счастливъ.

И я горѣлъ нетерпѣніемъ сообщить ему это чувство. Мы вышли изъ-за стола, остались одни, я взялъ его за руку и сказалъ : счастливцевъ ! въ то время, когда я сишаюсь по всему свѣту, не имѣя передъ глазами вѣрной цѣли, ты весело опдыхаешь въ прістани счастья. Должность необременительная и даже пріятная, домъ съ прелестными окруженностями, состояніе независимое, и при всѣхъ этихъ преимуществахъ жена — благословеніе Неба — не уже ли я ошибусь, назвавъ тебя совершенно счастливымъ ?

„Нѣтъ, мой другъ ! ты не ошибешься. Провидѣніе все для меня сдѣлало : мнѣ ощущается только желаніе, чтобы судьба моя ни въ чемъ не перемѣнялась. Но признаюсь тебѣ, мысль о возможныхъ пощерахъ никогда не приходитъ смущать меня досреди моего спокойнаго счастья.“

— Сохрани же тебя Богъ отъ всякой перемѣны ! Но проси моему любопыт-

шву — я желалъ бы узнать, какія обстоя-
тельства завели тебя сюда, и гдѣ нашелъ
ты эту прелестную женщину.

„Исторія совсѣмъ не любопытная. Раз-
скажу тебѣ только то, какимъ образомъ
доспалъ я себѣ жену: это самая занима-
тельная сцена въ моемъ Романѣ.

— А для меня самая важная. Вижу,
мой другъ, что она есть пошлѣ благодѣ-
тельный Геній, кошорымъ храняща пи-
щина, и порядокъ, и спокойствіе, пбвняю-
щія меня въ швоемъ домѣ — я никогда
не воображалъ найти такое сокровище въ
этомъ уединеніи, и еще меньше тебя его
обладателемъ. Я еще ни отъ кого не слы-
шалъ о швоей женидѣбѣ! Рассказывай!

Онъ вспалъ, вынулъ изъ своего бюро
записную книжку, положилъ ее передо
мною на столъ и началъ говорить слѣдую-
щее:

„Мы вбодно время оставили Универ-
ситетъ; ты побхалъ путешествовать,
а я провелъ цѣлый годъ у своего дяди въ
Маріеншалѣ, гдѣ, слѣдуя собственной склон-
ности и его желанію, прилбжно занимал-
ся наукою лбководства. Мой дальновид-
ный дядюшка расчелъ, что молодой че-
ловѣкъ, съ такими свѣдѣніями, какія

успѣлъ я пріобрѣсть въ Университетѣ, могъ бы весьма много выиграть при Дворѣ нашего Князя, великаго охотника и лѣсовода.

„Прошелъ годъ искуса, дядюшка отвезъ меня въ резиденцію: Министръ былъ лучшій, старинный его другъ. Меня представили къ Князю; я имѣлъ *щастіе* ему понравиться, и нѣсколько разъ вмѣстѣ съ нимъ осматривалъ Княжескіе лѣса. Меня приняли въ службу, и работалъ передъ глазами самого Министра, и всѣ почиали меня любимцемъ щастія: одни пророчили мнѣ первое мѣсто при Дворѣ, другимъ былъ я любезенъ, какъ законный наследникъ богатаго дяди. . . .“

— А женщиныамъ какъ прекрасный мужчина. Не правда ли? Объ этомъ писали ко мнѣ въ Вѣну.

„Словомъ сказать, продолжалъ Манштейнъ, меня почиали въ городѣ *хорошею партіею*. Вездѣ я былъ принятъ съ отверстыми объятіями; на столѣ моемъ всегда лежала куча визитныхъ билетовъ и приглашеній на балъ, на ужинъ, на пикникъ и прочее. Опцы взрослыхъ дочерей пожимали у меня дружески руку, а мащери ясно давали мнѣ чувствовашь, что Провидѣніе назначало мнѣ *щастіе без-*

примерное, къ кошорому ключь находил-ся въ благословенныхъ рукахъ ихъ. Ты видишь самъ, что я не имѣлъ недоспашка въ причинахъ бытъ суетнымъ и думаешь о себѣ очень много.“

„Окруженный симъ хаосомъ разсѣянности и заняшій, опличился я нечувствительно въ великомъ множествѣ домовъ, гдѣ принимали меня какъ лучшаго друга, два, кошорые посѣщаль съ особеннымъ удовольствіемъ — одинъ, домъ Камерпрезидента Герсдорфа, другой Совѣтника Зейбольда. Въ первомъ бываль я каждый Божій день, въ послѣднемъ два раза въ недѣлю, непременно, ужиналь; въ первомъ находилъ я всякой разъ блестящее общество, въ послѣднемъ никого, кромѣ почтеннаго Зейбольда и его дочери; въ первомъ Опиллія, дочь Камерпрезидента, шестнадцатилѣтняя, прекрасная, была душою всѣхъ разговоровъ: въ городѣ и при дворѣ починали ее совершенствомъ; въ послѣднемъ встрѣчался я съ тихою Элизой — но я почти ее не замѣчалъ, ибо вниманіе мое исключительно было занято разговорами Зейбольда, въ кошорыхъ почерпалъ я глубокія свѣдѣнія о вещахъ и людяхъ, и мудрыя наставленія опытности. Опиллія — ты ее знаешь!

— Какъ не знаешь очаровательницы нашихъ обществъ! —

Въ самомъ дѣлѣ очаровательница! Тебѣ извѣстно, какъ она рисуешь, играетъ на арфѣ; какъ она прелестна въ панцахъ, какъ остроумно пишешь письма, какъ любезна въ разговорахъ, какъ знаешь свѣтское обхожденіе — словомъ, эпо волшебница. О красотѣ ея говорить не нужно. Иногда казалось мнѣ, какъ будто сквозь сонъ, что умъ ея, чрезвычайно блестящій, занимался одною только поверхностною вещей; что вкусъ ея слѣдовалъ болѣе общему мнѣнію и модѣ, нежели собственному ея чувству; что остроуміе было въ ней не слѣдствіе веселаго характера, но болѣе желанія блистать передъ глазами другихъ и склонности къ насмѣлкѣ — но всѣ эти минушія подозрѣнія не оставляли никакого во мнѣ слѣда: душа моя очарована была прелестями, дарованіями, блескомъ; жизнь казалась мнѣ жизнію только тогда, когда я находился въ присутствіи Ошилліи; при ней только находилъ я себя остроумнымъ — и только обожать ее, значило для меня быть чувствительнымъ. Я не скрывалъ своего чувства: при Дворѣ и въ городѣ называли меня женихомъ Ошилліи.

— И такъ женихомъ Ошилліи былъ ты? —

„Я!“

— И ко мнѣ объ эпомѣ писали въ Вѣну, не означивъ однако своего имени; и ты могъ, Маншшейнъ. . . .

„Опказавшись опѣ шакой женьщины, какова Ошилля — хочешь ты конечно сказать. Было время, въ которое одна мысль объ эпомѣ заснавила бы меня содрогнувшись; но въ эпо же самое время, въ которое стоило бы мнѣ сказать одно слово, чшобъ пріобрѣсть *завидное*; *рѣдкое* (по мнѣнтію легкомысленныхъ людей) щастіе, кака-шо невидимая сила меня хранила! короче, я не въ соспоянїи былъ произнести эпо рѣшищельное слово. Сама Ошилля по видимому ожидала его: она часто оспавалась со мною наединѣ, и послѣ каждой бесполезной аудіенціи противъ воли обнаруживала досаду. Самое обхожденіе опца ея со мною не прошиворѣчило моимъ догадкамъ. Чшо жѣ удержало меня, при всемъ моемъ упоенїи, опкрыться и пребовать на колѣняхъ ея руки? право не знаю. Я замѣчалъ, и признаюсь, съ удивленїемъ, шолько шо, чшо это упоенїе прекращалось, когда я или занимался своею работою, или посѣщалъ почтеннаго Зейбольда. Такъ, мой другъ! всякой разъ, когда я входилъ въ уединенїе эшаго мудреца, каза-

лось мнѣ, что я спасался отъ бури въ спокойную пристань: шамъ исчезали передо мною всѣ очаровательныя призраки; шамъ, сидя передъ каминомъ, углубленный въ разсужденія о предметахъ важныхъ, я былъ истинно щасливъ, и душа моя воспламенялась; шамъ видѣлъ я Элизу, которая оставляла работу и не сводила съ меня своихъ глазъ, прелестныхъ, проникающихъ въ душу, когда я посреди разговора къ ней обращался. Очень часто разрѣшала она однимъ простымъ, но глубокомысленнымъ и съ дѣвственною скромностію произнесеннымъ вопросомъ наше сомнѣніе; часто выраженіями, изливающимися прямо изъ чистой души, подавала она поводъ къ новымъ, важнымъ для насъ открытіямъ, или неискусственнымъ, но яснымъ разсудкомъ своимъ и вѣрностію нѣжнаго чувства объясняла для насъ самыя темныя загадки ума — словомъ, Элиза (хотя ни я, ни Зейбольдъ, ни сама она этого не чувствовали) была главною цѣлю, полковашелемъ и судіею всѣхъ нашихъ разговоровъ и мнѣній. За лучшія мысли, которыя были предложены мнѣю Министру въ его кабинетѣ, обязанъ я Элизѣ. Но я этого не замѣчалъ. Споль же непонятно было для меня и по, почему въ присутствіи Опилли не могъ я найти въ головѣ своей ни одной изъ тѣхъ мыслей, ко-

споры спремительно изъ нее выливались, когда я видѣлъ передъ собою Элизу.

„Можешь быть это состояніе нерѣшимости и невѣдемія продолжалось бы еще довольно долго, когда бы одно непріятное происшествіе, по копорому обязанъ я всѣмъ моимъ насоящимъ щасіемъ, наконецъ не вывело меня изъ усыплемія.

„Съ нѣкопорого времени замѣчалъ я, что Опиллія съ необыкновенною жолкостью нападала на *чувствительность* и осмѣивала шѣхъ романическихъ любовниковъ, копорые имѣюшъ шайнѣя связи, или ищущъ невинности между *мѣщанками*. Камергеръ Сальбекъ, копорого шы знаешь, чаще прежняго шушилъ на счетъ моего знакомства съ Зейбольдомъ, и проповѣдывалъ мнѣ высокое правило: что самое легкое средство положить конецъ неприличной спрассти, естъ наслажденіе. Признаваясь, я пропускалъ все это мимо ушей, опчасши пошому, что никогда не могъ думать объ Элизѣ и Опиллїи въ одно время, а болѣе пошому, что никогда почти не удостоивалъ вниманія Сальбековыхъ шушковъ. Но все рѣшилось для меня прежде, нежели я успѣлъ замѣшишь, въ какомъ зашруднительномъ положенїи я находился.

„По моимъ обшояпельствамъ повадобилось мнѣ на нѣсколько времени ошавишь резиденцію; дней черезъ пять воз-

вращаюсь, иду въ обыкновенное время къ Зейбольду, желая сообщить ему нѣкоторыя важныя идеи, которыя были не сомнѣнны для меня ясны; — вхожу въ горницу — не вижу Элизы — это меня удивило, ибо никогда не случалось, чтобъ ей не было въ то время, когда меня ожидали. Смотрю на Зейбольда — лице его очень печально.

„Спрашиваю объ Элизѣ — онъ отвѣчаетъ мнѣ съ замѣшательствомъ, неопредѣленно, отвративъ отъ меня глаза. —

„Элиза больна! воскликнулъ я съ живостию.

— „Нѣтъ! отвѣчалъ Зейбольдъ весьма сухо.“ —

„Что жь это все значить? Или съ нею, или съ вами сдѣлалось какое нибудь несчастіе?

— „Несчастіе! можетъ быть!“

„Важная пошеря!“

— „Нѣтъ!“

Неудовольствіе по службѣ! —

— „О! нѣтъ!“ —

„Обида! ради Бога, скажите: не оскорбилъ ли кто нибудь Элизу? (Онъ вздохнулъ) Другъ мой! я имѣю право на вашу довѣренность.

— „Имѣете!“ —

„Я не хочу упоминать о правахъ моихъ на вашу дружбу, но могу надѣяться, что вы ее докажете, ввѣривъ мнѣ ва-

шу шайну: ибо всё ваши шайны должны бышь и моими. Говорите, Зейбольдъ; будемъ вмѣстѣ совѣтовать и вмѣстѣ расположимъ, что надобно дѣлать!

— „Тайна! воскликнулъ онъ: можете ли называть шайною то, о чемъ говоритъ теперь цѣлый городъ? — О бѣдная моя Элиза!“ —

„И такъ это касается до Элизы! Не мучьшежь меня своимъ молчаніемъ! Развѣ мнѣ одному должно бышь неизвѣстно то, о чемъ, какъ вы увѣряете, говоритъ теперь цѣлый городъ?“

— „И вы ничего не знаете? спросилъ онъ, уснремивъ на меня пронцашельный взглядъ.“

„Ничего, Зейбольдъ! Я только теперь возвратился въ городъ — не видался ни съ кѣмъ, и прямо изъ коляски къ вамъ!“

— „Вы невинны, Манштейнъ! Но злоба нападаетъ равно и на васъ, какъ на меня и Элизу! Вотъ, читайше!“

„Онъ подалъ мнѣ Газеты, вышедшія того числа, и показалъ припечатанное къ нимъ объявленіе. Вотъ оно, прочи самъ.“

Манштейнъ вынулъ изъ записной книжки листокъ, и я прочелъ слѣдующее:

„Извѣщаю моихъ родственниковъ, друзей и знакомыхъ, что я намеренъ

„въ непродолжительномъ времени соче-
„пашься законнымъ бракомъ съ дѣви-
„цею Элизою Зейбольдъ, единородною
„дочерью Совѣтника Зейбольда. *Ман-
„штейнъ.*“

„Не могу описатьъ себѣ тѣхъ чувствъ,
которыя вдругъ наполнили душу мою,
когда я прочиталъ эти строки. И ше-
перь не могу безъ сильнаго волненія вспо-
мнить объ этой минутѣ. Я не думалъ о
самомъ себѣ: одинъ только слова Зейбольда:
о бѣдная моя Элиза! горестно отзы-
вались въ моемъ сердцѣ. Вся будущая моя
жизнь предстала въ эту минуту гла-
замъ моимъ. Я погрузился въ мечты: Зей-
больдъ смотрѣлъ на меня со вниманіемъ.

„Читала ли эпощъ листовъ Элиза?
спросилъ я наконецъ. —

— „Я нашелъ ее почти въ отчаяніи,
когда возвратился вынче домой: она бро-
силась ко мнѣ на шею, и тогда только
заплакала въ первой разъ — но съ этой
минуты плачетъ безпрестанно, и боится
выдти изъ горницы, чтобы не увидѣли ее
посторонніе люди.“ —

„О Боже! Еще одно слово: извѣсны
ли вамъ чувства Элизы? —

— „Ни слова объ этомъ, Манштейнъ!“ —

„Извѣстны ли онѣ вамъ? спрашиваю. — (Онѣ не отвѣчалъ) По крайней мѣрѣ снажите:” менѣ ли бы оскорбилось нѣжное чувство Элизы, когда бы не мое, а другое имя было здѣсь напечатано?

— „Такъ, Манштейнъ! Ваше имя! оно одно . . . Ахъ, бѣдная моя дочь!” (глаза его наполнились слезами).

— „Почтенный, испаннй другъ мой! — сказалъ я рѣшительно — прошу васъ быть спокойнымъ, прошу васъ, успокойте Элизу! Завтрашнй день мы увидимся опять. Нынче мнѣ надобно дѣйствовать.”

„Я обнялъ его, спряталъ въ карманѣ печатной листокъ. Требую отвѣта Элизы, чтобы она имѣла ко мнѣ довѣренность; сказалъ я и удалился.

„Прихожу поспѣшно домой, одѣваюсь, дѣлаю нужныя распоряженія и иду къ Камерпрезиденту. Никто не ожидалъ меня въ этотъ день (тогда была среда, а по средамъ и субботахъ обыкновенно ужиналъ я у Зейболда; въ эти же дни и Опиллѣя или Вэдила по визитамъ, или принимала однихъ корешкихъ знакомцевъ); къ счастью, въ этотъ разъ она была дома. Я не велѣлъ о себѣ докладывать. Приближаюсь къ гостиной — слышу громкй хохотъ — отворяю двери — все утихло — надобно было видѣть, какое дѣйствіе произвело мое нечаянное появленіе —

всѣ покраснѣли — мѣсто громкаго смѣха заснула принужденная веселость — первый предметъ, поразившій глаза мои, было газетное объявленіе, лежавшее на столѣ; но я не успѣлъ еще осмошрѣться, какъ оно уже исчезло. Я подошелъ къ Ошилліи и сказалъ ей, что не могъ указать себѣ въ удовольствіи увидѣть ее въ первую минуточку возвращенія моего въ городъ; я былъ веселъ безъ всякой принужденности — во всѣхъ другихъ, кромѣ Ошилліи, замѣтно было смущеніе: она одна, очень скоро пришедши въ себя, казалась живою и столь же любезною, какъ и прежде, какъ и всегда. Но въ эту минуточку безразсудное ослѣпленіе мое исчезло. Я просидѣлъ около двухъ часовъ въ этомъ обществѣ. — Дамы, для которыхъ принужденность сдѣлалась наконецъ несною, развѣхались ранѣе обыкновеннаго — Встаю, начинаю прощаться, приглашаю Сальбека провести у меня остатокъ вечера: онъ началъ было отговариваться; но Ошиллія бросила на него значительный взглядъ, онъ согласился, и мы поѣхали вмѣстѣ. Ошилліи, какъ я подозреваю, хотѣлось меня пригошовать, узнать о развѣ моихъ мыслей, и попомъ, по всему этому, расположишь свои поступки. Мы взяли съ Сальбекомъ за руки; дорогою шупили, смѣялись; наконецъ пришли въ моему дому.

„Остановившись у дверей моей горницы, я перебралъ шонъ — опираю двери, говорю очень сухо Сальбену: *войдите*; вхожу за нимъ въ слѣдъ; запираю двери на замокъ; не говоря ни слова, приближаюсь къ столу; ставлю на него свѣчу: два пистолета, на немъ лежавшіе, свернули въ глаза Сальбену — остановившись, смотрю на него сурово — онъ блѣдеетъ, какъ полошно, и не можешь сказать мнѣ ни слова.

— „Государь мой! спросилъ я твердымъ голосомъ, вынувъ изъ кармана газетный листокъ, кто напечаталъ это объявленіе? —

„Господинъ Манштейнъ — отвѣчалъ онъ заинаясь и не подымая на меня глазъ, — что за вопросъ? По какому праву?“

— „По праву человека, обиженнаго бездѣльническимъ образомъ! По праву опшмстителя за оскорбленную невинность!.. Отвѣчайте . . . . (я взялся за пистолетъ) — . . . кто напечаталъ это объявленіе?“

„Успокойтесь, господинъ Манштейнъ! Не лучше ли говоришь со мною дружески, безъ всякихъ угрозъ? . . . Я буду отвѣчать . . . но прошу васъ перебрать положеніе!“

— „Согласенъ! (я положилъ писто-
летъ) но клянусь Богомъ! Если не по-
лучу удовлетворительнаго извѣщенія, по-
или вы, или я останешесь мертвымъ въ
этой горницѣ. (Онъ началъ осматривать-
ся, какъ будто желая найти выходъ) Не
безпокойтесь, господинъ Сальбергъ! я все
придумалъ: двери заперты; никакъ не
можете намъ помѣшать, и на всякой слу-
чай стойте у крыльца моего осѣдланная
лошадь, для васъ или для меня — гово-
рите! . . .

„На чтожь говорить о томъ, что вы
уже угадали, какъ я по всему вижу! . . .
Я въ этомъ участвовалъ, не хочу запи-
раться; но право съ опроверженіемъ и желая
только угодить неопущенной просьбѣ. Все
это почтили невинною шушкой — хотѣ-
ли заставить васъ скорѣе рѣшиться —
были увѣрены, что вы не разсердитесь и по-
спѣшите своею жеманью опровергнуть
ложное извѣстіе; я самъ былъ увѣренъ,
что всѣ насмѣшки въ скоромъ времени
перейдутъ на вашу сторону. . . .

— „И для того-то не посмѣдились
употребить во зло имя невиннаго, добра-
го шворенія, для котораго жизнь поше-
ряетъ всю цѣну, если не будете со-
пряжена съ честью . . . Господинъ Саль-

бей! выбирайте: или сию же минушу напишите, что Опиллія Герсдорфъ единственная изобретательница этого пасквиля, или бросимъ жеребій, кому изъ насъ первому сирблять, черезъ эштобъ споль, въ другаго. . . .

„Не входя ни въ какія подробности, скажу шебъ, что мужественный господинъ Сальбекъ, уббжденный краснорбчѣемъ писюлеша, написалъ и подписалъ пребую мною бумагу. Я далъ ему честное слово, не показывать ее ни одному челобку — развъ только въ такомъ случаѣ, когда Опиллія вздумаетъ опять нападать на меня, или на Элизу. Мы проспились.

„О, какъ я былъ веселъ въ эту минушу! сладоспное спокойствіе разтворило мою душу. Мнѣ казалось, что я избавленъ отъ тягоспнаго очарованія. Я чувспвовалъ глубоко и сильно, сколь много былъ щасльевъ, избавя себя отъ сѣшей холоднаго и нечувспвительнаго шворенія; и сколь бы много былъ нещаспливъ, когда бы съ моею привязанносшю къ спокойной семейспвенной жизни, и съ полнымъ моимъ сердцемъ, приковалъ себя навѣки къ шаной женщиѣ, копорая привыкла единспвенно къ шумному свѣту, копорая всему предпочтаешъ искусство, остроуміе и блескъ на-

ружный. Скоро изгладился послѣдній оспашокъ непріятнаго впечатлѣнія. Милый, священный образъ Элизы явился оживошворенной моей душѣ — и я воскликнулъ въ упоеніи радости: такъ! я ее люблю! я никого кромѣ ее не любилъ! И такое сердце могъ я ошѣ себя опринушь, и такую любовь, непришворную, шаящуюся отъ самой себя во глубинѣ души, споль нѣжной, споль непорочной, я могъ не раздѣлишь и не замѣшишь! Она моя! она мой Ангелъ-хранитель! мы неразлучны навѣки!⁶

„Въ чувствѣ сладостнаго увѣренія, что Элиза принадлежишь мнѣ, я позабылъ совершенно, что еще не говорилъ ни съ нею, ни съ ея ошцемъ; но согласіе ихъ казалось мнѣ несомнѣннымъ. Въ восторгѣ своемъ написалъ я другое объявленіе; по сильной моей прозьбѣ и за добрую плату напечатала его въ помѣ No. Газетъ, которому надлежало выйши на слѣдующее ушр. Въшѣ оно: читай.

Онѣ подаль мнѣ другой печашный листокъ, и я прочелъ слѣдующее:

„Извѣстіе, напечатанное отъ моего имени 16 числа, по содержанію своему справедливо; Элиза Зейбольдъ моя невѣста. Я подтверждаю его, и прошу моихъ друзей принять участие

въ моей радости. Само по себѣ разумѣется, что ложное объявленіе, вчера помѣщенное въ Газетахъ, писано чело-вѣкомъ, желавшимъ мнѣ сдѣлать оби-ду: но онъ весьма обманулся въ сво-емъ разчетѣ. 17 Іюля. *Манштейнъ.*

„Въ эту же ночь написалъ я и письмо къ своему дядѣ, котораго надобно было какъ можно скорѣе предупредить о пере-мѣнѣ моихъ обстоятельствъ. Поутру, очень рано, принесли ко мнѣ изъ типогра-фіи печатной листокъ. Бѣгу съ нимъ къ опцу моей Элизы. Онъ встрѣтилъ меня съ веселымъ лицомъ.

— „Мы провели ночь не такъ безпо-койно, какъ я думалъ. Два слова, которыя сказалъ я объ вашего имени Элизѣ, удиви-тельное имѣли на нее вліяніе: она пере-спала плакать, а нынче и весела по пре-жнему. Видите, какъ сильна довѣренность къ другу — сколь много она дѣйствуетъ тогда, когда не знаемъ еще, что можешь онъ сдѣлать для нашего успокоенія.

„Я обнялъ Зейбольда со слезами на глазахъ.“

— „Истинный другъ мой — сказалъ я, взявши его за руку — вчера вы дали мнѣ прочесть оскорбительную для васъ

спашью въ Газетахъ. Вотъ другая! Смѣюли надѣяться, что вы не найдете въ ней ничего для васъ обиднаго? Я былъ увѣренъ въ Элизиномъ и вашемъ согласіи, и для того позволилъ себѣ дѣйствовать, не предупредивъ васъ заранѣе. . . .

„Я подалъ ему листокъ — онъ прочиталъ объявленіе и заплакалъ.

„Благодарю Тебя, Боже! воскликнулъ онъ, смотря на небо, и руки его задрожали. Ахъ, Манштейнъ! прибавилъ онъ, обнявъ меня съ видомъ благороднымъ, я этого не ожидалъ, я этого не думалъ: мы были увѣрены, что ты помолвленъ!

— „Былъ помолвленъ! воскликнулъ я; но сама невѣста спасла меня отъ гибели! Вчерашнее объявленіе писано ею. Ведите меня къ Элизѣ!“

„Оспавляю себѣ самому вообразить эту прогашельную сцену, которая послѣдовала за этимъ разговоромъ. Элиза покраснѣла, но черезъ нѣсколько минутъ была уже въ моихъ объятіяхъ. Участь моя рѣшилась.

„Отъ Зейбольда пошелъ я къ Министру: онъ общелся со мною холодно. Съ твердымъ спокойствіемъ уведомилъ я его о перемѣнѣ моей судьбы: мало по малу онъ сдѣлался ласковѣе. Но вы сами чувствовали — сказалъ онъ наконецъ — что вамъ не лзя будетъ оспашьяся при Дворѣ.

Я могу защищать васъ прошивъ Камерпрезидента — но ваши прѣжнія сношенія съ Опилліею! — надобно удалиться. Самому Князю поступокъ вашъ будетъ непріятенъ: онъ нѣсколько разъ говорилъ, что ему хотѣлось бы васъ женишь на дѣвицѣ Герсдорфъ — словомъ, теперь не можешь быть для васъ никакой дороги.

— „Объ этомъ я очень мало сожалею, Ваше Сіятельство! Прошу только одного: будьте моимъ предшательствомъ у дядюшки!

— Дядюшка вашъ (оправдывая это почтенный человекъ) не можешь, а по обязанности своимъ и не долженъ — по крайней мѣрѣ для виду — одобрять вашей женишбы. Я думаю, что ему на нѣсколько времени должно будетъ разорвать съ вами сношеніе. Чтожъ вы намѣрены начать?

— „Я могу работать!“ —

— Очень хорошо, и я готовъ вамъ помогать. Согласишься ли, напримеръ, взять на себя должность лѣснаго смотрителя въ Эйхгольцъ?“ —

— „Съ великою радостію, Ваше Сіятельство, могу васъ увѣрить, что Его Святѣйшество найдетъ во мнѣ самаго заботливаго смотрителя!“

Министръ обнадежилъ меня, что я непременно получу это мѣсто; и въ самомъ дѣлѣ очень скоро исполнилъ свое

обѣщаніе. Съ восторгомъ вступилъ я въ должность простаго смотрителя, хотя имѣлъ прежде въ виду выгодное мѣсто Обер-форшмейстера. Скоро получилъ я увольненіе отъ Двора. Князь говорилъ на *куртагѣ* о Демократическихъ правилахъ. Камер-президентъ отвѣчалъ Его Свѣшлости тонкою улыбкою. Опиллѣя была *весела* болѣе обыкновеннаго. Сальбекъ, помня о писюлетахъ, грызъ ногти. Я наслаждался истиннымъ щасіемъ въ объятіяхъ моей Элизы.

„Наконецъ мы торжественно разпрощались съ Дворомъ и городомъ — по ещѣ, разослали около сна каршючекъ, и уѣхали, не дождавшись визишювъ.“

„Мы переселились въ эшютъ земной рай — и я съ каждымъ днемъ открываю какое нибудь новое восхишительное качество въ милой душѣ моей Элизы. Газетное объявленіе берегу я какъ драгоценность. Наконецъ и послѣднее благо, которое нужно было для усовершеншвованія моего щасія, даровало мнѣ милосердое Небо. Дядюшка (самый добрѣйшій человекъ на свѣшѣ), сердившійся на меня нѣсколько времени — въ самомъ дѣлѣ, а не для — виду; ибо ему казалось, что я, отъ недовѣрчивости, не предувѣдомилъ его о своей женишбѣ, возвращаещъ мнѣ свою дружбу: мы ждемъ его на сижъ дняхъ. Онъ

увидитъ, сколь много мы щасшливы, ибо душа его способна чувствовашъ всю цѣну такого щасшя.“

„Доволенъ ли ты моимъ Романомъ?“

.....

(Morgenblatt.)

О любви въ большихъ обществахъ.

Письмо отъ Господина В*** къ Графу Д*** (*).

„C'est le chemin des passions qui m'a conduit à la Philosophie.“

Ж. Ж. Rousseau.

Въ обществѣ нашемъ много простаго народа, но есть и благородные люди . . . Сію минушу - возвратился я съ прекраснаго бала. Опишу тебѣ нѣкопорыя размышленія мои, слѣдствіе разговора съ одною умною, любезною дѣвушкою, который пріятно сократилъ для меня нынѣшній вечеръ. На балѣ Философія? Ты засмѣешься! По чемужь не шаръ? Время шанцевъ миновалось для меня, босшонъ несносенъ — чшожь дѣлашь? Разсуждалъ съ любезными — о любезномъ! . . .

(*). Опрывокъ изъ романа, который въ скоромъ времени будетъ напечатанъ.

Конецъ предисловію. Вотъ самое описаніе : эпа умная, любезная дѣвушка, которую (мысленно) я называлъ прекраснымъ примѣромъ холоднаго благо-разумія, говоря со мною о сочиненіяхъ Ж. Ж. Руссо и извѣстномъ романѣ Валерія, съ пріятною живостію заключила разсужденіе свое тѣмъ, что чувства, изображенныя въ сихъ книгахъ, кажутся ей слишкомъ усиленными . . . (тор exaltés) мистическое слово на языкѣ женщины! — По многимъ отношеніямъ замѣчаніе строгой послѣдовательницы правилъ чистаго разума было справедливо; но возбуждѣвъ во мнѣ рядъ идей, сообразныхъ съ симъ предметомъ, оно заставило меня дѣлать дальнѣйшія изслѣдованія — размышлять — сравнивать — выводить заключенія, и вотъ ихъ слѣдствія.

Мнѣ кажется, что образъ жизни, который обыкновенно ведутъ въ большихъ обществахъ; воспитаніе, которыми насъ единственно образуютъ только для нихъ, и наконецъ въ которое нерадѣніе объ истинномъ щастіи, въ большей степени замѣтное въ людяхъ разсѣянныхъ, производятъ то, что натуральныя, сильныя чувствованія наши — которыя однѣ (если только будутъ направлены къ ис-

шинной цѣди) способны составлять цѣ-
спіе чловѣка — что сіи сильныя чувствованія, говорю, при самомъ рожденіи удалены бывають отъ естественнаго своего хода; попомъ слабой оспашовъ ихъ ищощается въ общежитіи разнообразіемъ вкусовъ, мѣлочными склонностями, разсѣянїемъ; а наконецъ спаросшь, все разслабляющая, довершаетъ ихъ уничтоженіе. . .

И такъ чему же удивляешься, что въ людяхъ, живущихъ въ большихъ обществахъ, мы рѣдко находимъ полноту сердечныхъ чувствованій? Чему дивишься, что страсти Юлій, С. Прё, Густавовъ, кажутся имъ спранными, излишне усиленными? Людямъ, копорыхъ связи споль разнообразны и сложны; копорыхъ самые оспашивы чувствованій раздроблены на часши; въ копорыхъ, наконецъ, привычка казаться привязанными ко *всѣмъ*, дѣлаетъ то, что они не любяшь *никого*: такимъ людямъ можешь ли бышь извѣсна восхищительная возможность *существовать въ другомъ*? —

Однакожъ, мой другъ! это одни общія размышленія. Онъ ни мало не опносясь на лице той дѣвушки, копорая споль прїяшно умѣла защищать выгоды благоразумія. Сожалѣю сполько о томъ, что она насшо защищала его на счетъ самой

лучшей человѣческой способности! . . .
 Вообще я замѣтилъ, что она болѣе дѣй-
 ствуетъ *умомъ*, нежели *чувствомъ*. . . .
 А женщина, съ холоднымъ сердцемъ? —
 Но, какъ бы то ни было, я такъ при-
 выкъ ее почитать (другъ мой! пошение
 есть единственное чувство, приличное мо-
 имъ лѣтамъ (*)); я такъ пріучилъ себя
 находить въ ней *ничто* отличное отъ
 толпы обыкновенной, что я стараюсь се-
 бя увѣрить — и разумеется всегда успѣ-
 ваю — что она никогда не можетъ при-
 принадлежать къ числу тѣхъ женщинъ, тѣхъ
 эирныхъ явленій, которыхъ главное осно-
 ваніе жизни есть рабское подражаніе, кото-
 рые дѣйствуютъ такъ или иначе, не по-
 тому, что такъ должно, но потому, что
 такъ дѣйствуютъ другіе, такъ дѣйству-
 ютъ всѣ! Впрочемъ, мой другъ, при всѣхъ
 выгодныхъ заключеніяхъ на счетъ благо-
 разумія любезной философики, близкій къ
 берегу моего спрансшвованія, я могу ска-
 зать рѣшительно, что *въ большихъ*
обществахъ любовь истинная суще-
 ствовала не можетъ! . . .

Я позволяю себѣ называть истинную
 любовь *шестымъ* чувствомъ, которое мо-
 ральной части чловѣка открываетъ новый

(*) Господину В. было около 38 лѣтъ.

міръ, — новую, прежде ему неизвѣстную цѣпь пріятныхъ впечатлѣній, новыя и одной только любви свойственныя наслажденія, новыя радости; однимъ словомъ, новую способность — *быть счастливымъ!*..

А что значить любовь въ большихъ обществахъ? — Холодное предпочтеніе — наборъ какихъ-то спранныхъ словъ — способность говорить больше обыкновеннаго — нѣкопная свобода, копная — безъ силы воспорговъ — упоминаетъ своимъ единообразіемъ. . . . Можно ли наслажденія, какъ сказать разочпенныя, пригото- вленныя, обдуманныя (*), дерзнуть на- звать любовью? Какъ ограниченны, какъ бѣдны радости тѣхъ людей, копорыхъ мнимо - хорошій шовъ, отъ колыбели до гроба, лишаетъ средствъ пользоваться правами человека, и копорыхъ всѣ дѣйствія, въ послѣднюю минушу жизни, исчезающъ, какъ въ шуманъ. Но болѣе все-

---

(*) Разумѣется, что я говорю здѣсь о лучшей части людей свѣтскихъ, которые основаніемъ дѣйствій своихъ имѣютъ *умъ*; а что значить любовь для тѣхъ, копорыхъ пу- стая жизнь пріятно обезпечена и отъ ума и отъ чувства? Вопросы, сему подобные, рѣшатся сами собою; но есть простымъ наблюденіемъ надъ частною и общественною жизнію. . . .

го какъ жалки шѣ, попорые, зная всѣ выгоды наслажденій истинныхъ, но бывъ увлечены обспояшельствами, произволь-но и нечувспвишельно *переспалютъ бытъ чедовѣками!*

Ахъ, другъ мой! кто сдѣлалъ даль- ній шагъ любви . . . кто былъ въ ша- инспвенномъ свашилищѣ ея, для шого всѣ удовольствія, основанныя на однихъ разчешахъ самолюбія, ничшожны; пущая искаштельность, которая для многихъ за- мѣняешъ самое чувство любви, ушоми- шельна; смѣшныя законѣ общежитія, ко- торые не позволяющъ *сердцу* говорить съ *сердцемъ*, несосны! . . .

Другъ мой! кто сдѣлалъ дальній шагъ любви, шотѣ не можешъ имѣшь *недовѣръ- чивосли*, шотѣ не знаешъ *приншворшва*, шотѣ *любилъ*, шотѣ *вѣрилъ* . . . и могъ ли бы онъ не вѣришь *другому самому себѣ?* . . . .

А можешъ ли довѣренность существо- вать въ большихъ общешвахъ? Можно ли бышь *вепришворнымъ* тамъ, гдѣ мы ежеминушно спрашимся бышь *обманушми?* Можно ли говорить языкомъ сердца тамъ, гдѣ мы не можемъ (къ нещасшю, а можешъ бышь и къ щасшю), гдѣ мы даже

не должны бышь *лѣмь*, что мы *есть*? Можно ли вѣришь шамь, гдѣ со всякимь днемь увеличивается сумма жертвъ горесцнаго легковѣрїя? — А что значить любовь безъ полной довѣренности? Нѣтъ! нѣтъ, мой другь! повторю еще разъ: истинная любовь въ большихь обществахь существовать не можеть! . . .

Такъ! жизнь семейственная, простая, опдаленная, по возможности, отъ сложности общежитїя, которая, такъ сказать, ограждаеть полношу сердечныхь чувствованїй отъ обольстительнаго призрака свѣтской ничтожности — вотъ стихїя любви, которая, бывъ основана на ближайшемь сходствѣ характеровь, на взаимныхь пожертвованїяхь, на дѣятельности въ добръ, есть пошъ оживошворенный рай, которымь восхищають насъ Поэты! . . .

Что значить всѣ удовольствїя самолюбїя въ сравненїи съ однимь словомь, съ однимь взглядомь любезнаго сердцу нашему существа? Что значить всѣ краснорѣчивыя объясненїя любви въ сравненїи съ восхищительною увѣренностїю въ шой женщинѣ, которую я самь, семейство мое, радостный голосъ цѣлаго общества, и даже таинственность вѣры назвали *моею*? Что значить всѣ прелести

кокетства въ сравненіи съ истиннымъ языкомъ чувствительности? Чшо значить любезная улыбка гордой красавицы въ сравненіи съ шюю довѣренностію, съ шѣмъ попеченіемъ, съ шюю внимательностію, съ шѣмъ живымъ, безирестаннымъ, никогда неизмѣняемымъ участіемъ, которыя должны сославлять блаженство любви истинной — основаніе супружескаго щастія? — Но много ли примѣровъ такого супружества въ большихъ обществѣхъ? Возможно ли любить, когда за все опилачиваютъ одними словами? Гдѣ рай на землѣ? Гдѣ? . . . Но вопросы мои будутъ безконечны! . . .

„Подъ хладной атмосферой

„Цвѣтъ нѣжный не расцвѣтъ! . . .

Прости, мой милый другъ! Философическія разсужденія мои о любви доказываютъ тебѣ, что объ ней можно говорить и въ мои лѣта. Бабочки съ опрѣзанными крыльями смѣшны, даже жалки! но размышлять о любви, какъ о наилучшемъ, совершеннѣйшемъ моральномъ чувствованіи человека — никогда не поздно!

Государства могутъ возвышаться и упадать; обряды общежитія могутъ быть измѣняемы; *граждане* могутъ переиживать и свои мнѣнія и свой образъ

жизни: но люди всегда останутся людьми; страсти всегда останутся страстями; любовь всегда будетъ чувствомъ самымъ сильнѣйшимъ — всегда будетъ главною причиною и нашего счастья и несчастія и до всеобщаго разрушенія чело-вѣческаго бытїя *всѣ* и *всегда* будутъ любить . . . но не *всѣ* и не *всегда* будутъ умѣть находить счастье любви! . .

Время кончить. Говоря о любви, мож-но ли говорить мало!

Твой В.

Одесса, 1801, Марта г.

В. Филимоновъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Дафна и Сильвія (*).

Отрывокъ изъ Тассова Аминта.

Д а ф н а.

Еще ли, Сильвія, ты въ юности швоей
Опѣ удовольствій будешь удаляться?

Не хочешь именемъ супруги украшаться,
Ни видѣшь миленькихъ дѣтей,
Рѣзнящихся передъ тобою?

Ну, посовѣшуйся прилѣжнѣе съ собою! . . .
Пора обычай свой тебѣ перемѣнить!

Къ чему годится жизнь такая?

С и л ь в і я.

Пріятностямъ любви пусть слѣдуетъ другая,
Когда пріятности въ ней можно находить.

Моя забава: съ лукомъ и стрѣлами
Преслѣдовать звѣрей,

И сильныхъ повергать рукой моею.

Или, скажу тебѣ короткими словами:

Покуда звѣри есть въ лѣсахъ

(*) Эти стихи, давно присланные для помѣщенія въ Вѣстникъ, были нечаяннымъ случаемъ потеряны, и для того такъ долго не напечатаны; теперь отысканы, и мы печатаемъ ихъ съ удовольствіемъ, прося у любезнаго Переводчика извиненія. *Изд.*

И спрѣлы у меня для лука —
Не будешь миѣ извѣсна скука.

Д а ф н а.

Вошѣ удовольствія! — въ твоихъ лѣ-
шахъ? . . .

Ты любишь то и всеѣ пренебрегаешь
За тѣмъ, что ничего пріятнаго не знаешь. —
Такъ первый смертныхъ родъ, отъ дѣтской
проспоны;

Не зная услаждаешь вкусъ пищею другою,
Блѣ только жолуди съ водою;

А нынѣ жолуди съ водой — бѣдѣ скопы,
А мы питаемся и хлѣбомъ и плодами.

О! еслибъ, Сильвія, ты испытать могла,
Что ощущается сердцами,

Въ кошорыя любовь свой огонь влила,
Кошорымъ влашатъ равной страстью:

То вѣрно бы умнѣй была,

И не почла любви напастью!

Тогдабъ въ раскаяннѣ, со вздохомъ, со слезой,
Ты призадумавшись сказала:

„Такъ почно, безъ любви лишь вѣкъ мы гу-
бимъ свой!

„Ахъ! сколько времени я щепно провождала!

„Я лучше бы могла его употребить.

„Что дѣлалось тогда со мною?“

Такъ, посовѣшуйся прилѣжнѣ съ собою!

Пора обычай свой тебѣ перемѣнишь!

С и л ь в і я.

Когда въ раскаяннѣ, со вздохомъ и слезами:

Я буду говорить такими же словами —

Къ источникамъ своимъ все рѣки пошекушь,

Отъ агнцовъ волки побѣгутъ,

И зайцы робкіе погоняются за псами;

Медвѣдь на днѣ морскомъ берлогъ свой заведешь;
Дельфинъ на горы жиць пойдешь.

Д а ф н а.

Я знаю — молодость не смонришь на совѣщы,
И я была въ такія лѣшны,
И у меня бывалъ такой же цвѣтъ волосъ,
Румянецъ на устахъ, въ щекахъ пріятность
розъ

Съ невинностью соединялась; —
Но, чѣмъ же, глупая, тогда я занималась?

Точила стрѣлы я, иль рядъ сбѣшей
Приготовляла на звѣрей,
Искала ихъ жилищъ, по ихъ слѣдамъ гонялась;
А ежели какойнибудь пасхухъ
Посмонришь на меня; то вдругъ
Съ досадою и спыдомъ глаза я популяла,
Сердилась, что собой лѣзняла,
Какъ будтобъ ктонибудь поставилъ мнѣ виной,
Когда люблющая моею красотою!

Но все со временемъ проходитъ,
И, ахъ! къ чему

Любовникъ хищный не приводитъ!
Откроюсь я тебѣ, какъ другу моему:
Увидѣла себя я скоро побѣжденной,
И — знаешь ли — оружіемъ какимъ? . . .
Слезами, вздохами, покорностью смиренной!

Я уступила имъ —

Тогда я разцвѣла душою!

Тогда узнала я, сколь я слѣпа была
Съ моею простотою;

Я Цинтію и лукъ и стрѣлы отдала,
И не хотѣла жиць, какъ прежде.

О Сильвія! могу я быть въ надеждѣ,

Что ненависть твою *Аминтъ* поуменьшитъ,
И раноль, поздно ли, смягчитъ
Твое упорное сердечко. . . .

Жестокая! скажи, скажи хотя словечко:
Собой ли онъ не милъ? не любишь ли тебя?

Иль отдаешь другимъ себя,
Твоей жестокости въ опмщенье?
Иль ниже своего.

Имятъ онъ происхожденье?

Объ этомъ ты сказать не можешь ничего.

Тебѣ отецъ *Сидниъ*, котораго родилель
Былъ богъ ручья сего;

Аминта же отецъ *Силванъ*, а у него
Отецъ былъ *Панъ* — и богъ и покровитель
Всѣхъ нашихъ пастуховъ.

Взгляни ты въ зеркало прозрачныхъ ручейковъ!

Увидишь, что тебя не хуже Аммарила;

Она давно уже Аминта полюбила,

Его ласкаетъ всё, а онъ бѣжитъ отъ ней —

Къ несносной грубости твоей!

И такъ предсавъ себѣ — но я молю Всевѣчныхъ,

Чтобъ это никогда съ твоею не сбылось —

Предсавъ, что если бы Аминту привелось,

Озлобясь отъ твоихъ отгазовъ безконечныхъ,

Влюбиться наконецъ въ соперницу твою,

Которая его такъ любитъ спрасно...

Не будешь ли тогда винить судьбу свою?

И не покажется ль тебѣ ужасно,

Когда въ ласкающихъ объятіяхъ другой

Онъ будетъ, Сильвія, смѣяться надъ тобой?...

С и л ь в і я.

Пускай и чувствами, и даже самъ собой,

Какъ хочешь онъ располагаетъ!

Мнѣ это всё равно — не будучи моимъ,

Пускай принадлежишь, кому онъ самъ желаетъ:

Ему и бышь моимъ не лзя — за тѣмъ что имъ

Владѣть я не хочу. А если бѣ и владѣла,

То и тогдабъ я бышь его не захотѣла.

Д а ф н а.

Такая ненависть родилась отъ чего ?

С и л ь в и я.

Родилась — отъ любви его.

*Съ Итальянскаго, Николай
Остолозовъ.*

С. Петербургъ.

Къ Э л ь м и н ъ.

Эльмина! е-шьли бы я былъ любимъ тобою,

Я больше бы мольбою

Богамъ не докучалъ!

Чего, чего желашь, когда любимъ Прекрасной,

Когда любовникъ страстной

Нашолъ себѣ все то, что здѣсь найши желалъ?

Любовь вливаетъ жизнь и чувства въ сердце
сладки;

В е прочее ничто — иль тѣнь, или мечта!

Фортуна, счастье — суесть!

Ихъ блескъ, сіяніе — одни ночные мраки!

Предъ ней смиряется и Адъ, и самъ Плутонъ

Блажитъ ея всемогущу волю,

Познавъ для сердца лучшу долю,

Съ подругой раздѣливъ и чувства и прѣнь.

Кто лирой возвратилъ жизнь, душу Евредики?

Кто шарпартъ мрачный, дикій,

Привелъ въ чувствительность, и смерть по-
работилъ?

Любовь! одна любовь! И ею вдохновенный,

Орфей, несчастный и плѣненный,

Свиѣпость Цербера и Фурій укротилъ.

Она степь голую красю одѣваетъ —

И все съ улыбкою цвѣшетъ!

Она жаръ чувствъ въ древа вливаетъ,
И самымъ камнямъ жизнь даетъ!
Но ты, Прекрасная, съ чувствительной ду-
шою, —
Я видѣлъ это самъ — такъ можешь ли любить?
Эльмина! ахъ, мой другъ! могу ли сердцу
льстить,
Что я любимъ — любимъ побою?
О! сколь бы щастливъ былъ! Тогда бъ не про-
мѣнялъ
Я радостей души, тобой розпламененной,
На всѣ сокровища Вселенной!
Я бъ все тогда имѣлъ и — большѣе не желалъ.
Волковъ.

М а л и н о в к а.

Б а с н я.

„Не съ упрямъ, а тогда, какъ солнце ужъ
взойдетъ,
Малиновка встаетъ
И гнѣздышко свое для пѣсенъ ославляетъ“ —
— Чможь поздно? всѣ пѣвцы поютъ уже да-
вно. —
„Причина: холодно!
И вѣшка мокрая Малиновку спрашиваетъ!“
— Изрядно! а за чемъ такъ часто вечеромъ,
Когда и болѣе росы, и холоднѣе,
Порхаетъ въ рощицѣ? То, видно съ Соловьёмъ?
„Конечно, такъ! Любовь и пѣсенки нужны!“

Водковъ.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

Ф И Л О Л О Г И Я.

Объ Аделунговомъ Милридалѣ.

Общая наука о языкахъ содержитъ въ себѣ изслѣдованіе начала и свойства всѣхъ извѣстныхъ нарѣчій, раздѣленіе ихъ на классы, исторію и криптику азбучныхъ знаковъ ихъ, словарей и грамматикъ.

Сія наука, очень много способствующая въ объясненію начала народовъ и исторіи всего рода человеческого, еще не занимаетъ мѣста въ нашихъ *Энциклопедіяхъ*, потому что съ недавняго только времени спали въ ней упражняшсь. Жибель прежде всѣхъ сдѣлалъ опыты на семъ обширномъ поприщѣ; но труды его неимѣли успѣха. Испанецъ Гервасъ былъ гораздо счастливѣе. Помощь за сію науку принялись Нѣмцы, и назвали ее *Лингвистикою*. Аделунгъ началъ сочинять *Милридала*; Фагеръ продолжаетъ работу своего предшественника; Мурръ объявилъ о намѣреніи своемъ издавать *Библиотеку языковъ*, учеными людьми нецерпѣливо ожидаемую.

Извѣстно, что Аделунгъ скончался, напечатавъ первый томъ своего *Милтриданта*, въ которомъ говорится объ языкахъ Азійскихъ. Фашеръ, продолжатель его, почитается однимъ изъ славнѣйшихъ Филологовъ. Онъ издалъ уже Грамматики, Арабскую, Еврейскую и Русскую (?); также учебную книжку о Грамматики всеобщей; перевелъ на Нѣмецкій языкъ Правила всеобщей грамматики Сильвестра де Саси, и многія другія сочиненія.

Въ предисловіи второго тома *Милтриданта*, Европейскимъ языкамъ посвященнаго, Фашеръ между прочимъ увѣдомляетъ, что онъ слѣдовалъ порядку своего предшественника; что трудъ его былъ очень маловаженъ по части языка Славянскаго, также касательно языковъ смѣшанныхъ изъ Славянскаго и Нѣмецкаго, наконецъ по части языка Венгерскаго; что сіи предметы были уже обработаны самимъ Аделунгомъ, по сообщеннымъ ему запискамъ, о Славянскихъ нарѣчіяхъ отъ Аббата Добровскаго, о Славяно-Нѣмецкихъ отъ покойнаго Геннига, и о Венгерскомъ отъ Профессора Руми.

Въ Азіи считается около ста шестидесяти языковъ, или употребляемыхъ нарѣчій, а въ Европѣ около пятидесяти,

исчисляя Турецкаго, о которомъ Аделунгъ писалъ въ первомъ помѣ, какъ объ языкѣ принадлежащемъ къ числу Азійскихъ.

Сии пятьдесятъ нарѣчій здѣсь приведены къ шести главнымъ языкамъ, кои суть: Баскій, Цельшическій, Германскій, Фракійскій или Греческій, Славянскій и Финнскій. Въ концѣ тома особо предложено объ Албанскомъ или Епирскомъ, какъ объ языкѣ мало еще извѣстномъ, и о Венгерскомъ, почиаемомъ до сего времени Финнскимъ, или брапомъ Лапонскаго, но которой по изслѣдованіи оказался смѣсью Финнскаго, Славянскаго, Ташарскаго, Турецкаго, Германскаго, Вогуличскаго, Волякскаго, Чувашскаго, Оспякскаго, Пермскаго, Зырянскаго, Мордовскаго, Черемисскаго, и даже Персидскаго и Арабскаго.

Скалигеръ въ сочиненіи своемъ *Diatriba de linguis Europaeis* насчиталъ одиннадцать коренныхъ языковъ въ Европѣ. Въ числѣ таковыхъ онъ полагалъ Турецкой, Лашинской, Ирландской и Шотландской почиалъ особливыми языками; но теперь Лашинской почиается опраслю Греческаго, а Ирландскій и Шотландскій вообще признаны за остатокъ Цельшическаго.

И шавъ, не считая Турецкаго; Аделунгъ и Фаперъ признають только шесть главныхъ языковъ въ Европѣ, принесенныхъ различными народами. Потомки сихъ народовъ, нынѣшніе обитатели нашей части Сѣвера, употребляютъ пятьдесятъ нарѣчій, происшедшихъ отъ шести коренныхъ языковъ.

Первые изъ народовъ, пришедшихъ въ Европу, должны быть Иберы или Кантабры, поселившіеся въ полуденной Галліи, въ части Италіи и въ Испаніи. Языкъ Басскій, перемѣняемый съ Лашинскимъ и Нѣмецкимъ, нынѣ есть остатокъ древняго Иберскаго.

Непосредственно за Иберами явились Цельшты, народъ поселившійся на правомъ берегу Дуная, въ сѣверной Италіи, въ Галліи, на островахъ Британническихъ и въ одной части Испаніи. Отъ языка ихъ произошли два Цельшическія нарѣчія, изъ которыхъ однимъ говорятъ нынѣ въ Ирландіи, а другимъ въ Шотландіи между горами. Здѣсь Аделунгъ предлагаетъ на тридцати восьми страницахъ свои изслѣдованія объ Оссѣдовыхъ стихотвореніяхъ, будто бы переведенныхъ Макферсономъ съ Шотландскаго языка на Англійскій. Онъ почитаетъ ихъ новымъ произведеніемъ.

За Цѣльшами пришли Германцы въ сѣверную часть Европы; потомъ въ южную Франкѣйцы, предки Грековъ; наконецъ въ восточную и сѣверную Славяне; по видимому, они и Финны явились послѣ всѣхъ въ нашей части Сѣвша, гдѣ Франція и Россія нынѣ сушь господствующія Державы.

Отъ языка Германцевъ произошли три главныя отрасли: 1й *Тевтонскій*, раздѣляющійся на верхній, нижній и средній; изъ смѣшенія сихъ нарѣчій, во время Люшера и первыхъ его послѣдователей, образовался шакъ называемой *Вьсоко-Нѣмецкой*, языкъ весьма богатой, но еще неустановившійся; въ послѣдней половинѣ истекшаго столѣтїя онъ обработанъ и доведенъ до совершенства; 2й *Германо-Скандинавскій*, раздѣляющійся на Датскій, Норвежскій, Исландскій и Шведскій; 3й *Англійскій*, составленный изъ многихъ языковъ, между коими главное мѣсто занимаетъ Германскій.

Языкъ Франкѣйскій потерянъ, какъ и Цѣльшичскій; но видны остатки въ знаменитыхъ чадахъ ихъ, въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ, языкахъ свободныхъ мыслей, изящной словесности и вѣры Христїанской; языкахъ, коими пре-

свѣпилися народы и въ кошорыхъ упражняшся не перестануть до пѣхъ порѣ, пока люди наслаждашся будущѣ быштемъ своимъ и пока непогрязнутъ въ первобытное невѣжество. Аделунгъ показываетъ намъ языкъ Эракійскій въ Малой Азіи и въ Европѣ, на Воспокѣ и на Югѣ; отъ него производить Греческій языкъ древній, съ разными діалектами, и Греческій же языкъ нынѣ упошребляемый.

Отъ Греческаго языка и отъ одного Цельшическаго нарѣчія, но болѣе отъ перваго, произошелъ Латинскій, а отъ сего родились Италіянскій, Испанскій, Португальскій, и наконецъ Французскій, смѣшанный однакожь съ Цельшическимъ, Нѣмецкимъ и проч.

Отъ восточнаго Славянскаго произошли Русскій богослужебный и Русскій Гражданскій, Иллирійско-Сербскій, Иллирійско-Кроатскій и Иллирійско-Виндическій, упошребляемый въ Крайнѣ, Спиріи и Далмаціи. Отъ Западнаго Славянскаго: Польскій, Богемскій, Сербскій и Виндическій Сѣверный. Есть еще смѣшанные языки: Славяно-Лешскій, Славяно-Лешно-Пруско-Лишовскій и Славяно-Лешно-Польско-Лишовскій. — Воложскій происходитъ также отъ Славянскаго, но въ

намъ есть очень много словъ испорченныхъ Лапинскихъ.

Остаются языки Финскій. Отъ него произошли нынѣшній Финляндскій, Лапландскій, Естляндскій и Лифляндскій (*).

Всѣ оныя языки, съ Венгерскимъ и Адбанскимъ, составляютъ мащерию впопраго пома *Милридала*. Въ прешьемъ шмѣ, которой долженъ выдти въ свѣтъ 1810 году, будутъ содержаться изслѣдованія о языкахъ Африки и Америки.

(Сокращенно выписано изъ
Энциклоп. Журн. К.)

(*) Сюда принадлежатъ языки Вогуличей, Вошяковъ, Чуашъ, Пермьяковъ, Зырянъ, Мордвы и другихъ соплеменныхъ имъ народовъ. Въ очи, да и самой Венгерской, что бы ни говорили Аделутги и Фашеры, суть нарѣчія Финнскаго. К.

III. КРИТИКА.

Новѣйшая всеобщая Географія, или описаніе всѣхъ частей Свѣта, Европы, Азии, Африки, Америки и южной Индіи, съ исторіею народовъ и всѣхъ государствъ, отъ начала оныхъ до нашихъ временъ и проч. Изданіе шестое, Часть I. II и III. С. Петербургъ. Въ Медицинской Типографіи. 1800.

Здѣсь много сокращено заглавіе. Въ книгѣ оно занимаетъ мѣстами буквами цѣлую страницу. Чишателя уведомляютъ, что въ сей *Новѣйшей всеобщей* Географіи описаны и Блостонская обласъ, и Финляндія, и Рейнской Союзъ съ принадлежащими къ оному королевствами и герцогствами; что при книгѣ есть Географическій словарь, сочиненный по алфавиту для пріисканія земель всего Свѣта и многихъ весьма любопытныхъ и достопамятныхъ мѣстъ, въ сей Географіи находящихся, и что, наконецъ, въ ней же содержится обстоятельное описаніе каждой земли, какъ - то: правленіе, го-

сударственные доходы. предѣлы, древнее и новое названіе, раздѣленіе, климатъ, качество земли, горы, лѣса, рѣки, острова, заливы, каналы, озера, минеральные воды, металлы и минералы, произрастевія, животныхъ, число жителей, нравы и проч. — словомъ сказать, въ новѣйшей всеобщей Географіи содержишься все касающееся до Географіи, кромѣ одной только исторіи о сей полезной наукѣ. Предложимъ же здѣсь, сколько можемъ собрать историческихъ о ней извѣстій.

Самая древняя Географическая карта, писателями упоминаемая, есть та которую *Сезострисъ*, Царь Египетскій и славный завоеватель (*) возвращаясь изъ Азіи, велѣлъ выставить для народа, чтобы показашь подданнымъ, сколь обширныя страны покорилъ онъ своимъ оружіемъ. У *Гомера*, *Моисея*, *Иова*, находимъ множество Географическихъ извѣстій. Иудейскій историкъ *Иосифъ* пишетъ, что *Моисей* и *Иисусъ Навинъ* сочинили Географическую карту, до раздѣла земли Общонамной на разныхъ поколѣній. Но первый изъ писателей, предложившій въ порядкѣ собранныя имъ Географическія извѣстія о всѣхъ стра-

---

(*) По вычисленію Фререша, за 1554. года до Р. Х. смощри Истор. Париж. Акад. надписей Томъ V. стр. 393.

нахъ извѣснаго тогда міра, былъ *Геродотъ*, отецъ Исторіи. Въ сочиненіи его наука представляется еще въ младенческомъ возрастѣ. Онъ описалъ вѣрно многія земли, а въ кошорыхъ даже вѣрнѣе другихъ послѣ него жившихъ; но въ расположеніи, въ связи частей, относительнo къ цѣлому, онъ далекъ отъ совершенства, а особливо потому, что соединивъ Географію съ Исторіею, неумѣлъ пользоваться пособіями отъ другихъ наукъ и изобрѣшеній. Извѣстія его основаны на собственннхъ наблюденіяхъ; онъ самъ путешествовалъ; безошибочно опредѣлялъ разстоянія мѣстъ и положенія ихъ относительно къ странамъ Сѣвера; но напрасно спали бы искасть въ книгѣ его астрономическихъ наблюденій, дѣлаемыхъ для почивѣйшаго назначенія мѣстъ на земной поверхности. *Геродотъ* не принимаетъ ученія о шарообразной фигурѣ земли, о которомъ вѣрояшно слышалъ что-нибудь отъ послѣдовашихъ *Θалеса* Милетскаго.

Почти никакому сомнѣнію неподвержено, что многіе Греки, прежде *Геродота* жившіе, на примѣръ *Θалеса*, *Анаксимандеръ*, *Гекатей*, и даже *Пифагоръ*, имѣли справедливейшія о землѣ понятія, что они пользовались математическими свѣдѣніа-

ми, и что дѣлали глобусы и карты, которые въ послѣдствіи времени были исправляемы: но ученіе сихъ мужей не распространялось далѣе ихъ школы; народъ, мало вѣдая о математическихъ выкладкахъ, или совсѣмъ опровергалъ оныя, по тому что непонималъ ихъ, или полагалъ иначе, нежели какъ бы надлежало. Такимъ образомъ умозрительныя изслѣдованія философовъ не могли быть полезны для Географіи, и были совсѣмъ поперяны. Только Географическая таблица *Анаксимандера* или *Гекатея* дошла до попомѣшва; но и она вводила въ заблужденіе шѣхъ, кои разсмапривали ее, неимѣя надлежащаго понятія о цѣлой системѣ.

Послѣ нихъ являющіяся писатели, коихъ сочиненія и до насъ доспигли: *Ганнонъ* Карфагенецъ, *Скилансъ* Грекъ изъ малой Азіи, *Пивеасъ* изъ Массиліи (Марсель), и *Аристотель*. Первые слѣдовали порядку Геродоша; они показываютъ справки Свѣта, и разсоянія считаютъ дневнымъ и ночнымъ плаваніемъ; послѣдніе описываютъ землю по наблюденіямъ шѣлъ небесныхъ. Извѣстно, что *Пивеасъ* опредѣлялъ высоту полюса по длинѣ солнечной шѣи, и шѣмъ показалъ дорогу къ исправнѣйшей, систематической Географіи.

По смерти Александра Македонскаго наука сія вдругъ пріобрѣла удивительные успѣхи. Что до того времени *Фалесъ*, *Анаксимандеръ*, *Гекатей*, *Демокристъ* и другіе извѣстныи въ школахъ ученикамъ своимъ; что *Пиреасъ* и по немъ *Дикеархъ* начали соединять съ историческимъ землеописаніемъ: все то собралъ *Ератосѣенъ*, знаменитый Математикъ и Философъ. Мнѣнія предшественниковъ онъ исправилъ собственными опытами и наблюденіями, опредѣлилъ окружность земнаго шара, назначилъ отношеніе земныхъ градусовъ къ небеснымъ съ большею, нежели предшественники его, точностію; а шѣмъ, такъ же и прибавленіемъ вновь открытыхъ земель, знапно исправилъ Анаксимандрову таблицу. Системъ его слѣдовали Греки до *Марина* и *Птолемея*. Еще неумѣли провести прямого меридіана; не многихъ мѣстъ широта была опредѣлена по астрономическимъ наблюденіямъ, и многія земли были совсѣмъ неизвѣстны: *Ератосѣенъ* проложилъ дорогу, и послѣдователямъ его легко уже было исправлять и дополнять разныя части. *Гиллархъ* и *Посидоній* оказали Географіи услуги свои по части математической, а *Полибій* и *Артемидоръ* по исторической. Всѣ они находили недоспашки въ подробностяхъ; но цѣлую Систему всѣ признавали образ-

цовымъ произведеніемъ Художника. При началѣ Христіянскаго лѣтосчисленія, *Страбонъ* издалъ ее вновь, и даже съ поправками другихъ ученыхъ мужей, кошорыхъ мнѣнія онъ изслѣдываеиъ, иногда вступаеиъ за *Ератоссеена*, и прибавляеиъ новыя ошрышїя, ноими *Землеописаніе* обогатилось чрезъ Римскїя завоеванїя.

Римляне отъ Грековъ приняли *Географїю*, равно какъ и прочїя науки; сами же они мало новаго прибавили, а по математической части совершенно ничего. Для историческаго *Землеописанїя* пригоштили они богатой запасъ матерїи, сперва завоеванїями своими, потомъ измѣренїями дорогъ, напоследокъ начатымъ при *Цезарь*, а докончанымъ при *Августь*, описанїемъ всѣхъ провинцій обширной Римской Имперїи.

Плинїй ошчаси пользовался сими матерїалами; но болѣе почерпалъ изъ Греческихъ писателей. Выходили одни за другими описанїя береговъ и земель, путешесивїя морскїя и сухопушныя. *Александрїйская* шорювля подала случай къ уничтоженїю ложныхъ мнѣній объ южномъ берегу *Либїи* и объ *Азїи*; чрезъ нее стали извѣсны ошдалечныя страны *Индїи*. Получены достовернѣшїя свѣдѣнїя о северозападной части Европы, подъ господ-

спомб Римлянб находившейся, также о странахб лежащихб за Чернымб моремб.

Всб сїи пособїя собралб *Маринь* Тирскїй / вб началб втораго столбшїя. Онб вознамбрїлся не только исправить и дополнїшь ими историческую Географїю, но опредѣлїть вб точности положенїе мѣстб по градусамб, и тѣмб изгнать изб науки всб недостоверныя показанїя Онб былб уже вб состоянїи предположенїя о фигурб обитаемой земли подкрѣпїть новыми опкрыщїями. Такимб образомб *Маринь* содѣлался творцемб новой Системы. Иногда онб ошибался вб опредѣленїи мѣстб, по недостатку точныхб извѣстїй; однакожь принятой имб порядокб нимало стѣ того не перяетб своего достоинства. Погрѣшности вб частяхб исправлены, но цѣлой составб не разрушенб.

Что началб *Мариномь*, по довершено *Птолемеемь* Александрїйскимб. Сей знаменитый Мужб, обладавшїй богатствомб математическихб познанїй и имѣвшїй передб собою описанїя новыхб путешествїй. вознамбрїлся обработать *Мариново* сочиненїе Онб дополнилб недостатки, исправилб замѣченныя ошибки, далб всѣмб мѣстамб опредѣленное положенїе и слишкомб большее размѣренїе предшественни-

на своего, въ разсужденіи долгопы и широты извѣстной поверхности земнаго шара, снѣснилъ въ меньшее пространство. Современники съ удивленіемъ признавали заслуги обоихъ Географовъ, а особливо послѣдняго, и писатели насупившихъ вѣковъ объ имени его упоминали не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Позднѣйшіе Географы дѣлали выписки изъ Птолемеева шворенія, сочиняли карты по его извѣстіямъ, и болѣе ничего предпринять не дерзали; шакovy были *Агаемерь*, *Марціанъ*, *Агаосъ*, *Демонъ*. Послѣ Птолемя, съ половины вшораго столѣтія до разрушенія Римской Имперіи, замѣчается въ числѣ Географовъ одинъ только *Евигусъ*, жившій въ пятомъ вѣкѣ. Во время продолжавшагося попомъ варварства появлялись нѣкоторыя землеописатели; но ихъ было весьма немного. Египтянинъ *Космусъ* въ шестомъ вѣкѣ издалъ Христіанскую Космографію. *Гіеронъ* Грамматикъ въ томъ же столѣтіи сочинилъ описаніе восточной Имперіи. Путешествія въ Ташарію *Марка Поля*, *Рубрикиса* и *Карлица* доставили Географіи важныя извѣстія. Науки, погасшія въ Европѣ, озаряли свѣтомъ своимъ страны Азіискія, въ кошорыхъ между Аравіянцами, Персами и даже Ташарами многіе писатели упражнялись и въ Географіи. По воз-

рожденіи наукъ , первымъ воспановителемъ Географіи въ Европѣ былъ Францискъ *Берлингеріи*, въ 15 столѣтїи, извѣстившій Птоломееву Географію въ шести книгахъ Италіянскими стихами. Доминикъ Марій *Негро* Венеціанецъ при концѣ того жъ вѣка сочинилъ Географію въ 26 книгахъ. Въ наступившемъ послѣ того столѣтїи, Вильгельмъ *Постель*, Французъ изъ Нормандїи, написалъ Трактатъ Космографическій. Бывъ посланъ Францискомъ, Королемъ Французскимъ, въ страны восточныя, онъ привезъ въ Европу Географію *Абульфеда*, славнаго Аравійскаго писателя и Государя, царствовавшего въ Апаменіи, что въ Сирїи, около половины 14 вѣка.

Россійское Землеописаніе одолжено быти своимъ Графу Брюсу. По его предствленію опредѣлено въ Сенатѣ: послать во всѣ уѣзды землемровъ, и собрать оныхъ всѣхъ городовъ попребныя извѣстія для сочиненія обстоятельной Географіи. Сей Вельможа, обремененъ будучи множествомъ дѣлъ по части государственной службы, удѣлялъ время и для сочиненія Русской Географіи, въ чемъ помогалъ ему Тапищевъ, нашъ незабвенный Дѣписатель. Въ 1719 году Графъ Брюсъ препоручилъ весь трудъ сей Тапищеву, которъй, собирая

вещества для Географіи, и увидѣвъ невозможность совершить начатое дѣло, принужденъ былъ приняться за Исторію. Оубъ Императорской Академіи Наукъ изданы Атласы, изъ числа коихъ намъ извѣстенъ печатанный 1745 года. Кондрашовичъ перевелъ двѣ книжки Профессора Бейера о древней Россійской Географіи; одну выбранную изъ свѣрныхъ писателей, а другую изъ Константина Порфиророднаго. Труды Миллера, Чебошарева, Диллея, Полунина, способствовали распространенію Географическихъ свѣдѣній о нашемъ Отечествѣ. Въ разныя времена изданы для училищъ весьма хорошія Географіи, какъ всѣобщія, такъ и частныя. Къ числу таковыхъ принадлежатъ *Всеобщее Землеописаніе* (*), переведенное съ Нѣмецкаго языка Профессоромъ Зябловскимъ, и *Новѣйшее Землеописаніе Россійскаго Государства* (**), сочиненное имъ же г. мѣ Зябловскимъ, и служащее дополненіемъ въ первому, ибо во *Всеобщемъ* непомѣщено описанія Россіи. Оубъ книги сіи достойны уваженія; въ нихъ наука предложена систематическимъ порядкомъ, и почти вездѣ соблюдена надлежащая точность.

(*) Въ С. Петербургѣ при Императорской Академіи 1807.

(**) Въ С. Петербургѣ въ типографіи И. Глазунова 1807.

Но Географія не есть наука постоянная; частая перемена въ предѣлахъ государствъ, новыя отношенія между Правительствами, новыя учрежденія, не дающъ отдыха Землеописателямъ.

Въ *Новѣйшей*, разсматриваемой здѣсь *всеобщей Географіи* упоминается уже о Блоснонговской области и Финляндіи, какъ о частяхъ Россійской Имперіи; Королевства Вестфальское, Саксонское, Баварское, Виртембергское и другія земли описаны въ нынѣшнемъ ихъ политическомъ состояніи. Судя по чрезвычайной поспѣшности, съ каковою была составлена сія книга, думать должно, что сочинитель угадывалъ предстоящія перемены, и боялся, чтобы онѣ не обременили его новою работою. Будучи увѣрены, что все достоинство сей *всеобщей Географіи* состоитъ въ новыхъ поправкахъ и дополненіяхъ, мы радуемся, и жалѣемъ, что по случаю нынѣ заключеннаго мира между Франціею и Австріею она вдругъ дѣлается *старою*; радуемся, потому что у многихъ людей, неумѣющихъ разбирать доброту книгъ, деньги останутся въ карманѣ, или употреблены будутъ на что нибудь лучшее; а жалѣемъ, что сочинитель спудился понапрасну.

Порядочное расположеніе частей, взаимная между ними соотвѣтственность, правильное раздѣленіе ихъ, или однимъ словомъ *Система*, и сверхъ того ясность и точность — вотъ чего ищущъ въ книгѣ, въ которой содержится какая-либо наука. Логика необходимо нужна для всякаго писателя; безъ Логики — говорить Синевдохомъ у Княжнина — нѣсть спасенія ни душѣ ни шѣлѣ.

Вступленіе начинается такимъ образомъ: „Географія есть *описаніе земли*; „что означаетъ самое ея имя, которое со- „ставлено изъ двухъ Греческихъ словъ, „Сія наука *описываетъ землю*, и пред- „ставляетъ разные ея части по порядку, „въ которыхъ онѣ находящяся; она опредѣ- „ляетъ *видъ земель и морей*“ и проч. Сочинитель нашъ раздѣляетъ Географію на три части, какъ и должно, по есть на астрономическую, физическую и политическую. „Географія астрономическая „есть описаніе земли *насаительно неба*. „Она представляетъ отношеніе частей „земли къ частямъ неба, *главныя дѣй-* „*ствія, происходящія изъ таковаго* „*отношенія*, и математическое раздѣле- „ніе, перенесенное съ неба на землю. — „Географія физическая есть описаніе зем- „ли *въ отношеніи ея сущности*. Она

„представляешь видшее строение земли, „ея разделение на землю и воду, под- „разделение сихъ различныхъ частей, ихъ „свойство и *связь*.“ Основовимся, и раз- „смотримъ по крайней мѣрѣ хотя одно сѣе „опредѣленіе физической Географіи. Слова *сущность земли* не дають никакого яс- „наго понятія, и совершенно скрываютъ „мысль сочинителя. Къ физической Геогра- „фіи принадлежатъ еще атмосфера, кли- „матъ, времена года, произведенія земли, „породы людей. Логика требуетъ, чтобы „опредѣленіе вмѣщало въ себѣ общія поня- „тія обо всемъ опредѣляемомъ. Что дол- „жно здѣсь разумѣть подъ *связью* между „частями земли и воды? — Астрономи- „ческая Географія содержится во вступле- „ніи, а о физической и политической со- „чинитель предлагаетъ вмѣстѣ, хотя пре- „жде и раздѣлилъ сѣи части. Солнце, пер- „вое изъ тѣхъ небесныхъ, освѣщаетъ толь- „ко семь планетъ, начиная отъ Меркурія „до Урана; о вновь открытыхъ планетахъ „умалчивается.

Каждой частицель, хотя мало упраж- „нявшійся въ астрономической Географіи, „удобно примѣшивъ, что сочинитель не са- „мымъ почнымъ и не самымъ вразумитель- „нымъ способомъ изясняетъ свои мысли. „Не основовимся ни надъ Птолемеемъ, жив-

шимъ за 138 лѣтъ до Рождества Христова, ни надъ Перипанешниками, которые (стр. XI.) со времени Птолемея господствовали до шестнадцатаго столѣтїя, и поступимъ далѣе въ Географїю политическую и физическую. „Знашнѣйшія рѣки въ Варшавскомъ Герцогствѣ (стр. 281) Висла, Варша, Наревъ, Кра, Бугъ, Пилица, и *Немень* или *Мемель*.“ Мы хотѣли было возразить, что рѣка *Немень* не принадлежитъ къ Герцогству Варшавскому, а только составляетъ границу онаго, и то не на большемъ пространствѣ; но вдругъ на страницѣ 283й читаемъ, что и Двина и Днѣстръ и даже Днѣпръ водами своими начаяютъ счастливыя пажини Герцогства Варшавскаго. Мы увидѣли, что прошивурчїя здѣсь не могутъ имѣть мѣста. Правда, что 283 и 284 страницы вставлены безъ всякой надобности, ибо въ нихъ повторяется написанное на двухъ страницахъ предыдущихъ; однакожь и выбросить ихъ не можно, для того что между 282ю и 285ю страницами былъ бы пустой промежутокъ. Какъ бы то ни было *Двина*, *Днѣстръ* и *Днѣпръ* напечатаны съ рукописи, коей шворецъ думалъ, что сіи рѣки протекаютъ въ Варшавскихъ департаментахъ! „Число жителей (стр. 28.) въ Варшавскомъ Герцогствѣ считается около 8 милліоновъ.“ — „Въ Варшавскомъ

Герцогствѣ (спр. 283) считается около 10 милліоновъ.“ И то и другое несправедливо. Можетъ быть сполько жителей считалось въ Польшѣ между первымъ и послѣднимъ ея раздѣломъ. Чшобы понять, отъ чего по счету сочинителя шакъ много людей оказалось въ семъ Герцогствѣ, надобно знать, что онъ причисляетъ къ нему обѣ Галиціи; Краковъ и Лембергъ со многими городами присоединены имъ къ Варшавскому департаменту. „Въ Варшавскомъ Герцогствѣ науки были въ цвѣтущемъ состояніи; тамъ находились шакія библіотэки, шпорымъ едва ли были гдѣ подобныя; и хотя въ нынѣшнее время и возстановляются науки, однако же они (кто? : недалеко успѣли въ оныхъ. - - - Варшавское Герцогство хотя и соединено съ Саксонскимъ Государствомъ, однако жъ Государь Саксонскій *неимѣетъ никакого участія въ правленіи*, а находится подъ покровительствомъ Франціи и *управляется чиновниками Французской Имперіи.*“

Во второй Частш содержится землеописаніе Россіи съ крашкою исторіею. Часть сія расположена гораздо правильнѣе и предложена лучше первой и шрешей; не смотря на то, и она совершенно излишняя для имѣющихъ у себя Россійское Землеописаніе г-на Зябловскаго, а Исторія

написана безъ всякихъ соображеній. „Рос-
 „сіяне (стр. 212), или народъ обитающій
 „нынѣ въ Россійской Имперіи, за нѣсколь-
 „ко вѣковъ до Рождества Христова, оби-
 „палъ уже въ нынѣшнихъ его предѣлахъ,
 „занимая на нѣсколько тысячъ верстъ въ
 „длину и ширину. Народы составившіе
 „тогда Россію, произшедшіе отъ единого
 „испочинка, были Россы, или Роксоляне,
 „правильнѣе же, какъ они сами себя назы-
 „вали, *Россо-Славяне*, изъ коихъ большая
 „часть, оставя въ послѣднія времена преж-
 „нія свои именования *Московъ*, *Россовъ* и
 „*Венедовъ*, приняли другія по именамъ рѣкъ
 „и урочищъ, гдѣ кто изъ нихъ поселил-
 „ся.“ Желательнѣе знать, откуда сочи-
 „ншель почерпнулъ извѣстія о жишѣ
 „бышѣ *Россовъ* до Рождества Христова, и
 „о томъ, какъ они, оставя правильныя на-
 „званія *Московъ* и *Россо-Славянъ*, начали
 „называться другими. И такъ свидѣтель-
 „ство Нестора ни къ чему не служитъ?
 „Не онъ ли написалъ и повторилъ нѣсколь-
 „ко разъ, что поселившіеся здѣсь на сѣверѣ
 „Славяне спали называться Русью отъ
 „пришедшихъ Варяговъ, которые также
 „Русью назывались? Сочинитель знаетъ,
 „что отъ *Руссовъ* произошли Славяне, а Сла-
 „вяне потомъ опять именовались, вмѣсто
 „*Руссовъ* уже Россіянами, отъ разбѣянности
 „по всему почти лицу земному. Таковѣ

начало Исторіи! При окончаніи опять замѣчаемъ неисправность. У сочинителя написано, что (стр. 227) Университеты Дрппскій и Виленскій учреждены послѣ 1801 года и въ одно время съ Казанскимъ и Харьковскимъ. Въ учебныхъ книгахъ должна быть наблюдаема строжайшая точность; дабы не погрѣшилъ противъ нее, надлежало бы сказать, что тѣ Университеты получили тогда новое установленіе. Можно было справиться съ Хронологическою росписью, въ календаряхъ помѣщаемую.

Господина сочинителя мы совсѣмъ не знаемъ, и статья сія писана ошнудь не съ тѣмъ, чтобы кому-либо причинить неудовольствіе. Книги издаются и продаются для того, чтобы читать ихъ, а читаются для того, чтобы доставить пищу разуму, которой пишется размышленіемъ. Люди имѣющъ отъ природы сильное побужденіе сообщать другимъ свои мысли. Одинъ воленъ печатать что захочетъ; другой, купивши печатное, воленъ сказать свои замѣчанія. Мнѣніе частнаго человека не есть законъ, и слѣдовашъ ему никто не обязанъ. Ошибаясь въ сужденіяхъ своихъ онъ самъ подвергается нареканію. А кому пріятно съ намѣреніемъ ошибаться?

М.

IV. С М Ъ С Ъ.

О мѣстолребываніи Месмера и о нынѣшней жизни сего достопамят- наго человека.

Можетъ быть Публикѣ пріямно будетъ извѣстіе о человекѣ, открывшемъ одно изъ важнѣйшихъ дѣйствій природы, на которое мыслящіе врачи нынѣ опять обращаютъ свое вниманіе. Магнетизмъ, получившій бытіе въ Германіи, въ младенческихъ лѣтахъ своихъ изгнанный изъ отечества за Рейнъ, во Франціи принятый. Отъ одной стороны съ восторгомъ, отъ другой ни вочто вмѣняемый, нынѣ по прошествіи многихъ лѣтъ возвратился въ отечество свое, является въ видѣ учебнаго предмета, и почитается важнѣйшимъ приобрѣщеніемъ Врачебной науки. Гюфеландъ сначала былъ противникомъ магнетизма (*); но по долгомъ изслѣдованіи, по наблюденіи какъ своихъ, такъ и чужихъ опытовъ, онъ перемѣнилъ свои мысли, и теперь обѣщается въ Журналѣ своемъ описать одно происшествіе, котораго былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, и которымъ неоспоримо доказуется бытіе и спасительныя дѣйствія магнетизма. Месмеръ, о которомъ нѣкогда такъ

(*) См. Hufelands gemeinnützige Aufsätze. Erster Band. Mesmer und seiner magnetismus im Jahre 1785.

много писали и говорили, уже года два живеть въ Фрауенфельдѣ, чю въ Швейцаріи, гдѣ по видимому намѣренъ въ тишинѣ провести остатокъ дней своихъ. Почти всѣ оригинальные люди, выдержавши строгой судъ Публики, обыкновенно любящъ доживатьъ въкъ свой въ покой. Такъ и Месмеръ, котораго одни почитали полезнѣйшимъ изобрѣшателемъ, другіе хитрымъ Калиостро, долго носимый въпромѣ новыхъ идей своихъ, наконецъ принужденъ былъ остановиться при берегѣ пустынномъ, и тамъ, наслаждаясь воспоминаніемъ о прежней славѣ и издерживая собранныя деньги, умереть покойно. Можетъ бытъ поведеніемъ своимъ онъ подкрѣплялъ мнѣніе о себѣ современниковъ; но происки, недоразумѣніе, умничанье и глупость сдѣлали еще болѣе. Месмеръ заслуживаетъ имѣть мѣсто въ здоровой Физикѣ. Онъ приобрѣлъ основательныя знанія и одаренъ остроуміемъ; но къ сожалѣнію, пристрастіе завело его съ лишкомъ далеко, такъ что во всемъ и вездѣ онъ ничего не видѣлъ, кромѣ своего месмеризма. Онъ и теперь оспается твердѣ въ своихъ прежнихъ мнѣніяхъ, и думаетъ, что всѣ болѣзни безъ исключенія могутъ бытъ врачуемы магнетизмомъ живошныхъ; и что чудеса, угадыванія и шому подобное происходятъ отъ той же силы. Въ прочемъ опытами людей достойныхъ уваженія доказано, что Месмеровы феномены не выдумка; для того желательна было бы видѣть изъясненія, написанныя самимъ изобрѣшателемъ. Онѣ dokonчаны; но ни одинъ книгопродавецъ не хочетъ на свой счетъ печатать рукописи. Можетъ бытъ причиною тому имя сочинителя. Хорошо, что есть узда для жаркихъ всякаго рода мечтателей, кои мно-

го уже разъ и себя и другихъ обманывали; однакожъ мнѣніе, котораго держипся Месмеръ, будучи въ старыхъ лѣтахъ, есть конечно не мечта изступленія, и сочиненіе о системѣ самимъ изобрѣшателемъ написанное, безъ сомнѣнія принято было бы съ удовольствіемъ. N. N.

~~~~~

*•Нѣчто о закладываемыхъ вещахъ,
въ старину и въ наше время.*

У древнихъ Египтянъ, которые вѣрили переходенію или по крайней мѣрѣ возвращенію душъ въ прежнія тѣла, жрецы намащали трупы, чтобы предохранить ихъ отъ испуленія. Для того употребляемы были три способа, описанные Геродотомъ. Сии способы сшановились одни дороже, другіе дешевле, смотря по цѣнѣ веществъ употребляемыхъ для сосава. Намащенные трупы сохранялись по нѣскольку тысячъ лѣтъ, и даже теперь находятъ уцѣлѣвшія тѣла въ Египетскихъ могилахъ. Онѣ привозятся въ Европу подъ именемъ мумій, и помѣщаются въ кабинетахъ рѣдкостей Натуральной Исторіи. Съ тѣхъ поръ какъ Французы побывали въ Египтѣ, муміи сдѣлались не шакъ рѣдки въ Европѣ. Въ древнія времена Египтянинъ, получивши отъ жрецовъ намащенное тѣло отца своего или матери, пошчасъ ставилъ его въ особой храмѣ своего дома; слѣдственно въ Египтѣ родословныя доказательства были гораздо очевиднѣе, нежели у насъ въ Европѣ, гдѣ онѣ заключающся въ бумагахъ. Сии трупы

составляли также часть имущества. При недостаткѣ въ деньгахъ, Египтянинъ легко могъ занять потребную сумму, отдавая подъ закладъ намащенное шѣло отца своего, или дѣда, или матери. Должникъ считалъ священной и ненарушимую обязанностью выкупить закладъ свой. Такимъ образомъ часть народного богатства состояла только во мѣбнѣи, основана будучи на предразсудкѣ.

Нѣчто похожее случилось и мнѣ видѣть одинъ разъ въ моей жизни. Знакомой мнѣ человекъ, весьма прилѣжный анатомикъ, немалую часть имущества своего превратилъ въ спиртъ винный, въ которомъ хранилъ искусственные свои препараты, а еще большую часть употребилъ на вкусное вино, до котораго также былъ охотникъ. Видя свои домашнія дѣла не въ хорошемъ состояніи, онъ принужденъ былъ занять немалую сумму денегъ, и отдать за нее подъ закладъ свои мершвые трусы и анатомическіе препараты. По смерти его всѣ шѣла достались заимодавцу.

Помню также объ одномъ рыжеволосомъ разнощикѣ, которой въ бытность мою въ Геттингенѣ представлялъ собою огнедышущую гору. Онъ окуривалъ пѣнковые трубки для студеновъ, и отъ безпреспаннаго куренія сдѣлался живою Египетскою муміею. Профессоръ Анатоміи Врисбергъ и нѣкоторые студенты дали разнощику въ займы 20 шалеровъ, и обеспечили деньги свои собственнымъ его шѣломъ, которое, по смерти его, и было принесено къ нимъ въ театръ анатомическій.

Ни одинъ народъ въ свѣтѣ такъ недорожилъ своимъ имуществомъ, какъ старинные Испанцы усами. Славной Генералъ *Донъ Жуанъ де Кастро* долженъ былъ исправить нѣкошорую крѣпость въ Индіи. Работа ошановилась за недоспашкомъ въ деньгахъ. Генералъ потчасъ отрѣзалъ у себя усъ и отправилъ его нѣ жипелямъ города Гои, пребуя чшобы дали ему въ займы 20,000 піаспровъ. Граждане, умѣвшіе цѣнишь усы и честность Генерала, отослали къ нему не только деньги, но и шу дорогую вещь, кошорая долженшвовала бышь закладомъ.

Сомнѣваюсь, можно ли такую кредитную систему распросранить на бакенбаршы, кошорыми шеперь украшаются многія модныя лица. Положимъ, что должникъ честенъ; положимъ, что онъ вѣренъ своимъ бакенбаршамъ; но какъ поступише съ ними при кодкурсѣ кредиторозъ? Н. Н.

Олвѣль Гну. Б. В. Ш. ().*

М. Г.

Вы доказывая несправедливосшь учиненнаго мною описанія необыкновеннаго способа ловишь пшицѣ, упошребляемаго Коряками и Ламуцами, заключаете: „Гну М — ву угодно было, чтобы Коряки завелись Алеутскими байдарками, выучились неустрашимо плавать на морю и ловили бы утокъ

(*) № 18й стр. 117 Вѣспника Европы 1809.

„какъ Камчадалы: рече — и быша“ — — —
Аминь.

Все, что я ни сказалъ въ семъ описаніи, которыми угодно вамъ было оскорбляться, и учтиво называть печатною ложью, слышалъ отъ чиновника, родившагося въ Анадырской крѣпости, и по сожженіи оной долго жившаго въ крѣпости Ижигинской, которой самъ, по его словамъ, не одинъ разъ забавлялся упомянутою охотою, и которой неимѣлъ нужды меня обманывать. Но вы были въ Камчаткѣ, и говорите, что это ложь. Кому вѣрить? — Я думалъ (извините, и шеперь даже думаю), что чиновникъ, долго жившій въ Ижигинской крѣпости, т. е. между Коряками, могъ знать ихъ довольно близко, или покрайней мѣрѣ я долженъ ему вѣрить болѣе, нежели только бывшему, и то въ Камчаткѣ; а особливо, когда вы говорите, что Коряки — НВ. Коряковъ и Ламушовъ я назвалъ однимъ народомъ — живущъ къ Сѣверу отъ Камчатскаго полуострова, и малая ихъ часть живетъ у береговъ Пенжинскаго залива. Удивительно какъ справедливо! — Не упоминая о другихъ доводахъ, взглянувъ только на Карту Россійскаго Государства, вижу, что Коряки и Ламушы населяющъ весь западный берегъ не только Пенжинскаго моря, но и большую часть Охотскаго. — Не позволили шеперь сказашъ и вамъ, Гн. Б. В. Ш. рече — и быша?

Н. Мамышевъ.

Московскія записки.

Ноября 4 го видѣли мы на Московскомъ Театрѣ въ первый разъ славную дѣвицу *Жоржъ Веймеръ*, въ роль Расиновой *Федры*; 14 Ноября та же Трагедія представлена была въ другой разъ.

Эта роль можетъ назваться оселкомъ трагическаго таланта въ Актрисѣ. Спирасъ Федры — единственна по своей силѣ — изображена Расиномъ съ такимъ совершенствомъ, какого, можетъ быть, не найдемъ ни въ одномъ произведеніи Стихотворцевъ, и древнихъ и новыхъ. Авторъ имѣлъ искусство (но искусство извѣстное однимъ только Гевіямъ первой степени) основать всю Трагедію свою, не на произшествіяхъ необычайныхъ, возбуждающихъ любопытство, изумленіе, ужасъ, но просто на одной сильной спираси, которой раскрытіе, опшѣнки и измѣненія составляютъ единственно сущность его Трагедіи. И какая спирасъ! Съ перваго взгляда отвращительная, немогущая произвести никакого участія — спирасъ супруги Тезеевой къ Тезееву сыну. Естественнели желать, чтобы она могла быть увѣнчана успѣхомъ? И не смотря на то, на участіи въ этой спираси основана вся Трагедія. Въ чемъ же состоитъ очарованіе Федры? Опъ чего, видя ее, не находимъ въ себѣ того непріятнаго чувства, которое производитъ въ насъ присутствіе ужаснаго преступника, но болѣе наполнены пою сострадательною нѣжностію, съ какою взираемъ на существо невинное и несчастное, и погружаясь въ меланхолію, готовы сказать вмѣстѣ съ Шекспировою Офеліею:

— O what a noble mind is here o'erthrown!

Когда бы Федра сама желала удовлетворенія страсти своей; когда бы она сама не гнушалась ею гораздо больше, нежели зритель: тогда не могли бы мы видѣть ее безъ отвращенія на сценѣ — но она жертва, и жертва самая прогашельная пресупленія непроизвольнаго! Въ какую минуту является она передъ глазами зрителя! Упомленная бесполезною борьбою съ сердцемъ своимъ, потерявъ и силу, и мужество, и привязанность къ жизни, она приходитъ взглянуть въ послѣдній разъ на солнце, *на лучезарнаго своего прародителя*, съ которымъ прощается на вѣки. П.эту, не осталось, по видимому, ничего прибавить къ изображенію этой страсти: ибо она уже не можетъ усиливаться — но она можетъ представлена быть въ новыхъ оппѣнкахъ. Ложные слухи о Тезеевой смерти и мадерин канѣнность опять возвращаютъ Федру къ жизни: смерть, послѣднее благо свое, приноситъ она въ жертву дѣтямъ, и сія же мадеринская нѣжность приводитъ ее къ Иполлиту — но здѣсь ожидало ее по мстительное божество, которое поселило въ душѣ ея виновный пламень — Федра приходитъ просить покровительства своему сыну и можетъ говорить объ одной только своей любви; гибельное признаніе сдѣлано — а Тезей живъ! Какое положеніе для существа, созданнаго любви добродѣтель, и столько времени борющагося съ судьбою, чтобы удалитъ отъ себя преступленіе — и только сею минушою ужаса, когда самая способность чувствовать и мыслить была уничтожена въ душѣ Федры, могла воспользоваться Энона, чтобы оклеветать Иполлипа — Федра приходитъ въ себя и первая мысль ея: спасемъ невинность! Она стремится

ся къ Тезею — новый ужасъ! Она узнаетъ, что *Ипполитъ чувствителенъ, но чувствителенъ къ другой!* Этого ударъ послѣдній! Федръ оспавилось только почувствовать муку ревности; восклицаніе: *il faut perdre Aricie!* вырывается не изъ сердца ея: это вопль испушенія, но оно продолжается не долго; въ Федръ остается одна только ненависть, сильнѣйшая прежняго къ жизни, и ненависть къ себѣ самой — она умираетъ, но ея послѣднее слово: *Ипполитъ невиненъ!* Во все продолженіе Трагедіи она только несчастна: сердце ея ни на минуту не участвовало въ томъ преступленіи, къ которому она ввергнута была помѣшательствомъ страсти.

Выраженіе такихъ характеровъ, каковъ характеръ Федры, столь трудное для Стихотворца, есть въ то же время и самое трудное для Актера: Поэтъ, не имѣя пособія въ произшествіяхъ, поддерживающихъ вниманіе и любопытство, долженъ поработить душу и зрителя и читателя своего вѣрнымъ изображеніемъ страсти, которая тогда только можетъ быть привлекательна, когда почерпнута изъ самой Натуры; когда удержанъ естественный ея ходъ; когда всѣ ея измѣненія вѣроятны, и когда между сильными и главными ея положеніями соблюдена необходимая поспешенность, служащая, такъ сказать, нишю соединенія одного съ другимъ. Что въ Стихотворцѣ слогъ, то въ Актерѣ тѣло, движенія, голосъ, лице; но знаніе Натуры, воображеніе и чувство, какъ въ томъ, такъ и другомъ должны быть почти одинаковы, съ тою только разницею, что первый, будучи шворцемъ, руководствуетъ послѣдняго, а самъ не слѣдуетъ никому, кромѣ одного изе-

брѣшательнаго своего генія. Поэтѣ, не имѣя чувствительности и знанія природы, не изобразитъ намъ сильнаго характера со всѣми его опшбѣнками; Актерѣ, неимѣющій ни того, ни другаго, или не пойметъ намѣреній Поэта, или не будетъ способенъ наполниться его чувствами до такой степени, чтобы, забывъ въ себѣ Актера, совершенно переселиться въ характеръ и положеніе представляемаго имъ лица.

Судьба иныхъ Трагедій рѣшена бываетъ, можно сказать, однимъ только щастливымъ выборомъ прагического произшествія. На примѣръ, въ Ламэтовой *Инесѣ*, посредственной по слогу и плану, прогаетъ насъ одно положеніе главныхъ лицъ; и Актриса, представляющая *Инесу*, даже не имѣя таланта превосходнаго, всегда возбудишь чувствительность въ зрителѣ, ибо онъ уже предубѣжденъ въ ея пользу прогательнымъ ея положеніемъ. Но Федра . . . надобно быть такимъ великимъ Поэтомъ, каковъ Расинъ, чтобы цѣлнить насъ изображеніемъ страсти ея — и надобно быть Актрисою превосходною, чтобы представить намъ Федру такую точно, какою изобразилъ ее Стихотворецъ. Почти во всѣхъ другихъ Трагедіяхъ положенія *измѣняются* и страсти въ *нѣкоторыхъ только минутъ* восходятъ на высочайшую степень; на примѣръ страсть *Гермионы* тогда только обнаруживается во всей своей силѣ, когда сія оскорбленная Принцесса говоритъ въ послѣдній разъ съ Пирромъ; и она доходитъ до иступленія, когда Орестъ объявляетъ *Гермионѣ* о смерти Пирра: въ другія минуты она спокойна и болѣе скрыта во глубинѣ души; любовь *Заирь* есть тихая и бѣдность, тогда только

обращающаяся въ страданіе, когда сердце *Зан-ры* начинаетъ колебаться между привязанно-стію къ Орозману и должностію Хрисціанки. И Актриса, представляющая или *Гермиону* или *Занру*, находитъ великое пособіе въ пѣхъ положеніяхъ, которыя Стихотворецъ даетъ симъ лицамъ: она заимствуетъ силу отъ роли. Напропивъ спросъ Федры возведена уже на высочайшую степень свою, такъ сказать, прежде, нежели Федра является передъ глазами зрителя; нѣтъ постепенности; она одинакова отъ первой сцены до послѣдней: это изступленіе, это болѣзнь; Актриса, кромѣ пѣхъ маскныхъ положеній, въ которыя приходитъ она въ продолженіе Трагедіи, имѣетъ собственное, главное, такъ сказать, независящее отъ обстоятельство трагическихъ и только измѣняемое оными: она должна быть въ изступленіи уже за сценою, и сохранить это изступленіе до конца Трагедіи, сохраняя при томъ и необходимые опѣнки его: напримѣръ Федра, въ присутствіи Ипполита, не можетъ быть тою Федрою, которую мы видѣли за минушу съ Эноною, но спросъ ея все таже. И все искусство Актрисы, представляющей это лице, состоитъ въ томъ, чтобы она, не выходя ни на минушу изъ главнаго своего положенія, умѣла *прижвнать* его къ тому чувству, которое Стихотворецъ, согласуясь съ обстоятельствами, влагаетъ въ уста ея.

Надобно отдать справедливость дѣвицѣ *Жоржъ*. Она исполнила почти всѣ сіи пребыванія въ роль Федры: зрители ни на минушу не могли забыть, что они видятъ передъ собою несчастную жертву произвольной спра-сти. Федра явилась, поддерживаемая Эноною — (мы увидѣли величественную женщину,

въ прекрасномъ бѣломъ плащѣ, съ маленькою золотою діадымою на головѣ, въ богатой мантіи, лице Греческое, станъ Царицы, руки прелестныя) — ея походка; блѣдность ея лица, слѣдствіе внутренней скорби; глаза мутныя, лишенныя послѣдняго блеска, но полныя выраженія тайной страсти, все изображало Федру, палимую внутреннимъ, *неестественнымъ* пламенемъ. Она сѣла, наклонила голову; Энона ей говорила, но слова Эноны не доходили до ея слуха; вся душа ея погружена была въ то горестное чувство любви, которое сливалось въ ней съ желаніемъ смерти:

Vous haïsez le jour, que vous veniez chercher!
говоришь Энона. Федра, вмѣсто того, чтобы ей отвѣчать, обращается къ солнцу:

Noble et brillant auteur d'une triste famille,
Toi, dont ma mere ofait se vanter d'etre fille,
Qui peut-êtr rougis du trouble ou tu me vois,
Soleil, je te viens voir pour la derniere fois!

Эти слова, прекрасно выраженные, сказаны были, епѣли не ошибаюсь, слишкомъ торжественно и съ чувствомъ горести *сильной*; а я желалъ бы найти въ нихъ болѣе выраженія тихой унылости, ибо онѣ изливаются изъ страстной души, разстроганной мыслію о близкой смерти. Федра, за минушу, погружена была въ горестное размышленіе о своемъ жребіи: жизнь представлялась ей бременемъ тяжкимъ, и на лицѣ ея написано было отчаяніе мрачное, нѣсколько угрюмое; но слова Эноны:

Vous haïsez le jour, que vous veniez chercher!

пробудили въ ней мысль о смерти — мысль, прогашельная для того, кто въ жизни видишь одно спрдааніе и пошерялъ всѣ надежды,

(ибо она представляетъ ему тихое убѣжище); но вмѣстѣ съ этою мыслию соединяется въ немъ и другая, столь же прогашельная, о разлукѣ съ тѣмъ, что ему дорого; а сія послѣдняя устремляетъ душу его и къ тѣмъ предметамъ любви, къ которымъ онъ готовъ оставить: все это производитъ не горестъ, а тихое уныніе. Надобно замѣтить, что стихи :

Noble et brillant auteur и пр.

служатъ приготовленіемъ къ той мечпашельности, въ которую Федра погружается черезъ минушу — мечпашельности, которая, безъ сего приготовленія, была бы несообразна съ прежнимъ угрюмымъ ея спчаяніемъ. Сказавъ солнцу: прости! Федра, по естественной связи чувствъ, переносится мыслию къ Ипполиту — ибо лишиться жизни и Ипполита, для нее одно и то же — но при этомъ воспоминаніи изглаживается въ ней всякое другое чувство, и остается одна любовь: она видитъ его передъ собою; ей представляюща тѣ минушы мучительнаго наслажденія, когда, уединенная подъ тѣнію лѣсовъ, питаясь своею спрастію, она слѣдовала взираема за Ипполитомъ, лешащимъ въ опдаленіи на колесницѣ.

*On vous voit moins souvent, orgueilleux et
sauvage,*

Tantôt faire voler un char sur le rivage, и пр. говоритъ Тераменъ, въ первой сценѣ, Ипполиту. Расинъ, который имѣлъ искусство ко всему приготовлять своего зрителя заранѣе, хотѣлъ въроятно объяснить этими стихами то, что говоритъ Федра въ сценѣ съ Эноною.

*Dieux, que de suis-je assise à l'ombre des
forêts!*

Quand pourrai-je autravers une noble poussiere,
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carriere,

Въ этомъ мѣстѣ дѣвица *Жоржъ* была воскипительна: слова Эноны!

Quoi! vous ne perdez point cette cruelle envie!
Vous verrai-je toujours renonçant à la vie,
Faire de votre mort les funestes apprêts?!

не коснулись ея вниманія; глаза ея, прежде мрачные и совершенно попухшіе, послѣ словъ:

Soleil, je te viens voir pour la derniere fois!
мало по малу, начали оживляться, и они уже блистали (но блистали тѣмъ яркимъ огнемъ, который выражаетъ не радость, а сильный беспорядокъ душевный), когда она сказала:

Dieu, que ne suis-je assise à l'ombre des forets и пр.

и зритель, прежде нежели она произнесла эти слова, былъ уже приготовленъ къ чувству необыкновенному: онъ угадывалъ, что душа Фредры занята была какимъ-то внезапнымъ видѣніемъ, и то, что она сказала, только объяснило его темную догадку. Вотъ что значитъ наблюдать постепенность въ переходѣ отъ одного движенія къ другому! Но это искусство извѣстно однимъ только великимъ Архиспамъ.

Quoi madame!

воскликнула Энона — въ минушу, смятеніе и ужасъ заступили мѣсто любви на лицѣ Фредры, всѣ черты ея перемѣнились: этотъ быстрый переходъ изъ одного состоянія въ другое, совершенно ему прошивное, выраженъ былъ прекрасно.

Энона умоляетъ Фредру вѣрить ей свою тайну — она бросается на колѣна.

Madame, au nom des pleurs, que pour vous
j'ai versé,

Par vos faibles genoux, que je tiens embrasses,
Delivrez mon esprit de ce funeste doute!

въ продолженіе этихъ стиховъ, жестокая борьба изображена была на лицѣ Федры, котораго всѣ мускулы казались напряженными — но Энона замолчала, и Федра была уже спокойна: ибо опшчаянная рѣшимость заступила въ ней мѣсто мучительнаго волненія; она приближила свое лице къ лицу Эноны —

Tu le veux —

сказала она съ глубокимъ чувствомъ; казалось, что слова сіи выражали: *безумная! чего ты хочешь!* и она приближила свое лице къ Энонѣ, какъ будто для того, чтобы рассмотреть въ глазахъ ея, точноли желаетъ она открыть такую спрашную тайну.

— leve-toi!

во второе представленіе эти два слова произнесены были гораздо лучше, нежели въ первое. Тогда Федра, сказавши: *tu le veux*, прибавила съ послѣдностію: *leve-toi!* и быстрымъ движеніемъ руки подняла Энону: въ голосъ ея чувствительна была одна только рѣшимость! Но въ послѣдній разъ, послѣ двухъ первыхъ словъ, (*tu le veux*) она отъвергла глаза отъ Эноны, сдѣлала такое движеніе рукою и произнесла съ глубокимъ уныніемъ, послѣ минутнаго молчанія: *leve-toi!* Самый звукъ ея голоса приготовлялъ уже зритель къ тому, что онъ услышитъ; а глаза ея, въ то же время, говорили: *какое признаніе должна я сдѣлать, и для чего принуждена я его сдѣлать!*

Tu vas voir le comble des horreurs!

J'aime

J'aime Hippolyte, хотѣла она сказать — и бы-
спроша, съ какою произнесено было слово:
J'aime, показывала, что она спѣшила избавить
себя отъ шягостнаго признанія; но при имени
Ипполита рѣшимость ея исчезла; она смущи-
лась, зашрепешала:

— A ce nom fatal je tremble, je frissonne...
J'aime

послѣднее слово сказано было тихо и съ ро-
боснію, шакъ, какъ и слѣдующія:

Tu connais ce fils de l'Amazone,
Ce prince si long-tems par moi-meme op-
primé

она хотѣла, чтобы Энона ее угадала, но, въ то-
же время, спрашила ея пронцашельности.

C'est toi qui l'as nommé!

она произнесла это разительное слово робкимъ,
почти невнятнымъ голосомъ, съ спыдомъ,
ужасомъ и отвращеніемъ; она не смѣла обра-
тить глаза на Энону, и движеніемъ руки
хотѣла, какъ будто, ее отъ себя удалишь,
ибо слова Эноны

Hippolyte, grands Dieux!

были и для нее какою-то ужасною новостію,
которой она ожидала, но которую всё еще
слишкомъ рано услышала.

Монологъ:

Mon mal vient de plus loins etc.

прочтенъ былъ во второй разъ несравненно
лучше, нежели въ первый: надобно было слѣ-
довать за движеніями лица Актрисы, чтобы
раздѣлять съ нею всё тѣ чувства, которыя
выражала она словами.

En vain sur les autels ma main brulait
l'encens;

Quand ma bouche implorait le nom de la
deesse,

J'adorais Hippolyte et, le voyant sans cesse,
Même au pied des autels que je faisais fumer,
J'offrais tout à ce dieu que je n'osais nommer.

вѣ эту минушу, глаза ея, оживленные, блестящїе, выражали все испуганїе любу; она видѣла передъ собою того бога, котораго нименовати не смѣла.

Въ четвертой сценѣ, когда Панапа извѣщаетъ ее о смерти Тезеевой, она произносишь одно только слово: Ciel! но эта сцена едва ли не одна изъ самыхъ трудныхъ; и надобно признаться, что дѣвица *Жоржъ* показала въ ней дарованїе Актрисы превосходной, которая ни на минушу не удаляется отъ характера и положенїя своей роли.

Третья сцена оканчивается стихами:

Je t'ai tout avoué, je ne m'en repens pas,
Pourvu que, de ma mort respectant les ap-
proches,

Tu ne m'affliges plus par d'injustes reproches;
Et que tes vains secours cessent de rappeler
Un restede chaleur tout pret à sehaler.

Положенїе Федры все то же, какое и въ началѣ сцены — вдругъ слышишь она, отъ Паныпы, что Тезея нѣтъ.

Hippolyte son fils vient d'apprendre sa mort!

Она говоритъ одно только слово: Ciel! но какимъ голосомъ и съ какимъ видомъ? Обыкновенная Актриса приняла бы это извѣстїе съ громкимъ восклицанїемъ, которымъ выразила бы одно только то, что оно поразило ее, какъ новость. Но слово: Ciel! выражаетъ совсѣмъ иное. Тезеева смерть не можетъ быть сама по себѣ ужасною для Федры: ибо для нее нѣтъ уже нещастїя — она рѣшилась умереть! она можетъ на нее дѣйствовать только по тому, что имѣетъ нѣкоторое отно-

шеніе къ главному и единственному ея чувству. И голосомъ тихимъ, съ видомъ сомнѣнія, нерѣшимости, какъ будто спараясь проникнуть въ то будущее, которое вдругъ совершенно измѣнилось для нее съ смертію ея супруга; но еще не имѣя никакой ясной мысли, и не позволяя себѣ останавливаться на той, которая одна противъ воли въ душѣ ея пробуждается, она говоритъ: Ciel! Это слово заключаетъ въ себѣ цѣлое положеніе. Произнеся его, Федра остается погруженною въ задумчивость — она мечтаетъ — въ душѣ ея стѣснилось множество смущенныхъ мыслей и чувствъ; но при словахъ Эноны

Votre flamme devient une flamme ordinaire!
она пробуждается — глаза ея блистаютъ, и зритель угадываетъ, что Энона встрѣшила то чувство, на которомъ Федра не смѣла остановиться. Она съ жадностію пріемлетъ и одобряетъ тѣ совѣты, которыя спрашивалась сама себѣ сдѣлать; она уже согласна остановиться жить, и жить для пользы сына — но это одинъ обманъ! нѣжностію матери украшаетъ она въ своихъ глазахъ виновную любовь къ Ипполиту: она останавливается жить для одного только Ипполита. Таковы чувства, которыя дѣвица *Жоржъ* прекрасно выразила нѣмою игрою своею въ IV и V сценахъ перваго Акта.

Этихъ замѣчаній довольно. Скажемъ вообще, что Федра во второй разъ была гораздо лучше представлена, нежели въ первой (здѣсь разумѣю одну дѣвицу *Жоржъ*); изступленіе ревности въ четвертомъ актѣ и слѣдующее за нимъ опчаяніе выражены были сильнѣе, чувство, съ какимъ сказано было стихъ (III актъ, сцена I):

Quoique Scythe et barbare, elle a pourtant aimé.
 привело зришелей въ восхищеніе: его произ-
 несла сама Федра, которая слишкомъ знаетъ,
 что такое страстная любовь, и которую жи-
 веть одною любовію. Замѣтимъ еще одно вы-
 раженіе. Федра, мучимая ревностію, говоритъ:

Ah! douleur non encore éprouvée!

A quel nouveau tourment je me suis réservée!

Tout ce que j'ai souffert, mes craintes, mes
 transports,

La fureur de mes feux, l'horreur de mes
 remords,

Et d'un refus cruel l'insupportable injure,
 N'était qu'un faible essai du tourment que
 j'endure.

Ils s'aiment! Par quel charme ont-ils trom-
 pé mes yeux!

Comment se sont-ils vus? depuis quand?
 dans quels lieux?

Tu le savais: pourquoi me laissais-tu séduire.

выраженіе: *tu le savais*, принадлежитъ къ шѣмъ
 немногимъ высокимъ (sublime) выраженіямъ
 чувства или мысли, которыя изумляютъ
 насъ въ великихъ Трагикахъ; его можно по-
 спавить на ряду съ *qu'il mourut* стараго Го-
 рація, съ *qui te l'a dit* Герміоны и съ *hee has
 no children* Макдуффа въ Шекспировомъ Макбе-
 тѣ. Федра говоритъ Энонѣ: *tu le savais!* а она
 сама, за нѣсколько часовъ, въ первый разъ ска-
 зала ей о любви своей — вопль сумашествіе ре-
 вности, вопль изступленіе страстной души,
 совершенно распроенной и все обвиняющей
 въ своемъ страданіи. Въ этомъ мѣстѣ игра
 дѣвицы *Жоржъ* была несравненна.

Теперь позволимъ себѣ замѣтить то, что
 кажется намъ недостаткомъ въ игрѣ этой
 Актрисы: она иногда излишно заботится о сво-

ей наружности: на примѣръ въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ незабываемъ она поправлять свое покрывало, волосы, порфиру; также замѣтно иногда, что она хочетъ пѣвничь глаза живописнымъ своимъ положеніемъ. Такая заботливость не усиливаетъ, а развѣ только ослабляетъ шо чувство, которое игру свою производитъ она въ сердцѣ зрителя: Федра, управляющая на себѣ порфиру, въ ту самую минушу, когда она забывшись, открываетъ спрассъ свою Ипполиту, сама выводитъ насъ изъ очарованія, и мы находимъ въ ней одну только Ахтрису. Дѣвица *Жоржъ*, кажется, немѣлѣвъ причины бѣжась, чтобы зрители, смотря на выразительное лице ея, могли не забыть о ея плащѣ: чемъ менѣе будетъ она думать о дѣйствіи на глаза, тѣмъ болѣе будетъ дѣйствовать на сердце.

Нѣкоторые изъ зрителей недовольны ея декламаціею: они называютъ ее *пѣвничь*. Не беремъ на себя рѣшить, справедливо ли они мыслятъ, но спрашиваемъ: можно ли читать стихи какъ прозу, и особливо стихи трагическіе? Языкъ Трагедіи, въ особенности Французской, совершенно отличенъ отъ того простаго языка, который употребляемъ въ обществѣ (онъ гораздо пышнѣе, украшеннѣе, ибо онъ стихотворный): такой необыкновенный языкъ не пребудетъ ли и выраженія необыкновеннаго? Декламація Грековъ, какъ извѣстно, весьма близко подходила къ пѣвничь, а языкъ Трагиковъ Греческихъ (по увѣренію знамоковъ Греческаго языка) несравненно простѣе, нежели языкъ Трагиковъ Французскихъ. Стихи шестистопные съ рифмами, съ цезурою слишкомъ ощущительною, были бы, еслили не ошибаюсь,

испорчены простою прозаическою декламациею; проспаша обыкновеннаго разговора не можетъ согласоваться съ пышноспію стихотворною: такое соединеніе не естественное; отъ него могло бы произойти одно только безобразіе,

Время не позволяетъ намъ ничего сказать о представленіи *Меропы*. Дѣвица *Жоржъ*, въ нѣкоторыхъ сценахъ, особливо въ той, гдѣ она говоритъ съ Эгистомъ, не зная, что онъ ея сынъ, и въ сценѣ, между ею, Эгистомъ и Полифонтомъ, была несравненна. Какъ истинная мать и какъ величественная Царица, упала къ ногамъ она убійцы Кресфонша, воскликнувъ:

Que vous faut-il de plus — Merope est a
vos pieds!

а въ ту минуту, когда молодой Герой осыпаетъ Полифонша упреками, на лицѣ ея изображались и ужасъ, производимый дерзостію Эгиста, котораго жизнь была въ рукахъ Тиранна, и гордое восхищеніе матери, плѣняющей себя неустрашимостію милаго сына. Въ первомъ Actѣ, естли не ошибаюсь, казалась она излишне *горестною*: такая преждевременная горестъ ослабила нѣсколько то дѣйствіе, которое могло бы имѣть на зрителя ея опчаяніе въ концѣ вшораго Actа, когда извѣщаютъ ее о мнимой смерти Эгиста. — Многіе изъ зрителей также замѣтили, что она и въ роли *прекрасной поселянки Катерины* была нѣсколько *Меропою*.

Заклучимъ: Мы опредѣляемъ превосходство Трагедіи по тому впечатлѣнію, которое она оставляетъ въ нашей душѣ; и это впечатлѣніе

шлбніе тогда только можетъ быть сильно, когда поражающъ насъ не однѣ оидблы въ красоты, но когда вся Трагедія — въ содержаніи, планѣ, слогѣ, характерохъ — имѣетъ надлежащее превосходство: тогда мѣлкія погрѣшности или остающія незамѣтными, или имѣющъ на насъ самое слабое дѣйствіе, не уменьшающее главнаго и общаго. То же самое можно сказать и объ игрѣ трагическаго Актера: естли выходимъ изъ театра съ душою разстроганною, и естли это впечатлѣніе столь сильно, что оно нѣсколько времени не оставляетъ насъ и посреди разсѣянія, или даже препятствуетъ ему предаваться, но мы имѣемъ право назвать Актера *превосходнымъ* — слѣдовательно имя Актрисы превосходной принадлежитъ дѣвицѣ *Жоржъ* по праву; но степени сего превосходства опредѣлишь не можемъ: она опредѣляется только по сравненію.

Ж.

Мы получили первые два листка *Сѣверной Почты*, или *Новой Санктпетербургской Газеты*. Въ ней содержатся *Извѣстія внутреннія*, *Извѣстія заграничныя* и *Смѣсь*. Изъ вѣдомости, приложенной при 1 мѣ номерѣ, о продажныхъ цѣнахъ на хлѣбъ въ торговоы дни по полученнымъ изъ Губернскихъ городовъ свѣдѣніямъ до 28 Октября, видно, что *куль ржаной муки* стоишъ: въ Томскѣ 2 р. 52 к.; въ Саратовѣ 3 р. 35 к.; въ Выборгѣ 19 р.; въ Минскѣ 15 р. 10 к.; въ Санктпетербургѣ и Пешрозаводскѣ 15 р.; *свса чет-верть*: въ Пензѣ 1 р. 35 к.; въ Воронежѣ и Симбирскѣ 160 к.; въ Выборгѣ 12 р.; въ Санктпетербургѣ 9 р. 25 к.; въ Пешрозавод-

скѣ 9 р. Здѣсь мы замѣтили самыя низкія и самыя высокія цѣны.

„На прошлой недѣлѣ сказали здѣсь — напечатано во 2 номерѣ Сѣверной Почты — что первыя три части Исторіи Россійской сочиненія Г. Карамзина, съ великимъ непрерывніемъ ожидаемой, уже въ Москвѣ вышли изъ печати; однакожь пріѣзжіе рывиуда привезли, къ сожалѣнію, совсѣмъ пропивныя сему вѣсти. Г. Карамзинъ, по словамъ ихъ, и недумаетъ Исторіи Россійской печатать прежде совершеннаго оной окончанія, которое, какъ вѣроятно, не такъ скоро можетъ послѣдовать. Желательно, чтобъ сіи вѣсти пріѣзжихъ къ удовольствію многихъ были несправедливы.“ Утвердительно сказать, можемъ, что поводомъ къ тому послужило объявленіе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о *Новомъ ядрѣ Россійской Исторіи*, въ трехъ частяхъ, сочиненія Г. Нехачина. Книгопродавецъ объявляя о подпискѣ на сію книгу, почелъ за нужное, для нѣкоторыхъ причинъ, сократить заглавіе, и назвалъ ее просто *Россійскою Исторіею*. Разумѣется, что сіе сдѣлано съ намѣреніемъ *услужить* иногороднымъ читателямъ.

Любителямъ отечественной Словесности конечно будетъ пріятно узнать о *Собраніи сочиненій и переводовъ Ипполита Богдановича*, издаваемомъ Г. Бекетовымъ. Первая часть напечатана въ Типографіи самаго Издателя, и содержитъ въ себѣ *Душеньку* съ Біографическимъ изъ стіемъ о Богдановичѣ, со стихами и надписями въ честь Сочинителя и съ *пережѣнами*, сдѣланными Авторомъ при второмъ и третьемъ изданіяхъ Душеньки. Г. Бекетовъ, принявъ на себя трудъ сличить

прежнія при изданія и замѣнить всѣ перемѣны, оказалъ немалое одолженіе пѣмъ чистателямъ, которые дорожатъ каждымъ словомъ знаменитаго стихотворца и любопытствуютъ знать, какимъ образомъ хорошіе писатели сами себя поправляютъ. Это будетъ въ нашей литературѣ новость, весьма полезная, достойная подражанія. Г. Издатель имѣетъ у себя много неизвѣстныхъ Публикъ сочиненій Богдановича, которые напечатаны будутъ въ семь же Собраніи. Мы должны упомянуть здѣсь, что первая часть украшена каршинкою, порфиромъ Сочинителя и виньетомъ хорошей работы. К.

Извѣстія о происшествіяхъ.

Вѣна, 18го Октября. Въ 14й день сего мѣсяца, по утру въ 9 часовъ, миръ между Франціею и Австріею подписанъ въ Шеннбруннѣ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ Графомъ Шампаньи и Княземъ Лихтенштейномъ. Князь Нершательскій объявилъ о томъ около полудня дневнымъ приказомъ, въ которомъ также предписывается, чтобы Маршалы возвѣстили корпусамъ своимъ о мирѣ пушечными выстрѣлами. Французскій Генералъ-Губернаторъ Австріи объявилъ о томъ Президенту Австрійскаго въ Вѣнѣ Правительства, прибавивъ, что онъ имѣетъ повелѣніе возвѣстить публикѣ о заключеніи мира сопнею пушечныхъ выстрѣдовъ, и что Президентъ съ своей стороны долженъ обнародовать о немъ чрезъ герольдовъ и объявленіями на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Сего дня Императоръ

Наполеонъ выѣхалъ изъ Шеннбрунна. Свита его состоитъ изъ Генераловъ Дюрока, Савари, Мютона, Раппа, Лебрюна, Дюроснеля и Нансути и проч. — Не въ числѣ несчастныхъ слѣдствій окончившейся войны должна считаться Вѣна срытіе укрѣпленій своихъ, которое вчера начато. Она чрезъ то не только предохранена будетъ отъ опасности сдѣлаться другою Сарагоссою, но еще получитъ важнѣйшія выгоды, а именно украшеніе для города, здоровье и удобство для жителей. Вѣна, будучи столичнымъ городомъ, хотѣла бытъ въ то же время и крѣпостью, и тѣмъ не походила ни на одинъ столичный городъ. Тщепно Іосифъ старался побѣдить сей предразсудокъ. Нынѣ мы надѣемся, что городъ съ предмѣстіями гораздо лучше соединенъ будетъ многими новыми улицами, и что первой получитъ удобность наслаждаться свѣжимъ воздухомъ со всѣхъ сторонъ вѣющимъ. Когда засыпанные рвы, подобно Лейпцигскимъ, превратятся въ сады Англійскіе, а улицы къ предмѣстіямъ будутъ вымощены; тогда окажутся не только полезныя, но и пріятныя слѣдствія сего событія. Наши побѣдители начинаютъ разставаться съ нами. Корпусъ *безсмертныхъ* выступилъ 15 числа по утру.

Минхенъ, 22 Октября. Сего дня по утру въ 8 часу Е. В. Императоръ Наполеонъ выѣхалъ изъ Нимфенбурга, пробывши въ немъ около сутокъ. Въ минувшую ночь прискакалъ курьеръ изъ Вѣны въ Нимфенбургъ съ ратификаціею мирнаго договора. —

Парижъ, 24 Октября. Послѣ завтра ожидать будутъ Е. В. Императора Наполеона въ С. Клу или въ Фоншенбло. Здѣсь собрано

около 40,000 человекъ войска. По прибытіи Императора они пойдуть въ Испанію.

Штутгардъ, 23 Октября. Генераль Козерицъ пишетъ изъ Брегенца, что Французскій Генераль Вофреландъ издалъ объявленіе о намѣреніи Тиролецъ покориться.

Изъ Саксоніи, отъ 27 го Октября. Главныя условія договора, заключеннаго въ Шеннбруннѣ 14 Октября, по полученнымъ здѣсь извѣстіямъ, суть слѣдующія: Австрія уступаетъ восточную Галицію и часть западной Галиціи; прибрежную страну, Триестъ и Фіумъ; часть Кроаціи, Сальцбургъ и Берхтोलсгаденъ; верхнюю Австрію до Еффердингена. Сверхъ того платитъ она 95 милліоновъ гульденовъ чистыми деньгами, за исключеніемъ 11 милліоновъ, коихъ стоятъ разныя выданныя вещи.

Лондонъ, 11 Октября (черезъ Францію). Въ прошломъ мѣсяцѣ Англійское войско въ Португалліи и Испаніи состояло не болѣе какъ изъ 20,000 человекъ дѣйствительно служащихъ. Отъ присоединенія къ нему выздоравливающихъ людей и вновь приходящихъ отрядовъ, оно въ прочемъ можетъ увеличиться до 25 000. Въ войскѣ Генерала Кусты, которое сначала состояло изъ 38,000, нынѣ считается почти до 20,000. Другіе корпусы, какъ то Генерала Блака и проч., также не многочисленны. Напротивъ того Французы въ Арагоніи и Капалоніи имѣютъ 100,000 человекъ, не включая въ сіе число гарнизоновъ. Подъ начальствомъ Маршаловъ Сульта и Мортье находилось 30,000 человекъ между Телаверою и Плаценціею; 25,000 подъ начальствомъ Маршала Виктора стояло противъ Венегаса, и 10,000 съ Маршаломъ Неемъ въ Саламанкѣ.

Къ тому прибавить еще надобно гарнизоны въ Мадридъ и Толедо.

~~~~~

У в ѣ д о м л е н і я.

Присланныя деньги отъ неизвѣстныхъ благошорительныхъ Особъ, при письмахъ изъ Тулы 150 рублей и изъ Перекопа 25 р., текущаго Ноября 12 го числа по назначенію ихъ отправлены куда слѣдовало, а именно: въ *Бирючь* къ Священнику Г. И. Подову для бѣдныхъ сиротъ Діакона 75 р.; въ Ростовъ, что на Дону, къ П. Н. Тешюпину для вдовы Генераль-Майора Ф — Д — В. 50 р.; въ Тамбовъ къ М. А. Чулкову для бѣдной слѣпой Майорши 50 р.

~~~~~

Г-на Сочинителя *Несчастныхъ любовниковъ*, приславшаго возраженіе на крипику, помѣщенную въ *Цвѣтникъ*, С. Петербургскомъ журналѣ, Издатели увѣдомляютъ, что они предположили печатать въ *Вѣстникѣ* Европы такія сочиненія, которыя пишущся для всей Публики, а не по однимъ только личнымъ отношеніямъ.

16 Ноября.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ XXIII. Д Е К А Б Р Ъ 1809.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

*Отставленный Министръ и нищій
съ деревянною ногою.*

(П о в ѣ с т ь .)

Я былъ первымъ Министромъ — званіе блестящее, но по справедливости, болѣе приличное Государю, нежели подданному. Государь единою властію своею, передъ которою ничтожны всѣ интриги придворныхъ, единымъ своимъ могуществомъ, которому всѣ препоны, ограничивающія требованія, укореняющія права, предупреждающія зло и дѣлающія добро — какой первый Министръ имѣлъ или можетъ имѣть подобныя преимущества? За то, много ли начнемъ и такихъ Государей, которые, царствуя сами, не имѣли бы нужды въ первыхъ Министрахъ, или по крайней мѣрѣ были бы довольно тверды жа-

раншеромъ, чшоббъ поселить въ другихъ уваженіе въ шѣмъ людямъ, которыхъ они удоспоили своего выбора?

Я былъ увѣренъ — когда меня сдѣлали Миниспромъ — что общее мнѣніе согласовалось съ выборомъ моего Государя. Все поворсшвовало моею силъ, и эту покорность почиталъ я знакомъ всеобщаго уваженія. Я наслаждался всѣмъ, что можешъ пишать суешность, гордость, любочеспіе, корысполюбіе въ шаномъ человекѣ, которыи не имѣлбы, подобно мнѣ, ни знашности, ни связей, ни богатсшва: но вдругъ придворная интрига, *тайная, хитро сплетенная клевета* сбросила меня съ вышины моего щасшя; Король, безъ всякаго чувсшва благодарности, не разсмотрѣвъ истинны, не сдѣлавъ со мною никакихъ объясненій, лишилъ меня всѣхъ должностей и чиновъ, приказалъ мнѣ оставить Дворъ, и жить безвыѣздно въ одной изъ моихъ деревень, по близости отъ столицы. Я видѣлъ намѣренія моихъ непріятелей: они не хотѣли, чшобы я совершенно удалялся отъ театра мимувшей моей славы; они надѣялись сдѣлать меня свидѣтелемъ своего шоржесшва и, такъ сказать, озарять блиспаніемъ новой своей форшувы шу мрачность, въ которую низринуло меня ихъ коварсшво.

Переворотъ моей судьбы — надобно признашся — причинилъ мнѣ сильную горестъ: я началъ строго разсматривать свои поступки, желая узнать, отъ чего постигло меня такое несчастіе; но я находилъ себя — какъ и всѣ Государственныя люди, подверженные измѣненіямъ форшуну — со всѣхъ сторонъ невиннымъ и доспойнымъ лучшаго жребія; я упрекалъ Короля неблагодарностію; удивлялся, что мое паденіе не потрясло его трона, и нѣсколько времени ожидалъ, что нація, мнѣ обязанная своимъ благоденствіемъ и блескомъ, придетъ въ волненіе и вступитъ за мою славу — напрасная надежда! меня забыли, въ одну минушу, и родня и знакомые, и самые шѣ люди, копорые мнѣ одному обизаны были своимъ щастіемъ.

Такое всеобщее забвеніе, такая всеобщая неблагодарность произвели въ сердцѣ моемъ сильное негодованіе: я впалъ въ меланхолію и занемогъ. Посылаю за городскимъ своимъ Докшоромъ — онъ опказываешся меня лѣчить; ибо онъ пользовалъ въ то время моего преемника, копорый и въ этомъ случаѣ одержалъ надо мною верхъ. Призываю своего деревенскаго Лѣкаря: онъ явился — добрый, проспой человекъ, копорый не показывалъ ни излишняго ко мнѣ равнодушія, ни из-

Н я

лишней готовности къ моимъ услугамъ. Онъ скоро замѣшилъ, что я спрaдалъ болѣе сердцемъ, нежели тѣломъ, и началъ лѣчить меня согласно съ своимъ замѣчаніемъ; не много найдемъ такихъ Меди-ковъ, которые, подобно ему, умѣли бы прописывать рецепты для болѣзней душев-ныхъ; признаюсь, я и самъ не надвѣлся, въ своемъ положеніи, найти нѣжнаго утѣ-шителя, прогашельную и оспорожную дружбу, мудрость глубокую и даже прі-ятную, и наконецъ дарованія, которыя могли бы очаровать самое блестящее об-щество, въ деревенскомъ Лѣкарѣ, никому неизвѣстномъ, ибо я никогда ничего по-добнаго не находилъ въ Лѣкаряхъ спо-личныхъ, споль гордыхъ своею ученостію и практикою: причина тому та, что мой добрый Вильсъ (имя его) отправлялъ свое ремесло изъ одной любви къ чело-вѣчеству — а господа споличные Медики по-чищаютъ своихъ больныхъ одними споль-ко способами мажешь деньги, съ которы-ми послѣ весьма не трудно пріобрѣсть и славу. Какъ не вѣришь спому Эскулапу, ко-торый скачешъ къ вамъ на дворъ въ прекра-сной новомодной карешѣ, и котораго выни-маешъ изъ нее лакей, одѣтый въ богашую ливрѣю? И напрошивъ, какую можно имѣшь довѣренность къ такому чудачу, который ходишь пѣшкомъ, и весьма часто загляды-

ваешь въ темную хижину, гдѣ спраждаетъ покинутой сирота, или бѣднякъ, разбиравшій парализемъ, копорому онъ вмѣстѣ съ своими лѣкарствами даетъ иногда и свои деньги! Мой Вильсъ, въ то время, когда я былъ Министромъ, имѣлъ выгодное мѣсто; но оно, по новому изданному мною уставу, было упразднено и его опрѣшили отъ должности безъ всякаго вознагражденія. Сожалѣю очень, говорилъ я ему, что вамъ оказана была такая несправедливосшь. „Вы не имѣете причины обѣ этомъ сожалѣшь, опрѣчалъ онъ мнѣ съ большимъ равнодушїемъ; сельскїе Священники не оставляли меня безъ дѣла: они отдавали на мои руки всѣхъ бѣдныхъ больныхъ своего прихода.“

Таковъ человекъ, съ которымъ я встрѣтился по случаю: дружба его несравненно болѣе украсила мою жизнь, нежели то величїе, котораго ушраша едва не привела меня ко гробу. Этотъ человекъ былъ бы такъ же не у мѣста въ столицѣ, какъ и первый Министръ въ деревнѣ: но, соединившись, мы скоро замѣтили — онъ, что блескъ высокаго сана причиняетъ какое-то ослѣпленїе, которое прекращается въ сумракѣ уединенной жизни; а я, что очень часто, во мракѣ неизвѣстности, скрывающся отъ очей Государя такїе люди, которые про-

славили бы его царсвожаніе гораздо болѣе, нежели празднлюбцы и льстецы, своими хитроспями уловляющіе его награды.

Сердце мое наслаждалось довѣренностью къ благородному Вильсу: разговоры мудреца были дѣйствительнѣе, нежели реченія Медина. Онъ скоро заставилъ меня забыть о потерѣ форшуны, прильпивши душу мою къ святымъ обязанностямъ сына, отца, супруга, благошворителя. Благодаря ему, познакомился я съ новыми удовольствіями: ибо онъ возвратилъ меня самому себѣ и человечеству, отъ котораго сполно времени я опдаленъ былъ совершенно — странное дѣйствіе того обманчиваго очарованія, которое окружаетъ людей Государственныхъ.

Я началъ выздоравливать. Однажды, послѣ прогулки въ паркѣ, вышелъ я на большую дорожку — вижу нищаго — всмаприваюсь въ его лице — оно показалось мнѣ знакомымъ; и въ самомъ дѣлѣ этакъ нищій былъ сирота, котораго за нѣсколько лѣтъ представляли мнѣ въ этой же самой деревнѣ. Тогда онъ былъ еще ребенокъ: его называли добрымъ, но укоряли въ нерадѣніи какъ о самомъ себѣ, шавъ и о своей должности. Когда заставляли его работать, то вся дѣятель-

ность его ограничивалась почнымъ исполненіемъ предписаннаго, есльи только онъ чувствовалъ себя въ силахъ его исполнить; въ противномъ случаѣ, никакія угрозы, никакія обѣщанія наградъ не могли возбудишь въ немъ желанія прудишься: слѣдствіемъ такой врожденной безопасности было то, что онъ всегда оспавался доволенъ малымъ и самымъ необходимымъ.

Я увидѣлъ его, одѣшаго въ мапросское плаще, съ деревяною ногою, безъ лѣвой руки, просящаго милосшыю на большой дорогѣ. Вѣрояшно, что я бы его незамѣпилъ, когда бы еще былъ первымъ Миниспромъ: голова перваго Миниспра во всякое время наполнена великими идеями или обширными планами; но послѣ шого переворота, копорымъ я былъ обязанъ моему Доктору Вильсу, я чувствовалъ въ себѣ сильное желаніе сказать этому бѣдняку нѣсколько словъ. Какой великій наспавникъ несчастіе! великій и добрый для шѣхъ, которые умѣютъ пользоваться его уроками. Я любопыщенъ былъ узнать, какою судьбою эшотъ старинный мой знакомецъ доведенъ былъ до шакого плачевнаго состоянія — подхожу къ нему — не сказываю, кто я шаковъ — обѣщаюсь ему помочь, и шребую, чнабы онъ рассказалъ мнѣ свою

исторію. Онъ согласился и началъ говорить слѣдующее :

Я родился въ здѣшней округѣ; отецъ мой, бывши нѣсколько времени въ услуженіи сельскаго опкущика, умеръ, и я остался пяти лѣтъ. Матери своей не зналъ я никогда. Бѣднаго сироту отдали въ деревенскій сиротскій домъ; по нещастію, отецъ мой не любилъ долго уживаться на одномъ мѣстѣ, почему и не былъ причисленъ ни къ какому приходу; и благодѣтельные мои прихожане, разсудивъ можешь быть, что я не имѣю никакого права на ихъ призрѣніе, и что я, такъ же какъ и покойный отецъ мой, не могу принадлежать ни къ какому приходу, выключили меня изъ своего сиротскаго дома и перемѣстили въ другой — изъ этого перевели меня въ прещій — отсюда я выброшенъ въ четвертый, гдѣ былъ и остался, по милости добрыхъ людей, которые, какъ видно, всякаго сироту почитали своимъ прихожаниномъ. Я имѣлъ нѣкоторыя способности, но, правду сказать, совсемъ не любилъ учиться: мнѣ бы хотѣлось выучиться вдругъ и читать и писать и Арифметику; но такъ какъ это дѣло невозможное, то я, возненавидя букварь и аспидную доску, принялся за кузнечное ремесло, которое казалось мнѣ менѣе шруднымъ: мнѣ дали въ руки молотокъ,

и я цѣлыя десятыя лѣты спучалъ имъ по наковальнѣ въ кузницѣ. Меня кормили очень хорошо: хозяинъ мой былъ добрый человекъ — небогатый, а пошому и жалосливый — словомъ сказать, я былъ щасливъ, ни мало эшого не подозрѣвая; по мое щастіе кончилось съ жизнію добраго моего хозяина; онъ умеръ, оставивъ меня съ горькою заботою доспавашъ, какъ умбю, насущный хлѣбъ.

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому доброму человеку, я сдѣлался, нечувствительно, и можно сказать, по неволѣ, хорошимъ ремесленникомъ; но эшого еще недоспапочно для того, чщобы имѣть пропитаніе: талантъ, и большой и малый, не можетъ питаться одною похвалою или славою. Главная обязанность моя покойнику состояла въ томъ, что онъ увѣрилъ меня въ необходимости прудолюбія. Оуправляюсь въ пущь, чщобъ найти себѣ дѣло и мѣсто; работаю, когда есть работа; сижу безъ хлѣба, когда ее нѣтъ. Однажды, мунимый голодомъ (ибо я поспился уже болѣе двухъ дней), шелъ я черезъ поле, принадлежавшее сельскому судѣ: на мое несчастіе выбѣги заяцъ, а лунавый бѣсѣ шепни мнѣ на ухо: *убей его себѣ на обѣдъ!* Напрасно ошпорожность кричала мнѣ на другое: *не прогай! будешь плакать.* Тошій желудокъ глухъ, писано въ книгахъ;

я бросилъ палкою въ зайца, убилъ его на повалѣ, и побѣжалъ съ поля, держа добычу свою подъ полою — но вошъ несчастіе! мнѣ попался на встрѣчу самъ сельской судья, владѣтель поля; я ошоробѣлъ; заячьи уши вышавились какъ нарочно изъ-подъ полы моей: меня схватили, какъ вора и жищника чужой дичины, и начали дѣлать мнѣ строгій допросъ о моемъ состояніи, образѣ жизни, семействѣ и прочее и прочее. Сколько найдемъ такихъ храбрыхъ людей, которые смѣло воюють съ зайцами, и дрожатъ, какъ осинový листъ, при взглядѣ на полицейскаго солдата! Я стоялъ на колѣняхъ и описывалъ на всѣ вопросы очень искренно, какъ будто на исповѣди, но судья не имѣлъ причины въришь такому человеку, который не имѣлъ приспанища, и въ добавокъ укралъ у него зайца: ни слезы, ни прозбы мои не подѣйствовали; меня представили въ судъ; юстиція, догадавшись, что я пресупникъ (и въ самомъ дѣлѣ пресупленіе! бышь бѣднымъ и умирашь съ голоду!), приговорила сослать меня въ Американскія колоніи. Такимъ образомъ отправился я въ Лондонъ, гдѣ поселился въ *Невгальт* до первого благопріятнаго случая отправиться въ Новый свѣтъ.

Есть люди, которые невыгодно описываются о шюрмахъ; я удивляюсь

этимъ людямъ. Я нигдѣ не жилъ такъ весело, какъ въ Невгапѣ: въ шюрмѣ, сназашь правду, и ѡшь и пьешь очень умѣренно; за то не заботься о доспавленіи себѣ насущнаго хлѣба; лѣнись, сколько угодно. Такая жизнь была для меня слишкомъ пріятна; почему и не могла продолжиться. По прошествіи шестии мѣсяцовъ, меня посадили на корабль съ двумя или тремя спашами шоварицей, которые, такъ же какъ и я, должны были образовашь себя нѣсколько путешествіемъ въ Новый свѣтъ. Болѣе полупора спа изъ нихъ умерли дорогою: можешь бышь отъ того, что всѣхъ насъ очень плохо закупорили въ шюрмѣ, гдѣ было намъ такъ же протпорно, какъ сельдямъ въ боченкѣ. Оспальные, въ томъ числѣ и я, добхали, какъ было угодно Богу. Насъ высадили на берегъ и потчасъ роздали по планшажамъ. Образованію моему надлежало продолжашься ровно семь лѣтъ.

По прошествіи этого срока мнѣ возвращали свободу: въ сердцѣ моемъ воскресла любовь къ опечеству; я началъ работашь, чтобы скопить нѣсколько денегъ, нужныхъ для переѣзда въ Европу. Вотъ я опяшь на морѣ — путешествіе наше оканчивается благополучно — выхожу на берегъ *Англіи* — вижу опяшь вою милую родину — будучи одинъ разъ пойманъ, какъ бродяга, и

разсудивъ, что такое счастье легко могло постигнуть меня и въ другой разъ, я предпочелъ городскую жизнь деревенской. Въ городъ (такъ думалъ я) меня не увидятъ; тамъ менѣе любопытныхъ. Опять принялся я за работу; дѣла мои шли такъ порядочно, что очень рѣдко случалось мнѣ пообѣдать менѣе пяти разъ въ недѣлю. Я былъ доволенъ своею участью — вдругъ все переѣнилось, и вотъ какимъ образомъ; однажды, около вечера, шелъ я по улицѣ: откуда-ни взялись два мошенника, хватая меня за воротъ и шацая къ полицейскому Офицеру — я не имѣлъ денегъ, не могъ представить за себя порукъ, и мнѣ предложили на выборъ, служить Его Британскому Величеству или въ сухопутной арміи, или во флотѣ. Не знаю, что бы вы предпочли на моемъ мѣстѣ; но я выбралъ флотъ, можетъ быть потому, что уже былъ нѣсколько знакомъ съ моремъ. Ремесло мажорса показалось мнѣ благороднѣе солдатскаго; сверхъ того, будучи наказанъ по строгости законовъ за то, что я убилъ зайца, я находилъ забавнымъ убивать людей, не опасаясь никакого наказанія отъ правосудія. Я сдѣлалъ двѣ кампаніи во Фландріи; на сраженіи при Фоншенуа ранили меня пулею въ грудь: это бездѣлица, говорилъ полковой Лѣкарь, кошорый, вырѣзывая изъ груди моей

ей пулю, божился, что я буду живъ и здоровъ по прежнему — такъ и случилось.

Заклучили миръ, а мнѣ дали опшавку; но я ее не требовалъ, попому что рана моя, не совсѣмъ еще изцѣленная, лишала меня средства работать, и шѣмъ доставать пропитаніе. Одинъ Капитанъ корабля, находившійся въ службѣ Ост-Индской компаніи, и знавшій, что я опличился на нѣсколькихъ сраженіяхъ противъ Французовъ, предложилъ мнѣ перейти къ нему: я того и желалъ. Опять записываюсь, безъ всякихъ условій, въ мапросы. Капитанъ меня полюбилъ: еспли бы я умѣлъ читать, писалъ и Ариѣмешикъ, шо онъ непременно произвелъ бы меня въ капралы; но судьба, по видимому, не хотѣла, чтобы я возвысился, ибо она опказала мнѣ какъ въ швердоспи и поспояншвѣ харакіера, безъ которыхъ не лзя ни чему научиться, такъ и въ способности находить покровителей, которыхъ защита по большей части замѣняетъ и личные достоинства и свѣденія. Трудности путешествія и климатъ до того расширили мое здоровье, что я совершенно сдѣлался неспособенъ къ службѣ; наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, опправляюсь изъ Мадраса въ Англію, имѣя около пятидесяти фунтовъ шерлинговъ въ карманѣ.

Во время путешествія мое здоровье совершенно исправилось. Я неперывливо желалъ скорѣ сойти на берегъ, чтобы воспользоваться небольшою своею фортуною, которую не имѣлъ намбренія беречь для своихъ наслѣдниковъ. Но въ это время начиналась война: Правительство имѣло нужду въ мапрсахъ. Меня перевели на другой корабль; такимъ образомъ я не имѣлъ времени и поглядѣть на милые берега Англїи.

Шкиперъ, человекъ грубой и вспыльчивой, никакъ не хотѣлъ вѣришь, чтобы я имѣлъ разспроенное здоровье: онъ думалъ, что я онъ лвноспи называю себя безсильнымъ; и разсудилъ съ помощію палокъ обратишь меня въ Геркулеса. Но его заклинанїя были не совсѣмъ дѣйствительны: я никогда не имѣлъ способности къ морской службѣ, за то и били меня какъ невозможно лучше и чаще: такимъ образомъ всѣ дѣла шли порядкомъ. Я не печалился, ибо мнѣ давали хорошее жалованье, почему я и неимѣлъ нужды принасахъ къ моему напипалу, къ моимъ любезнымъ пятидесяти фунтамъ сперлинговъ; помышленіе объ нихъ служило мнѣ вмѣсто цѣлительнаго бальзама: я очень любилъ ихъ разсмапривашъ, считахъ, чистихъ, и иногда цѣловашъ; но и эшого щасція захошѣла меня

лишишь непрѣзменная судьба: наше судно вспрѣпилось съ Французскимъ кораблемъ: меня избавили отъ Шкиперовыхъ палокъ, но въ то же время лишили и милыхъ пятидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Экипажъ отведенъ былъ въ Брестъ: Многіе изъ поварихъ моихъ померли, я думаю отъ того, что имъ показалось скучно въ шюрмъ; а я, съ вѣкопориами оспался живъ, пошому вѣрояшно, что давно уже былъ привыченъ къ шюремной жизни. Но я оспавилъ шюрму гораздо прежде, нежели думалъ; вошъ какъ это случилось: Однажды ночью — я спалъ глубокимъ сномъ, завернувшись въ тепное одѣяло (спать въ шеплѣ почипалъ я всегда однимъ изъ лучшихъ удовольствій въ жизни) — приходишь ко мнѣ мой добрый Шкиперъ, съ пошпеннымъ фонаремъ въ рукахъ, и за нимъ десяпка при нашихъ машросовъ — онъ будишь меня — вскакиваю, прошираю глаза — мнѣ говоряшь: *Джонъ! помоги намъ перестрѣлять часовыхъ!* — Гоповъ! опвѣчаю съ просовья, эти люди опняли у меня мои деньги: я радъ съ ними перевѣдаться. — *Идижь за нами, шепнулъ Шкиперъ; надѣюсь, что намъ удастся!* — Сказано, сдѣлано — мы уже въ походѣ!

Приближаемся къ дверямъ, связываемъ часовыхъ, угрожая имъ смершію, ешь-

ли они крикнуть: вбѣгаемъ въ караульную — и прямо къ ружьямъ — караульные вскакиваютъ: ихъ было двадцать, а насъ только шесть, не смотря на то, мы одержали верхъ. Бѣжимъ опрощею къ берегу, бросаемся въ первую попавшуюся намъ шлюпку — опчаливаемъ — и вотъ уже мы въ открытомъ морѣ. Наше плаваніе продолжалось болѣе трехъ дней, запасъ начиналъ изощаться; но Богъ послалъ намъ на встрѣчу Англійскаго капера Поллукса — мы привяшы съ восклицаніями; намъ предлагаютъ оспаться на корабль, и мы, какъ сумасшедшіе, соглашаемся на это предложеніе. На другой день встрѣчаемся съ нами Французскій каперъ *Паллада* съ двенадцатью пушками, хотя онъ былъ двенадцати четьрехъ-пушечный; у насъ всего на все было только осмнадцать пушекъ; мы дрались, какъ опчаянные; *Паллада* непременно была бы нашею добычею, когда бы не вздумалось ей сдѣлать насъ своею. Въ этомъ сраженіи потерялъ я одну руку и еще одну ногу: кровь бѣжала изъ меня ручьями. Начальникъ капера былъ чловѣкъ великодушный. Онъ далъ намъ своего Лѣкаря (потому что нашъ былъ убитъ), и эптоу добрый чловѣкъ очень искусно возвратилъ мнѣ одну только жизнь.

Таки́мъ образомъ я опять во власти Французовъ — и вы согласишесь, что послѣ шѣхъ церемоній, съ какими, за мѣсяцъ передъ шѣмъ, я выѣхалъ изъ Бреста, мнѣ очень позволено было не желать въ него возвратиться: а наша побѣдишья Паллада плыла прямою дорогою въ Брестъ. Сказать правду, мнѣ оставалось шерять весьма немного; но ешьяли безружій, подагривъ, разбишый параличѣмъ, весьма не охотно отшяютъ отъ жизни, по для чего же было и мнѣ, у кошораго, по милосши Божіей, оставалась еще одна цѣлая нога и одна цѣлая рука, не желать пожить на свѣтѣ? Добрый Геній избавилъ насъ отъ опасности, намъ угрожавшья: Паллада, въ свою очередь, вспрѣшилась съ Альфредомъ, другимъ Англійскимъ наперомъ — насъ отбили — и я опять въ Англіи.

Теперь, благодаря моеи деревяжѣ, не опасаясь, чтобы опять записали меня въ военную службу; но вопѣ нещастіе: на меня очень часто нападаетъ голодъ; онъ хочешъ опияшъ у меня и послѣдніе остатшки шой жизни, съ кошорою прошель я сквозь огонь и воду. Не смотря однако на горькую необходимость, кошора причуждаетъ меня ковылагъ безъ ноги по большимъ дорогамъ, и выдранцивать про-

нищаніе ошѣ жалоспливаго сердца проходящихъ, копорые, надобно признашья, бывають не рѣдко такъ же бѣдны сосраданіемъ, какъ я гинейми, грѣхъ пожаловашья на судьбу! я здоровъ, веселъ, люблю свое опечество — чегожь мнѣ болѣе? Да здравствуетъ свобода и Англія!

Онѣ бросилъ шляпу вверхъ и хотѣлъ удалиться, но я его удержалъ; его веселость и спокойствіе духа удивляли меня и прогали; я счелъ за должность облегчить его жребій. Другъ мой! сказалъ я ему, ты встрѣшилъ шеперь съ человекѣмъ, богатымъ и сосраданіемъ и гинейми. Я Господинъ швоей деревни, и не хочу имѣть нищихъ въ своемъ владѣніи. Приходи завтра поушру въ мой замокъ: я постараюсь дать тебѣ способъ поправишь свое соспояніе.

Онѣ поцѣловалъ мою руку, опять бросилъ шляпу вверхъ, воскликнулъ: *да здравствуетъ свобода, добрые люди и Англія!* и удалился. Я долго слѣдовалъ за нимъ глазами. Эпошѣ человекѣ показался мнѣ живымъ урокомъ, копорымъ Провидѣніе хотѣло просвѣпить мою душу. Чего лишила меня судьба? подумалъ я, емошря на свой замокъ. Мечпашельнаго блага, копорому въ одномъ только ослаб-

плении своемъ я могъ полагать высокую цѣну — и горѣшь едва не оправила моего сердца. А эпитъ чловѣкъ почти ежедневно встрѣчаешь несчастія истинныя, но онъ не жалуется на Небо; напрошивъ подумаешь, что онъ благодаритъ Провидѣнїе за то, что Оно не сдѣлало его еще гораздо несчастнѣе. Кто же изъ насъ двоихъ ближе къ мудрости? Не спѣшно ли мнѣ уступать этому бѣдняку въ швердосши духа? Опныяъ онъ будешь моимъ примѣромъ!

Знапные люди видящъ и понимающъ однихъ только знапныхъ: и мнѣ самому надлежало унизипись, чшобы найши и разпознать чловѣка. Люди низкїе, напрошивъ, излишно забываютъ, что они люди, и именуютъ высшихъ людей какими-то неприсшупными божествами, онѣ копорыхъ не смѣютъ ожидать ни благошворительности, ни учасшїя въ ихъ бѣдспвенномъ жребїи. Когда бы и шѣ и другїе могли привести это мнѣнїе въ насшощую его мѣру; когда бы они шѣсѣе могли между собою сообщаться: то я увѣренъ, что изъ сего соединенїя произошла бы ощушительная польза для шѣхъ и для другихъ: низкїе, короче знаемые, и слѣдовательно цѣннмые выше, всегда находили бы засшупниковъ высшихъ; а ихъ образъ жизни и чувшшванїя для знапныхъ

конечно наславипельнѣе многихъ уроковъ Эпикшета или Сенеки. Но тѣ и другіе не имѣютъ между собою никакой связи: это есть слѣдствіе обоюднаго ихъ ослѣпленія.

Но, благодаря Доктору Вальсу и ницему съ деревянною ногою, ослѣпленіе мое миновалось. Я разположилъ оспашокъ жизни своей по тѣмъ благодѣтельнымъ правиламъ, копорыми они меня просвѣтили. Я осмошрѣлъ всѣ свои земли, началъ входить въ обшояшельства моихъ поселянъ, поддерживаешь промышленность, занимаешь праздныхъ; далъ бѣднымъ спаринамъ вѣрное убѣжище, а молодыхъ велѣлъ воспитывать сошвѣшственню ихъ назначенію и сосшоянію ихъ родителей.

Мой хромоногій знакомецъ жежился, былъ щасливъ въ своемъ семействѣ, а дѣши его сдѣлались хорошими ремесленниками и добрыми гражданами: ибо они обезпечены были опъ недоспапка въ главныхъ пошребмосняхъ жизни.

А я узналъ на опытѣ, что можно бышь весьма полезнымъ своему отечеству, дѣлая добро въ неизвѣстности, и что въ ограниченномъ сосшояніи, копорое приближаетъ насъ къ челошчеству, едвали не болѣе способно дѣлать добро,

нежели на нѣй высокой степени, которая
ощдбляетъ насъ отъ намъ подобныхъ.

(Съ Французскаго.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*На смерть Елисаветы Васильевны
Херасковой.*

Давноль стояли мы предъ урною Поэта
Съ печальной данью горькихъ слезъ?
Подруга дней его! любимица Небесъ!
И ты сокрылася отъ свѣта! . . .

Два гроба видимъ предъ собой:
Здѣсь Музы сбпуютъ, тамъ Граціи спенаютъ;
Любимцевъ въ памяти слезами сѣдиняютъ,
Какъ въ жизни, склонноспью свяшой.

И руку черезъ нихъ другъ другу подавали
Богини мирныхъ олшарей;
Рукой злашихъ искусствъ взаимно ихъ вбичали
Въ союзъ благодатныхъ дней.

Когда наперсникъ Музъ пблъ гимны въ па-
мять міру,
Предъ громкой славою своей:
Подруга у него брала злашую лиру
Сама играшь любовь на ней.

Гдѣжь умѣ Херасковой, любезность, дарованье?

Увы! предѣ нами пѣнь и прахъ!

Прекрасныхъ дней ея оспалось воспоминанье

Въ однѣхъ чувствительныхъ душахъ.

Владимиръ Измайловъ.

Тибуллова Елегія.

III я изъ III й книги.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,
Напрасно еиміамъ курилъ предѣ олшарями,
Все щещно... Деліи еще съ Тибулломъ мѣшъ.

Везсмертны! слышали вы скромный мой обѣтъ!

Молилъ-ли васъ когда о почестяхъ и злшъ?

Желалъ ли обиташъ во мраморной палатѣ?

Къ чему мнѣ пажией обширная земля,

Злшыми класами вѣнчанныя поля,

И спадо кобылицъ, рабами охраненно?

О бѣдности молилъ съ тобою раздѣленной!

Молилъ, чшобъ смерть меня заспала при тебѣ,

Хопъ нища — но съ тобой!... Къ чему же

лашь себѣ

Богатства Азіи, или воловъ дебелыхъ?

Уже ли бѣдѣ мы дней сочтемъ веселыхъ

Подъ крышею золопой, гдѣ дивный рядъ

столбовъ

Изсѣченъ хипросшю наемныхъ пришлецовъ;

Гдѣ все одинъ порфиръ Тенара и Кариста,

Помосты мраморны и урны злша чиста;

Сады пространные, гдѣ силою шрудовъ

Легла священна пѣнь опѣ кедровыхъ лѣсовъ?

Къ чему Эришрскія жемчужины безцѣнны,

И волны Тирскія, багрянцемъ напоенны?
Въ богатствѣхъ ль счастье? Въ немъ призракъ,
мщешный видъ!
Мудрецъ отъ Ларь своихъ за златомъ не
бѣжитъ,
Колѣнъ предъ Случаемъ во вѣкъ не преклоняешь
И въ жизни своей Фортуну ожидаешь!

И бѣдность, Делія, мнѣ дорога съ побой!
Топъ кровъ соломенной чпу крышей золотой,
Топъ кровъ, гдѣ соединенъ души моей съ душою,
Стократъ благословенъ! ... Но ели предо
мною
Безсмертные вѣсозъ судьбы не преклоняютъ:
Утѣшилъ ли тогда Тибулла пышный градъ?
Ахъ! нѣтъ — и золото, что кашитъ дно Пак-
пола,
Игромской славы шумъ; и самый блескъ пре-
стола,
Безъ Деліи ничто — а съ ней и куца храмъ!
Безвѣстность, нищета, завидны небесамъ!

О дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты, любви мать! — Когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ, пропивно вращено,
И Деліей владыть Тибуллу не дано —
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блажа топкя и воды Ахерона
Широкой цѣпью вокругъ ада облежатъ,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны шѣни
спятъ.

К.

II. НАУКИ И ИСКУССТВА.

М Е Д И Ц И Н А.

О спростяхъ, разсматриваемыхъ въ качествѣ причинъ и признаковъ сумасшествія и способовъ врачевать оное.

Такъ называется недавно изданное въ Парижѣ сочиненіе г-на Еспироля. Оно доспойно примѣчанія какъ по важному содержанию своему, такъ и по многимъ описаннымъ въ немъ наблюденіямъ. Еспироль, имѣя въ Парижѣ подъ надзоромъ у себя домъ сумасшедшихъ, живетъ среди спрядующихъ душевными болѣзнями и жертвуетъ имъ всѣми своими трудами. Онъ обѣдаетъ съ ними за однимъ столомъ, управляетъ ими съ удивительнымъ искусствомъ и пользуется всѣми случаями для ихъ врачеванія.

Главное правило сочинителя: при леченіи недолжно щерать изъ виду характера, спрасшей и склонносшей сумасшедшаго; также надбно смобрѣть на все

рлетъ его, полъ, шемпераментъ, на климатъ, на пору года и проч. Ескироль есть ученикъ славнаго Пинеля. Онъ утверждаетъ, что съ тѣхъ поръ какъ издано Пимелево сочиненіе о сумасшествіи, число одержимыхъ симъ душевнымъ недугомъ значно уменьшилось во Франціи. Бѣснующихся теперь уже не опягчаютъ оковами и не поступаютъ съ ними какъ съ дикими звѣрями.

Говоря о дѣйствіи, какое душа имѣетъ на тѣло, онъ между прочимъ упоминаетъ, что *побѣдоносное* войско не столько бываетъ подвержено повальнымъ болѣзнямъ, сколько *побѣжденное*. — Поврежденіе ума случается иногда отъ задержанія испражняемой матеріи, иногда отъ сыпи обратно вошедшей въ нутръ тѣла и т. д. Сочинитель доказываетъ однакожь, что сумасшествіе, отъ физическихъ причинъ произшедшее, можетъ быть врачуемо средствами моральными, и ссылается на собственныя свои опыты.

На югѣ сумасшедшихъ болѣе нежели на сѣверѣ; чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ сильнѣе и непостояннѣе спрасити его; тѣмъ болѣе сумасшедшихъ. Ихъ болѣе находились въ городахъ, нежели въ деревняхъ; болѣе въ главныхъ городахъ

нежели въ малыхъ. Души неподвержены сему злу, ежели не получили его вмѣстѣ съ жизнью. Время опьявляющей склонности въ другому полу есть пора самая опаснѣйшая. Въ мужескомъ возрастѣ пробуждается самолюбіе; юношескіе правдушіе уступаетъ мѣсто прищворству; голова наполняется множествомъ разныхъ плановъ; напряженіе любви слабѣетъ; зашѣдливыя спрашки дѣлаются сильнѣе; любостыжаніе и честолюбіе вытѣсняють любовь и чувствія родительскаго сердца: въ сіе время всѣ роды сумасшествія бывають чаще и упорнѣе; легко дѣлаются хроническими, мрачными и печальными; кажутся въ связи съ порчею брюха, съ почечуемъ и съ прудоспійю испражненія. Въ старыхъ лѣтахъ болѣзнь сія опять случается весьма рѣдко, ибо тогда спрашки пошухають. Сумасшествіе у женщинъ сильнѣе; отъ того онѣ болѣе и подвержены ему, нежели мужчины. Древніе были противнаго мнѣнія; но сему виною разность въ обычаяхъ. Заупотребленіе музыки, одновременное посѣщеніе обществъ и театровъ, избѣженная и праздная жизнь, чтеніе романовъ, воспламеняющихъ воображеніе и представляющихъ ему мечтательныя совершенства, кошорыхъ вездѣ ищутъ, и не найдши приходятъ въ отчаяніе: вотъ причины всѣхъ нервныхъ

болѣзней женскаго пола и происходящаго отъ нихъ сумасшесствія. — Часпо предшесствуетъ ему чрезвычайное обиліе въ идеяхъ и легкость въ ходѣ оныхъ; воображеніе бываетъ сильнѣе, мысли возвышеннѣе, планы опважнѣе. Иногда совсѣмъ на оборотъ: подвергающійся недугу сему чувсствуетъ въ себѣ лѣность и непреодолимое влеченіе ко сну. — У всѣхъ сумасшедшихъ испарина имѣетъ особенной какой-то весьма непріятной запахъ, жопорой, при всей опрашности, сообщается компаншнымъ приборамъ и съ великимъ шумомъ выводится.

Ескироль въ приложенной при книгѣ таблицѣ показываетъ содержаніе между моральными причинами сумасшесствія и между физическими. — Въ его Ижспитштѣ число первыхъ гораздо превосходитъ, и содержишься въ послѣднихъ какъ 47 къ 19; въ Salpêtrière, гдѣ помѣщаются только особы женскаго пола, какъ 374 къ 165. Есть между здоровыми людьми такіе, кои имѣютъ непреодолимую къ воровству склонность: равнымъ образомъ нѣкоторыя сумасшедшіе во время несчастныхъ припадковъ своихъ бываютъ совершенными плушми, а послѣ, въ часы свободные, опять спановящія самыми спротими наблюдателями чеспности.

Чтобы соспавишь физіономику сумасшедшихъ, надлежало бы прежде срисовать многія головы сихъ несчастныхъ въ самое время припадка, попомбъ сравнишь оныя съ нѣми головами, въ копорыхъ великіе живописцы изобразили спрасши. Тогда опкрылись бы достопамятныя слѣдствія, полезныя какъ для уврачеванія, такъ и для предохраненія отъ болѣзни. — Бывающъ внѣшніе признаки, заранѣе опкрывающіе расположеніе къ сей, часно наследственной, болѣзни. Сочинитель, по собствениымъ наблюденіямъ, увѣряетъ, что нѣтъ почти ни одного сумасшедшаго, у котораго бы въ фамиліи небылъ и другой кто-нибудь подверженъ тому же несчастію.

Уже и Пинель замѣтилъ, что общимъ признакомъ близкаго сумасшесствія служишь перемѣна въ душевныхъ чувствіяхъ и склонностяхъ; на примѣръ, когда вдругъ любовь и дружба въ сердцѣ хладѣющъ; когда человекъ чувствуетъ желаніе удалиться отъ своего семейства и ближнихъ; когда вездѣ и всѣмъ случаетъ, и проч.

Недовѣрчивость свойственна всѣмъ сумасшедшимъ. Они бѣгающъ отъ своихъ любезныхъ, будучи вмѣстѣ съ ними, а ищущъ ихъ находясь въ разлукѣ; вездѣ

нехорошо имъ и все прошивно. Желаніе видѣться съ родшвенниками и друзьями, также чувствво удовольствія при свиданіи съ ними, суть несомнительные признаки выздоровленія. Отъ природы глупые люди въ сумасшедшійи бывающъ чрезвычайно недовѣрчивы, какъ и всѣ необразованные, на примѣръ просполоудимы и дикіе; напрошивъ того менѣе недовѣрчивы художники и ученые. Но вообще недовѣрчивость въ сумасшедшихъ опивосится единственно къ наспоящему времени, а о будущемъ они совсѣмъ не думаютъ. Между посторонними людьми скорѣе можно вылѣчить сумасшедшаго, нежели среди его семейства, гдѣ все, что ни дѣлаешся для него, почишаешъ оиъ обязанностію. Часпо перемѣна мѣста, безъ всякихъ другихъ пособій, служитъ хорошимъ средствомъ въ урочеванію. Вѣсьма хорошая надежда жъ выздоровленію, когда сумасшедшій почишаешъ самъ себя нездоровымъ. „Еслибъ я могъ вмѣстѣ съ вами увѣриться — скавалъ одинъ больной г-ну Ескиролю — что голова моя распроена, то скоро бы исцѣлился. Но, къ несчастію, никакъ не могу себя въ шомъ увѣрить.“ Самой лучшей способъ сдѣлать себѣ послушнымъ больного: смотрите ему въ глаза пристально и долго. Докторъ Виллисъ, которой имѣлъ вѣсьма счастливую физіономію, съ пер-

ваго разу покоряѣ своей власни сумасшедшихъ взоромъ приспальнымъ, повелительнымъ, угадывающимъ сокровенныя мысли, и сей способъ его былъ одинъ изъ самыхъ удачнѣйшихъ въ лѣченіи.

Сумасшествіе отъ пьянства проходитъ; но по возобновленіи, а особливо послѣ многихъ перемѣнъ, оспаешя неизлѣчимымъ. Въ Англіи пьянство естъ самая обыкновенная причина сумасшествія, такъ что въ сонѣ больныхъ до человекъ считается подвергшихся несчастію сему отъ невоздержности. Во Франціи напрошивъ шого едва 5 или 6 шаковыхъ найдется въ сонѣ. У народа единственна торговлею занимающагося, по мнѣнію Ескироля, спраски дѣйствуютъ слабо, неимѣя для себя пространнаго поприща. Во Франціи напрошивъ шого сумасшествіе бываетъ слѣдствіемъ сильныхъ душевныхъ движеній, и пошому лѣчить его гораздо труднѣе.

Въ Испаншѣ Ескироля бѣснующіеся содержатся въ нижнемъ жильѣ, для шого чшобъ не лзя имъ было бросаться изъ окошекъ. Двери опворяются безъ всякаго шуму, и надзирапель не пугаетъ большихъ своихъ ни замками, ни засовами, а запираетъ ихъ небольшою задвижкой. Приспавленный слуга имѣетъ долгъ прі-

обрѣшъ довѣренность своего больного, никогда непрошивурѣчь ему и не дѣлашь въ чемъ принужденія. Когда надобно употребишь насильство; на ту пору слуга удаляется, чшобы больной не почелъ его участникомъ; потомъ возвращаясь утѣшаетъ его и дѣлитъ съ нимъ горести. Надобно знашь, что ошвъ присланныхъ слугъ, которые умѣютъ подружиться съ больными, врачъ можетъ узнать много шакого, что служилъ къ врачеванію. У Ескироля были шакае больные, копорые, боясь разсердишь слугъ своихъ, сидѣли смиренно и повиновались. Одинъ сумасшедшій началъ все рвать; Ескироль наказалъ слугу и больной успокоился. Имѣя въ домѣ множество служителей, надзирашель рѣдко употребляетъ насильство, ибо сумасшедшіе не смѣютъ спрошивляться, когда увѣрены въ своемъ безсиліи и въ невозможности одержать верхъ. Одинъ Генералъ не хотѣлъ идти въ баню; Ескироль послалъ къ нему 12 служителей, изъ копорыхъ одинъ объявилъ больному, что пришли пащить его, ежели не пойдетъ добровольно. „Не уже ли вы осмѣлились возложить руки на нашего Генерала?“ Въ ошвѣтѣ сказано: „и конечно!“ Тогда больной взглянулъ на нихъ, какъ будто желая испугать, и пошелъ въ баню.

Можно упошреблять и принужденіе, но только съ крайнею оспорожностію. Иногда страхъ производишь въ больномъ судороги, отъ которыхъ бывають спасительныя слѣдствія. Побой Ескироль почитаетъ совершенно лишними; однакожь Д-яшоръ Виллисъ иногда съ пользою былъ сумасшедшихъ. — Не должно дѣлать никакого принужденія больному въ присутствіи другихъ его товарищей, ибо такіе поступки обыкновенно до крайности его огорчаютъ; никогда не должно дѣлать этого безъ важной побудительной причины; наказаніе должно слѣдовать пошчасъ за прешупленіемъ, и при томъ шакъ чшобы больной совершенно былъ удосто- вѣренъ въ винѣ своей, и проч. Понудительные способы соспоятъ въ *задержаніи лодъ стражею*, и въ *одвваніи въ узкой камзолъ*. Сего послѣдняго даже и бѣснующіеся очень боятся. Такой камзолъ, сдѣланной изъ толстой холстины или за- трапеза, застегиваеяса назади и не даетъ свободы махашъ руками, которыя спяну- шы. Иногда онъ дѣлаеяса подлиннѣе, для того чшобы больному не лзя было широ- ко сшупашъ ногами.

Капельная баня производишь иногда хорошія слѣдствія. Нѣкоторыя больные чрезвычайно боятся ея. Бросаніе большого

въ воду весьма неодобряется Ескиролемъ, пошому что опасность лѣченія сего очевидна, а польза сомнишельна. Кто рѣшился сполкнути сумасшедшаго съ прешьяго жидья на мосшовую, жопя и случалось, да и не одинъ разъ, что больные опъ шого выздоравливали?

Опъ безсонницы для сумасшедшихъ сочинишель предлагаетъ разныя и даже оспроумно вымышленныя пособія. Между прочими, совѣшуетъ дѣлать однообразной звукъ удареніемъ въ стѣну или въ двери, также пускашь воду въ шазъ, чтобы она падала каплями. Средства сіи имѣли желаемое дѣйствіе. Напрошивъ шого усыпительныя лѣкарства рѣдко помогающъ.

Къ моральнымъ способамъ лѣченія Ескироль причисляетъ неожиданныя важныя извѣстія или посѣщенія, также дозволеніе больному возвратишься къ роднымъ, свиданіе съ любезными и проч. Трудно шолько выбрашь къ тому благопріятную минушу; ибо возобновленіе болѣзни и неизлѣчимосшь бывающъ слѣдствіемъ неудачи.

Пробужденіе самолюбія, напоминаніе о благопрістойности часто служащъ хорошими способами усмиришь больнаго. Одинъ

Хорошо воспитанной человекъ имѣлъ привычку рѣзвиться безпрестанно. Всякой разъ, когда надлежало его унять, сказывали ему, что неприлично говорить все только самому; и что надобно прочимъ дать свободу. Другому, который держалъ себя весьма неопрятно, хотѣлось обѣдать съ Ескиролемъ и съ прочими больными; ему сказано, что желаніе его исполнится, но съ тѣмъ чтобы онъ лучше смотрѣлъ за собою, и не беспокоилъ бы никого своею неопрятностію. Больной общался и сдержалъ свое слово. Третьй по упрямъ любилъ шумѣть, и тѣмъ причинялъ неудовольствіе женщинъ, которая начинала вздоравливать. Больная весьма учтиво попросила его, чтобы не нарушалъ ея спокойствія, и прозба сія была удачнѣе всѣхъ средствъ, щещно Ескиролемъ употребленныхъ.

Можно было надѣяться, что Ескироль, какъ остроумный и прилѣжный наблюдатель, не оставитъ и музыкою воспользоваться. По замѣчанію его, успѣхъ ненадеженъ, ежели больной знаетъ, что для него играютъ и ежели не закрыты музыканты. Число инструментовъ должно быть невелико, и надобно, чтобы звуки приходящіе издавна возбуждали вниманіе въ больномъ, и заспаляли бы его вслушиваясь.

Нѣкошорой врачъ, дѣлая замѣчанія на Ескиролеву книгу, упоминаетъ объ одномъ доспопамятномъ примѣрѣ припворска сумасшедшихъ, о которомъ узналъ по собственному опыту. Женщина, которую онъ лѣчилъ, умѣла очень хорошо представлять себя здоровою при постороннихъ людяхъ, и всякой разъ шихонько спрашивала жившую у нее родственницу; въ состоянїи ли что-нибудь догадаться объ ея сумасшествїи.

Главное правило Ескироля: всѣ донинѣ употребляемые насильственные способы, цѣпи, веревки, плеши, нигуда негодящя. Напрошивъ того онъ желаетъ, чтобы спарались доставить больному выгоды лучшія шѣхъ, какими прежде онъ пользовался, и чтобы принято было суевѣрное мнѣнїе вѣкошорыхъ воспочныхъ народовъ, гдѣ сумазбродъ въ семьѣ почищается хорошимъ предзнаменованїемъ, и гдѣ съ несчастными сими поступающъ весьма осшорожно и чловѣколюбиво.

Kirz. lit. Zeit. T.


~~~~~  
 ГЕОГРАФІЯ.  
 ~~~~~

О Персіи.

Достойно вниманія всякое извѣстїе о странѣ споль мало знаемой, какова нынѣ Персія, кошорая, воюя съ Россїею и будучи въ связи съ Франціею, опяшь спановишся значительнымъ государствомъ. Надѣмся угодить читателямъ, предложивъ имъ сокращенное извлеченїе изъ новой книжки Ефемеридъ Географическихъ.

Персидская монархїя, со временъ Тахмаса Кулы Хана, болѣе извѣстнаго Европейцамъ подъ именемъ Надиръ-Шаха, была опустошаема внутреннею войною, и раздѣлилась на двѣ части, на западную Персію и на восточную. Последняя обыкновенно называется Кандагаромъ, и состоитъ подъ владычествомъ Авгановъ; первая, по прекращенїи династїи Софїевъ или Сефидовъ за сто лѣтъ передъ симъ, управляется фамиліею Хозаровъ или Каджаровъ Турецкаго происхожденїя, кошорыхъ Шахъ Аббасъ I употреблялъ для защищенїя Персіи отъ набѣговъ Туркоманскихъ и Усбекскихъ. Нынѣ владѣющій *Фальъ-Али-Шахъ*, бывшій Прин-

цомъ *Баба-Ханомъ* и Губернашоромъ *Ширасскимъ*, по видимому ещѣ человекъ умной и отважной. Достигнувъ престола, онъ хочещь заслужить его возстановленіемъ порядка, пишины и благоденствія, а не разорительною славою завоеваній. Его описываютъ государемъ образованнымъ и просвѣщеннымъ; говорятъ также, что онъ поэтъ, и самъ воспѣваетъ красавицъ своего *Гарема*.

Въ западной Персіи полагаютъ 20 милліоновъ жителей (счещь сей однакожь несходенъ съ другими извѣстіями), 120,000 человекъ коннаго войска и 60,000 пѣхотнаго.

Прежній столичный городъ *Ислаганъ*, въ которомъ некогда было до 600,000 жителей, нынѣ представляетъ груду развалинъ, и едва вмѣщаетъ въ себѣ 50,000 жителей; однакожь великолѣпныя мосты, коихъ изображенія находимъ при описаніи *Шардена*, и *Королевскіе чертоги* уцѣлѣли. *Равнымъ* образомъ и *Таврисъ* лишился прежняго своего величія; въ немъ теперь льютъ пушки. Нынѣшній столичный городъ *Тагеранъ* не задолго предъ симъ былъ малозначущимъ; теперь зимою счисляется въ немъ болѣе 50,000 человекъ, но къ лѣту почти всѣ выбѣгаютъ по причинѣ весьма нездороваго воздуха.

Въ семѣ городѣ находятся многія большія зданія, къ числу коихъ принадлежатъ дворецъ Шаха, заслуживающій вниманіе своими пышными залами и садами, шаже множествомъ ковровъ, парчей и прочихъ драгоценностей. *Касби* и *Кашанъ*, вмѣщающіе въ себѣ по 30,000 жителей, хотя и потеряли прежній блескъ свой; однакожь славятся ремеслами, и считающся между красивѣйшими и богатѣйшими городами Персіи. Одинъ изъ нихъ служитъ мѣстомъ склады для шелку и пшена сорочинскаго; въ другомъ дѣлаются шелковыя и бумажныя матеріи, ковры, сабли, золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи. Знаменитый *Гамаданъ* въ упадкѣ. Въ *Ширасѣ* улицы тишины, дома бѣдные и некрасивые, изъ которыхъ четвертая часть лежитъ въ развалинахъ. Въ прочіе города, большіе и многолюдные, коими некогда изобиловала Персія, нынѣ совершенно опустѣли. Таковы слѣдствія непрерывной войны и честолюбія правителей!

Восточная Персія состоить подъ управленіемъ трехъ владѣтелей; она раздѣлена теперь на три части, и представляеть бѣдственное позорище безначалія.

Съ Нѣмецкаго. М.

Э С Т Е Т И К А.

Два разговора о Критикѣ.

1.

Нѣтъ! сказалъ однажды превосходный музыкантъ *Граунъ* великому Математику *Эйлеру*: зная одни только правила гармоніи, никогда не будешь великимъ музыкантомъ. Кому лучше васъ извѣстны эти правила? — но вы, если не ошибаюсь, не можете сочинять музыки.

— Почему же вы такъ думаете? спросилъ Математикъ съ усмѣшкою. Я никогда не писалъ нотъ, это правда, но болѣе отъ того, что я не хотѣлъ писать ихъ. Увидимъ!

Они выбрали тему, и условились приготовить въ назначенному времени музыку. Условіе исполнено. *Граунъ* приноситъ въ *Эйлеру* свои ноты; *Эйлеръ* подаетъ ему свои. Въ произведеніи *Грауна* были не только сохранены всѣ правила гармоніи, но оно прогало душу, было исполнено чувства, нѣжно, пріятно: безпрестанно хотѣлось слушать эту пѣвническую музыку. Напротивъ въ работѣ Математика жопи и не лзя было найти ни одной погрѣш-

ности против правил; но она была суха, недействовала на сердце, и слушатель как будто отдыхал при последней ноте.

„Что скажете? спросил *Граунь*. Я не осмелюсь назвать музыки своей образцовою — но разсудите сами! вы умёте живо чувствовать прекрасное, хотя не имёте дара производить.

— Скажу то, что вы правы, любезный *Граунь*, отвечал *Математикъ* раздирая свои ноты. Одного значенія правил гармоніи недостыпающе. Хитрость моя мнѣ удалась — я люблю музыку, и теперь имѣю въ рукахъ новое произведеніе *Грауна*, котораго нипто еще не знаетъ. Вы бы не написали этихъ нотъ по прозвѣ; я вздумалъ разгорячить васъ споромъ, и награжденъ за трудъ свой прекрасною музыкою.

Музыкантъ засмѣялся и подарилъ *Эйлеру* свои ноты.

Свидѣтелями этого дружескаго спора были два молодыхъ человека — одинъ ученикъ *Грауна*, другой ученикъ *Эйлера*.

„Видите ли, сказалъ молодой музыкантъ, вышедъ на улицу съ *Математикомъ*, что ваша математическая *Теорія* совсѣмъ бесполезна для нашего искусства.

— Безполезна ! воскликнулъ Машемашикъ ; я этого не вижу !

„Безполезна во всѣхъ отношеніяхъ ! Первое — она еще не произвела и никогда произвести не можетъ ни одного великаго Генія, —

— Но можетъ его руководствовать, просвѣщать, служить ему пособіемъ ?

„И этого не можетъ !

— Но развѣ учитель вашъ Граунъ не имѣетъ никакой Теоріи ?

„Имѣетъ, и самую лучшую. Но я утверждаю, что онъ и совсемъ безъ Теоріи могъ бы сдѣлаться шѣмъ же превосходнымъ Грауномъ, которому теперь мы всѣ удивляемся. Получивъ отъ природы нѣжное, тонкое и вѣрное чувство, будучи хорошо знакомъ съ образцами, имѣя великую опытность, онъ могъ бы, и не зная Теоріи, написать то же, что написалъ и пишетъ.

— Написалъ бы что-нибудь легкое, простое; но трудное и многосложное — сомнѣваюсь !

„Все, милосливый государь. Не имѣя уха, опытности и знанія образцовъ, не можно быть музыкантомъ; но если имѣешь ихъ, то смѣло бери перо и пиши ноты: сочиненія твои будутъ превосходны. Такъ,

государь мой, сильное, пламенное чувство и вѣрное ухо — вотъ главное и, по моему мнѣнью, единственное! Безъ нихъ мы не видали бы ни одного превосходнаго музыканта.

— Превосходство, государь мой, есть понятие относительное. На примѣръ, эгоистъ художникъ былъ превосходенъ для своего времени; но въ наше, быть можетъ, наименовали бы его посредственнымъ. Теперь Геній долженъ имѣть образованіе двойное: *правила* и *образцы* для него необходимы.

Въ такомъ случаѣ онъ не Геній!

— Почемужь, прошу сказать!

„Потому, государь мой, что Геній есть живое творческое пламя, въ самомъ себѣ заключающее и свѣтлость и теплоту свою; творческая сила, кою которой созданія. . . .

— А! теперь вижу, воскликнулъ Машемашинъ, которому такой рѣшительный тонъ не совсемъ нравился. Геній, по вашимъ словамъ, есть исключеніе изъ законовъ Природы, есть чудо. Я соглашусь, еслии угодно, что Геніямъ первой степени и намъ обыкновеннымъ людямъ не должно почитать Теорію необходимую для искусства; но она сама по себѣ имѣетъ великую цѣну. . . .

„Для когожь, скажите, еслии всѣ вообще могущъ не имѣть въ ней нужды?

— Для насъ самихъ!

„Удивительное дѣло! Теорїя искусства можетъ не быть полезною для самаго искусства, и въ то же время имѣть для насъ великую цѣну!

— Такъ же, на примѣрѣ, какъ и Астрономїя. Тѣла небесныя могли бы совершать шеченїе свое очень порядочно и тогда, когда бы не имѣли мы никакого объ немъ понятїя.

„О, Астрономїя! она приноситъ другаго рода пользу. Мореплаванїе, лѣтосчисленїе....

— Что вы говорите о мореплаванїи, о лѣтосчисленїи Предсказывае, что нѣтъ еще ни лодки, ни корабля, ни часовъ, ни календарей, словомъ, ничего такого, въ чему была бы нужна Астрономїя: и тогда останешся она превосходною наукою, одною изъ самыхъ важнѣйшихъ!

„Что вы говорите? Не будучи полезною?

— Но что называете вы бытъ полезнымъ? Или, лучше, скажите (чтобы не слишкомъ разпространяясь), на что полезна Музыка?

„Боже мой! на что полезна музыка! Но развѣ не есть она самое нѣжное, самое благородное изъ всѣхъ прїятныхъ занятїй человеческого духа?

— Такъ думаетъ о своемъ искусствѣ каждый художникъ!

„И шолько одинъ, то еснъ музыкантъ, думаетъ справедливо.

— Св эшимъ не всякой согласишся. Но я св своей спороны доволенъ и тѣмъ, что вы прїятнаго не раздѣляете св полезнымъ; и въ самомъ дѣлѣ онѣ почти нераздѣлимы. И такъ ваше искусство имѣетъ въ глазахъ вашихъ именно попому великую цѣну, что оно прїятнымъ образомъ занимаетъ чувственныя ваши способности — не правда ли?

„Правда! но прибавьте: высшїя, почайшїя, благороднѣйшїя чувственныя способности.

— Согласенъ! А я цѣню высоко свое искусство именно попому, что оно занимаетъ мой умъ, слѣдовательно также одну изъ душевныхъ способностей, которую можно причислить къ самымъ благороднымъ, по крайней мѣрѣ шолько же благородную, какъ и ваши способности чувственныя. Хотите ли прибавить къ слову занимаешь нѣсколько другихъ, шолько же значительныхъ, на примѣрѣ возвышать, совершенствовать, разпространять; тогда увидимъ, что музыкальное искусство совершенствуется, усиливается, возвышаетъ вашу чувственную способность; а математическая Теорїя этого искусства совершенствуется, уси-

ливаешь, возвышаешь мой разум — другими словами: эта Теорія, сама по себѣ, есть искусство, имѣющее собственное, отъ всѣхъ другихъ искусствъ независимое достоинство; пусть будетъ она полезна или бесполезна для самого Архиспа — она принеситъ пользу мнѣ, и я доволенъ!

„Позвольте, позвольте — сказалъ ученикъ *Грауновъ*, запинаясь — если вы ничего другого не ищете, кромѣ одного занятія вашему разуму, но я бы могъ...

— Что бы вы могли?

„Представивъ вамъ множество другихъ занятій: онѣ столь разнообразны...

— Что можно обойтись и безъ этого занятія, хотите вы сказать?

„Такъ точно.

— Государь мой! занятіе другого рода есть не иное что, какъ занятіе другого рода. Каждое изъ нихъ имѣетъ въ себѣ что-нибудь собственное. Чемъ дивительность душевныхъ способностей разнообразіе, тѣмъ самыя способности сїи сшановишся образованіе, обширнѣе! Для чего же лишаешь себя... Но вотъ уже пусть нашъ конченъ. Просните!

Они разлучились.

2.

„Вы цѣните Кришику весьма высоко — сказалъ одинъ молодой, и очень довольный собою стихотворецъ скромному *Мозесу-Мендельзону*.

— Весьма высоко, но не слишкомъ, надѣюсь. Она есть Философїя человѣка, и потому должна принадлежать къ первымъ и самымъ важнымъ нашимъ наукамъ.

„Съ этой стороны конечно — — —

— Развѣ знаете вы какую-нибудь другую сторону? Цѣль Кришики: или показывать стихотворцу тѣ способы, которыми онъ можетъ понравиться; или объяснить ему сущность тѣхъ самыхъ предметовъ, которые онъ обрабатываетъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ разрываетъ она передъ глазами его нашу внутреннюю, нравственную природу.

„Но развѣ одна эта натура составляетъ предметъ стихотворства?

— *Всегда* составляетъ она тотъ предметъ, которому нравиться есть цѣль Поэзіи, и почти всегда, по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ произведенїяхъ стихотворства, тотъ, который обрабатываетъ Поэзія. Кришика имѣетъ въ виду человѣка; а знаніе человѣка со всеми качествами его и ошибками

„Есть важное знаніе, соглашаюсь. Но скажите, не щепноли Кришика прудит-ся, когда съ своими наставленіями обращаешся, вмѣсто Моралиста, къ Поэту? По моему мнѣнію, гордое намбреніе научашъ Поэша ей не свойственно.

— Я думаю совсемъ иначе.

„Слѣдовательно, вы полагаете, что Кришика можетъ быть наставницею Генія? А я почишалъ ее только его ученицею.

— И то и другое можетъ быть справедливо.

„Послѣднее неоспоримо!

— Согласенъ.

„Ибо все то, чему она хочетъ наставляшь, пріобрѣшено ею отъ Генія.

— И я по же почти думаю, не по тому чшобы великая школа всеобщей наставницы - Природы была для нее закрыта, но по тому чшю она почишаетъ гораздо выгоднѣйшимъ посѣщашъ училище Генія. Въ обширной школѣ Природы раздаются тысячи смѣшанныхъ голосовъ, которые опличить одинъ отъ другаго чрезвычайно трудно — это предоставлено Генію: онъ одаренъ тонкимъ и щасливо образованнымъ слухомъ; ему вняшенъ каждый отдѣльный голосъ; онъ обогащаетъ себя свѣденіями; онъ предлагаетъ ихъ языкомъ болѣе юнышнымъ: чему же уди-

вляясь, что Кришика предпочитаетъ его ограниченную школу той необъятной, въ которой проповѣдуетъ сама Природа! „И вышедъ изъ этой школы, берешься : она учишь своего учителя, котораго думаешь просвѣщать собственною его мудростию — не правда ли ?

— Для чегожь и не такъ, если учитель иногда впадаетъ въ погрѣшности, или дремлетъ. Но развѣ она только въ одной его школѣ почерпаетъ свое образованіе ? Что, еслили она гораздо прежде посѣщала другія, и посѣщаетъ ихъ ежедневно, училась, выученное сравниваетъ, и наконецъ лучшее, изобильнѣйшее, самое справедливое изъ него извлекаетъ ? Не можешь ли такимъ образомъ и ученица сдѣлаться учительницею въ свою очередь ? Или не хотите ли вы, чтобы Геній былъ Геніемъ во всякое время, чтобы ему всегда и одинакимъ образомъ былъ слышанъ и понятъ голосъ Природы, и чтобы, наконецъ, обнимая споль много, онъ былъ способенъ обнимать все ?

„Этого я не утверждаю. Но Генію бытъ ученикомъ Кришики !

— Скажите лучше, другихъ превосходнѣйшихъ Геніевъ : ибо не сами ли вы сказали, что Кришика всему научилась у Генія ?

„Пускай же Геній имѣетъ прибѣжище къ Генію, а не къ его ученицѣ. Я говорю, думашь, что изученіе образцевъ приноситъ пользу; но подчинять себя правиламъ — это унижительно для Генія.

— Не противорѣчите ли вы самому себѣ?

„Я? Какимъ образомъ?

— Вы соглашаешься почитать полезнымъ изученіе образцевъ — спрашиваю: чего же ищешь Геній въ образцахъ великихъ? Конечно правилъ! И чего жь другаго? Позвождаетъ ли онъ себѣ похищать красоты, ему не принадлежащія?

„Нѣтъ! это несвойственно творческому Генію, а развѣ одну рабскому подражателью.

— Слѣдовательно онъ замѣчаетъ одни только преимущества и отличія; пользуется своими замѣчаніями въ произведеніяхъ собственныхъ; приводитъ эти замѣчанія въ порядокъ, въ систему, и наконецъ соснавляетъ изъ нихъ для себя правила! И такъ если изученіе образцевъ для Генія не унижительно, то для него споль же неунижительно и подчинять себя правиламъ.

„Но онъ находитъ эти правила самъ! Нужно ли Кришкѣ вѣщиваться не въ свое дѣло?

— Извините. Если бы Гений — как вы заставляете меня бояться — не почитал себя слишком значимым для короткого обхождения с Кришикою (впрочем значимые забывают иногда свое величие для собственной выгоды); но я уверен, что он бы мог извлечь из ее пособия великую для себя пользу. Признайтесь сами, что Кришика несравненно способнее раздроблять и выводить общее из частного (а это нужно для составления правил), нежели ваш высокомерный Гений. И так если изучение образцов, необходимое для знания правил искусства, почитаете вы полезным; то я имью право думать, что *Аристотель* не лишній при *Софоклѣ* и *Эврипидѣ*, и что *Гомова* книга о Кришикѣ можетъ быть не бесполезна для того, кто читаетъ *Шекспира*. Я имѣлъ въ рукахъ трагедію въ то время, когда вы ко мнѣ пожаловали —

„Вотъ она!

— Читали ли вы ее?

Съ восхищеніемъ!

— Въ ней много прекраснаго, но могло бы быть и гораздо болѣе! Стихотворецъ, какъ видно, плѣнялся *Шекспиромъ*! —

„Онъ знаетъ его наизусть!“

— Но я замѣчаю, что онъ читалъ его слишкомъ мало.

„Другіе утверждаютъ, напрошивъ, что слишкомъ много.

— Въ вѣкошоромъ смыслѣ и я поже думаю; слишкомъ много попому, что я нахожу въ его трагедіи пакія мѣста, которыя опзываются грубымъ, необразованнымъ вѣкомъ Шекспира; а слишкомъ мало попому, что онъ не замѣнилъ въ любимомъ Спихошворцѣ своемъ пакижъ красотъ, которыми легко бы могъ воспользоваться для усовершенствованія своей трагедіи. Какъ бы я желалъ, чтобъ онъ прочелъ *Гомъ*, или болѣе объ немъ пемнилъ!

„Развѣ *Гомъ* научилъ бы его, какъ сдѣлать лучше?

— Не сомнѣваюсь! но ваше какъ пребудетъ объясненія. Крипикъ не можетъ облегчить спихошворцу работы; не дастъ ему ни изобрѣтательности, ни жарачувствъ, ни искусства владѣть языкомъ; — но онъ можетъ опсерегать и руководствовать. На примѣрѣ, *Гомъ* сказалъ бы нашему Крипику: спроси пвог говорящъ о себѣ слишкомъ много — это несходно съ натурою; у Шекспира говорящъ онъ болѣе о своемъ предметѣ. Сказавъ это, *Гомъ* удалился бы съ скромностию, оставивъ самому Спихошворцу найти (если онъ только на то способенъ) языкъ, спрашивать его приличный.

„Это другое дѣло! и то, что вы теперь говорите — — —

— А что же иное говорилъ я прежде? Кришкѣ не можетъ ни изобрѣсти, ни производить; а если бы и могъ —

„То творческій Геній не имѣетъ въ этомъ нужды.“

— Очевъ естественнo! Онъ мыслитъ самъ, а не заставляешъ мыслить за себя другихъ. Таковъ его образъ дѣйствія вездѣ, даже и въ шѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ могъ бы получить почтнѣйшее насавленіе: предсавляю въ примѣръ Машемашику. Тотъ, кто читаетъ Геометрическія книги очень быспро, есть самъ конечно великій Геометръ. Фигура и предложеніе — для него довольно. Если онъ Эйлеръ, то онъ найдетъ доказательство и безъ руководителя.

Съ Нѣмецкаго.

III. КРИТИКА.

Анекдоты Рускіе, или великія достоламяпныя дѣянія и добродѣтельныя примѣры славныхъ мужей Россіи () и проч.*

Св. епиграфомъ:

Въ опечесивѣ драгомѣ, въ родимой споронѣ,
Какъ мило сердцу все, какъ все любезно мнѣ!

Что общано въ пишулѣ, все по дѣйствительности находишь въ книгѣ. Но собираешь, желая доставить обыкновенное удовольствіе публикѣ, хощешь еще изумить ее нѣкопорыми мечаянноспями, и подъ названіемъ *Анекдотовъ Русскихъ* выдалъ историческіе отрывки, сказоч-

(*) Продолженіе и окончаніе пишула: знаменитыхъ Государей, полководцовъ, гражданскихъ чиновниковъ, купечества и другихъ особъ всякаго званія, отличившихся героическою твердостью духа, усердіемъ, благотворительностію, истинною правотою дѣлъ своихъ и другими многими примѣрами непоколебимой приверженности къ Вѣрѣ, Государю и любви къ отечеству. С П Б. при Императорской Академіи Наукъ. 1809, въ двухъ Частяхъ.

ки, краткія повѣсти, притчи и даже письма и нравоучительныя разсужденія. Для пріятнаго разнообразія, между немногими хорошими спашьями помещено множество павихъ, кои Зоиламъ и клеветникамъ легко могутъ показаться посредственными, дурными и самыми нелѣпыми. Онѣ выписаны изъ лѣтописей, исторій, газетъ, журналовъ, и разныхъ книгъ, каковы на примѣрѣ Слугникъ и Собесѣдникъ, Письмовникъ Курганова и такъ далѣе. Произшествія, случившіяся за прідевящъ земель, или родившіяся въ головѣ иностраннаго писателя, искусно превращены въ Русскіе Анекдоты и украшены названіями, выдуманнми самимъ господиномъ собирашелемъ къ чести и славѣ опечесшвенной нашей словесности.

„Чиновной слоръ (Ч. I. стр. 74).
 „Двѣ госпожи спорили между собою при
 „выходѣ изъ церкви, копорой должно ид-
 „ти напередъ. Одинъ знашной Господинъ
 „рѣшилъ ихъ споръ шакимъ приказаніемъ,
 „дабы ша, копорая изъ нихъ глупѣе, имѣ-
 „ла первенство. Сіе рѣшеніе принудило
 „каждую идти въ особенныя двери.“

Въ семъ Анекдотѣ, восхитительномъ для Русскаго сердца, знатной Господинъ, какъ видно, представляешъ славнаго мужа

Россiи; а пошому приговорѣ его надлежитѣ почиташь великимъ, достопамятнымъ дѣланiемъ и добродѣтельнымъ примѣромъ, и слѣдствено забышь, что знашвой Господинѣ до превращенiя своего былъ Фридрихомъ II, Королемъ Прусскимъ; иначе прелестъ очарованiя исчезнетѣ. Перекинемъ нѣсколько страницъ и пишемъ 73й Русской Анекдотѣ: *Справедливое сравненiе.*

Стр. 101. „Одинѣ Князь, наслышавшись о хладнокровiи извѣснаго въ Пешербургѣ Калмыка, кошорой съ невѣроятнымъ равнодушiемъ не рѣдко проигрывалъ все, что имѣлъ за душею, пожелалъ видѣшь его, и для шого побѣхалъ въ пошъ домъ, гдѣ онѣ обыкновенно бывалъ на игрѣ. Случилось, что Калмыкъ, проигравъ съ шпическимъ духомъ около чешырехъ тысячъ рублей, продолжалъ разговаривашь съ пошоронними — перешасовывая каршы. Между шѣмъ и Князь присталъ къ игрѣ: проигралъ тысячу, разсердился, еще проигралъ, вскочилъ и уѣхалъ съ досады. Въ карешѣ спросилъ онѣ своего любимца: каково играетѣ Калмыкъ? Не знаю, отвѣчалъ онѣ; я одно только могъ замѣшитъ, что Калмыкъ игралъ какъ Князь, а Князь какъ Калмыкъ.“

Надлежало бы здѣсь удивляться досто-
памятному дѣянію и героической твер-
дости духа знаменитаго Калмыка-Россі-
янина; но собиратель названіемъ анектоша
уназываетъ на смѣлой ошвѣщъ любимца,
и слѣдственно выставляетъ истинную
правоту дѣлъ его. Анектошъ сей удачно
поспавленъ на своемъ мѣстѣ между дѣя-
ніями Александра Невскаго, Димитрія Дон-
скаго, Пожарскаго, Пешра, Суворова, и
потомство конечно пожалѣетъ, что име-
на Калмыка, Князя и любимца его не со-
хранились въ семъ драгоцѣнномъ собраніи
добродѣтельныхъ примѣровъ.

Анектошъ 78й (на стр. 116), назван-
ный забавнымъ отвѣтомъ защитнику
Славянскаго языка, безъ сомнѣнія выль-
чишь многихъ отъ смѣшнаго приспрасшя
къ шаринѣ и обратишь на пушь хороша-
го вкуса. „Князь Б . . . , ревностный за-
„щитникъ Славянскаго языка, выставляя
„въ одномъ ученомъ собраніи всѣ преиму-
„щества онаго предъ Рускимъ нарѣчіемъ,
„замѣшилъ между прочимъ, что съ при-
„бавленіемъ предлога възъ, — всякое сло-
„во можно возвысиль, облагородиль, и въ
„доказательство истинны сей привелъ
„слѣдующій стихъ: возсталъ, возпѣлъ,
„вознесся, вознариль. — Оно такъ! онъ
„въчалъ бывшій шумъ любезный шарикъ

„К . . . однакожь , Ваше Сіятельство ,
„спольно наставили возовъ , что и разв-
„бхаться некуда.“ Что можеть сравнишь-
„ся съ отвѣстомъ любезнаго старика К . . ?
Вотъ прямо *геройская твердость духа!*

Жаль разспашься со *знаменитыми*
мужами нашего трудолюбиваго собираше-
ля. Покажемъ еще нѣкошорыхъ.

Ч. II. стр. 78 я. Анекд. 264 й. „Доб-
„рое молчаніе. Господинъ И . . . Н . . . —
„долго краснѣлъ отъ безумія своей суп-
„руги ; и пошому рѣшился упросить ее ,
„дабы она въ собраніяхъ говорила менѣе .
„Ежели нельзя уже оспановишь спремле-
„нія швоего языка , говорилъ онъ ей , по ,
„по крайней мѣрѣ , начинай съ Богомъ
„шогда , когда я шебѣ мигну . Они прѣвз-
„жають въ гости ; жена играетъ въ мол-
„чанку : хочеть поговорить , но мужъ не-
„мигаетъ . Жена кашлянула — мужъ мол-
„читъ . Она кашлянула въ другой и пре-
„щій разъ — мужъ все не мигаетъ . Сжа-
„лясь надъ бѣднымъ сосшояніемъ рѣзнаго
„языка супруги , пустился на волю Божію ,
„мигнулъ женѣ — И ! башька мой , наси-
„лу шебя мигнушь . шо прорвало ; часа два
„какъ нишь хочешся.“

Тамъ же , Анекд. 265 й „Ложь хва-
„стлуна . Многіе наши молодые люди оша-

„раюся сказашь красное словцо, хотя бы
 „и съ обидою другихъ, для нихъ бездѣ-
 „лица. Хочешь ли что бышь нешерпимъ
 „въ ихъ обществѣ, не умѣй прилгашь и въ
 „случаю и въ мѣсту и встанѣ и не
 „кспашѣ — и себя выгоняшѣ. — Въпре-
 „гонѣ прибѣгаешѣ въ свое общество. Гдѣ
 „былъ? что себя не видно было съ ушра? —
 „Заняшѣ былъ крайнею нуждою — Ка-
 „кою? — Покупалъ колоколъ для своей де-
 „ревни — Купилъ? — Во 150 пудѣ за 200
 „рублей — Бышь не можешъ — Божусь
 „чесшю — Какъ! во 150 пудѣ колоколъ,
 „купить за 200 рублей въ лавкѣ? — Экой
 „брашецъ! вишь я купилъ у носячаго.“

*Стр. 79 я Анекд. 266 ѣ „Равнодуш-
 „ная шутка. При осадѣ нѣкоего города,
 „пушечное ядро сорвало голову у одного
 „солдата. Товарищъ его, которъй былъ
 „свидѣшелемъ сего приключенія, вскри-
 „чалъ: какъ удивилъ онъ прослувшисъ,
 „что нѣшѣ у него головы!“*

Испышатели природы съ великимъ лю-
 бопышствомъ замѣчаютъ шѣ мгновенія,
 въ которыя шѣла переходяшѣ изъ одного
 состоянія въ другое, или когда соверша-
 юшяся явленія, производящія въ веще-
 сствахъ какую-либо значительную пере-
 мѣну. Таковы на примѣрѣ замерзаніе воды,

кристаллизація соли, и шому подобное. Для охотниковъ до испорій и анекдотовъ неменѣе пріятно ловишь доспопамяшныя минушы превращеній другаго рода. Читай у Тапищева въ выпискѣ изъ мнимой Испоріи Іоакима, Епископа Новгородскаго, что спящему Госпомыслу нѣкогда приснилось, будто изъ чрева средня дочери его Умилы выросло большое, весь городъ покрывшее дерево, котораго плодами насыщались всѣ жители земные, — кому изъ насъ не хотѣлось бы узнать, когда и какъ сіе испорическое событіе перешло въ наши лѣтописи, и прямо ли отъ Геродоша или чрезъ посредство Юстина оно намъ доспалось! ибо и у Геродоша и у Юстина написано, что Царь Аспіагъ видѣлъ во снѣ, будто изъ ложеснъ дочери его выросъ кустъ виноградной, вѣтвями своими покрывшій всю Азію. Не ясно ли, что масть Рюрикова, по мановенію какого-нибудь искуснаго дѣписателя, бытіемъ своимъ одолжена спала мапери Кировой, дочери Царя Мидійскаго? Обращимся теперь къ *Русскимъ анекдотамъ*, и всмопрѣвшись въ примѣръ новѣйшій, составимъ себѣ сколько возможно ясное понятіе о превращеніяхъ, дѣлаемыхъ по волѣ шворцовъ и собирателей анекдотовъ.

Плушархъ написалъ: Царь Архелай, болшавому брадобрѣю, накладывающему на

него полощенцо и спросившему, какъ должнъ я бришь себя, Государь? отвѣчалъ: молча.“ Да благоволяшъ чинашели со вниманіемъ замѣчашъ, какъ Плущарховъ Архелай будешъ превращаться въ Русскаго *нѣкопорога* челоуѣка, Греческой брадобрѣи въ Русскаго цырюльника, а особливо какъ оба они будешъ принимашъ на себя видъ славныхъ мужей Россіи, отличившихся героическою *твердостію* духа.

Стр. 103 я, *Анекд. 307 й.* „Неожиданнѣйшій отвѣтъ. Одинъ болпливой цырюльничивъ говорилъ нѣкопорому челоуѣку: какъ прикажете бришь себя? не говоря ни слова“ отвѣчалъ шотъ.

Воздавши справедливую похвалу господину собирашело за полезной шрудъ его, я нахожусь въ прискорбной необходимости, по обыкновенію всѣхъ кришниковъ, замѣшипъ и нѣкошорыя несовершенства, и съ надлежащею учшивостію попеняшъ за упущеніе, можешъ бышь неумышленное. Въ заглавіи книги упоминаешся полью о великихъ дѣянїяхъ славныхъ мужей Россіи. Надлежало бы прибавишь и женъ: ибо къ удовольствію своему въ анекдотахъ находимъ и Героинь, опличившихся достопамятными дѣянїями и добродѣтельными примѣрами. Выпишемъ что - нибудь:

Стр. 88. Анекд. 283. „Незначай сказанная истинна. Нѣкто женившись на „прекрасной дѣвицѣ, узналъ чрезъ нѣ- „сколько дней своей свадьбы, что краса- „вица дѣ замужства имѣла интригу, „опѣ которой произвела на свѣтѣ дѣшя- „пю, вскорѣ попомѣ умершаго; онѣ чрезъ- „мѣрно укорялѣ за то мать жены своей, „которая сѣ отрицала. Онѣ спросилѣ о „шомѣ у сестры шещиной, которая была „великая ханжа, не скажешѣ ли она ему „правды; она приведена была опѣ шого „вѣ великое замѣщашельство; солгашѣ еѣ „нехошѣлось, а обезславилѣ племянницу „свою шакже. Вошѣ средина, которую изъ- „брала она. Правда, сказала она, что „племянница моя имѣла сѣ, шолько ро- „бежомѣ былѣ шайѣ малѣ, что нешомѣшѣ „шого чтошѣ обѣ немѣ и говорилѣ.“

Стр. 101. Анек. 303й. „Смѣшное же- „ланіе крестьянки. Одна крестьянская „жена, которая во всю жизнь не шолько „не видала, но и неслыхала органовѣ, при- „шла изѣ деревни нѣкогда вѣ кирку. Кст- „да же начали играшѣ на органахѣ, шо „она упавши на колѣна, сказала сѣ глу- „бокимѣ вздохомѣ: о шы прїятная, слад- „копѣсенная дудочка! будь ко мнѣ бѣд- „ной милосшва, и приди ко мнѣ хоня „однажды вѣ домѣ, вѣ недалеко опшюда

„лежащую деревню. А чтобы ты не заблудилась, когда придешь в деревню, то знай, что я живу противу дому Тишаха Алексеева. — Потом вставши она, пошла домой и ожидала тщетно „органовъ.“ Прекрасно!

Въ 17й книжкѣ Вѣспника Европы напечатано письмо изъ Чембара отъ г. на В — а о примиреніи шамошнихъ Дворянъ М. . . го и М. . . а, которые по добровольному съ обѣихъ сторонъ согласію прекратили шяжебное свое дѣло. Нынѣ извѣстно, что обстоятельство сего примиренія происходили иначе, и что г. нѣ В — в слишкомъ пошоропился дославивъ къ издастелю Вѣспника описаніе шакого происшествія, о которомъ самъ онъ не имѣлъ подробнаго свѣдѣнія. Предостерегаемъ господина собирателя, помѣстившаго сіе извѣстіе въ Русскихъ анекдотахъ (нум. 565); при второмъ изданіи анекдотъ о примиреніи долженъ быть уничтоженъ; ибо въ историческихъ книгахъ недостоверныя повѣствованія и вымыслы мѣста для себя неимѣющыя. Въ замѣну же сообщаемъ ему другой анекдотъ, нынѣ многими извѣстный и неподверженный ни малѣйшему сомнѣнію: „Нѣкто, имѣя весьма ограниченныя познанія въ словесности и вкусъ весьма ненадежный, вздумалъ нащаскать

изъ разныхъ книгъ всякой всячины, напечатать ее въ двухъ частяхъ, и продавать подъ названіемъ *Рускихъ анекдотовъ*, или *достопамятныхъ дѣяній и добродѣтельныхъ примѣровъ славныхъ мужей Россіи.*“ Т.

IV. С М В С Б.

Примѣры ласкательства.

Въ придаточныхъ листкахъ къ Сѣверной ембси (Нѣмецкому журналу) напечатаны *Стихи къ Маріанѣ*. Надобно знать, что сія *Маріанна* есть не кто другой, какъ верховная дошадь нѣкотораго Французскаго Генерала; изъ чего и должно заключить, что Нѣмецкіе журналисты, истощившись въ прославленіи *людей*, признаютъ себя способными только вызывать къ *лошадямъ* ихъ. Поэтъ восклицаетъ обращаясь къ воспѣваемой *Маріанѣ*: *Герой желаетъ имѣть друга, и ты будешь другомъ герою!* а въ заключеніе молитъ судьбу, чтобы дозволила ему и *Маріанѣ* умереть за героя, при авляя, что пѣвецъ и лошадь въ такомъ случаѣ почли бы себя за счастливейшихъ тварей въ природѣ.

Еще страннѣе ласкашельство извѣстнаго стихотворца Баггезена, кошорой величаетъ славнаго Геше *Богомъ отцемъ*. Въ памятной книжкѣ сына Геше написалъ онъ стихи, кошорые заключаетъ шбмъ, что онъ всегда почиталъ старика Геше *творцемъ*, и боялся его какъ *судии*, а черезъ молодаго Геше узналъ, что старой Геше есть и *отецъ*, и что молодой Геше есть *посредникъ* между имъ и старымъ Геше! Это можешь идти подъ нару извѣстному ласкашельству одного Французскаго Мера, кошорой въ привѣстствіи своемъ нынѣшнему Императору Наполеону сказалъ между прочимъ: Богъ сошворилъ Бонапарте и — почилъ отъ трудовъ своихъ.

~~~~~

Анекдоты и замѣчанія изъ записокъ Дюшана.

Дюшанъ извѣстенъ многими сочиненіями. Напоследокъ онъ издалъ свою біографію подъ названіемъ *Записокъ отдыхающаго путешественника*: въ двухъ первыхъ частяхъ повѣствуетъ онъ о приключеніяхъ своей молодости, о дипломатической жизни своей въ Турціи и о путешествіяхъ своихъ по Франціи, Италіи, Голландіи и Германіи; рассказываетъ многіе анекдоты, описываетъ многихъ извѣстныхъ людей своего времени (отъ 1758 до 1798), и наконецъ въ третьей части прибавляетъ въ отрывкахъ свои замѣчанія. Выписываемъ нѣкошорые:

Графъ Вири принадлежалъ къ числу искуснѣйшихъ дипломашиковъ своего времени; но шонкость его часто выходила изъ предѣловъ, и простиралась до самыхъ бездѣлицъ. Онъ любилъ наблюдать скрышность даже въ частныхъ дѣлахъ своихъ. Обыкновенное приказаніе слугъ долженствовало оставаться непроницаемою для другихъ пайною. Слабость здоровья, ничего незначущій припадокъ у Его Сіяшества почитались на равнѣ съ важными государственными дѣлами. Одинъ разъ сдѣлался у него на ногѣ чирей; призванъ лѣкарь. Черезъ два дни появился чирей на другой ногѣ; Графъ пригласилъ другаго лѣкаря. Обои мѣ врачамъ строго было запрещено объявлять, что Графъ лѣчится. Это случилось незадолго передъ его смертію. Забавники говорили, когда онъ умеръ: „Графъ скончался; но онъ хочеть, чтобы никто объ этомъ не провѣдалъ.“

О нечувствительности Лудовика XV можно судить по слѣдующимъ произшествіямъ. Маркизъ Шовелень каждой вечеръ игралъ съ Королемъ, въ каршы, и по видимому былъ у него въ отличной милости. Въ одинъ день, въ самомъ покоѣ Королевскомъ, онъ пораженъ былъ параличемъ и умеръ въ то же самое время. Черезъ два дня Король побѣхалъ въ Трианонъ. Дорогою пала передняя лошадь. „Съ нею то же случилось, что съ Шовеленемъ!“ сказалъ Король весьма равнодушно. — Маркизъ Ескевиль всегда провожалъ Короля на охоту, и часто имѣлъ къ нему свободной доступъ. Бывши опасно боленъ, онъ узналъ, къ величайшему своему удовольствію, что Король ежедневно навѣдывался объ его здоровьи. Нѣсколько оправившись, Маркизъ полетѣлъ во

дворецъ, бросился къ ногамъ Государя и жаркими выраженіями изъявлялъ ему чувствва своей благодарности. „А! эшо вы, Г. Ескевиль? сказалъ Лудовикъ, перебивъ рѣчь его: признаюсь, я былъ швердо увѣренъ, что вы не встанете, и хотѣлъ-было приказашь, чшобъ васъ ананомировали. Мнѣ весьма хотѣлось узнать, кшо изъ вашихъ врачей правъ былъ въ своемъ мнѣніи!“ Бѣдной Маркизъ едва могъ на ногахъ удержашься. — Смерть сего слабаго Монарха почишаема была общимъ благодѣніемъ. Когда везли шѣло его, народъ кричалъ по улицамъ: шайау! шайау! Эшо былъ любимой возгласъ Короля на охотѣ. Приближаясь къ аббатству св. Дениса, процессія встрѣчена была громкими воплями: алали! алали! Такъ обыкновенно кричали при поражении оленя, когда Лудовикъ бывалъ на охотѣ.

Въ 1783 году Дюшанъ разговаривалъ съ Дюкомъ Шуазелемъ о достопамятномъ арестантѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Желѣзной маски*. Дюкъ увѣрялъ, что Лудовику XV свѣдома была шайна, и что сей Государь сказывалъ ему Шуазелю, будто всѣ догадки о немъ неосновательны. Черезъ нѣсколько времени послѣ шого, Маркиза Помпадуръ нашла удобной случай вывѣдашъ у Короля о *Желѣзной маскѣ*, и узнала, что сей арестантъ былъ *министръ нѣкотораго Италіянскаго государя*. Теперь надобно сообразить съ шѣмъ нижеслѣдующія обстоятельство. Аббатъ Бартелеми, коротко будучи знакомъ съ Маркизомъ Каstellаномъ, Губернаторомъ острова св. Маргариты, посредствомъ его досталъ *вѣнски семидесяти-девяти-лѣтняго шарика Клавдія Сушона, сына Якова Сушона, ко-*

торому извѣстны были шайныя дѣла Сенъ Марка, тогдашняго Губернатора. Клавдій Сушонъ неоднократно слышалъ какъ ошъ своего отца, такъ и ошъ нѣкоего Фавра, домоватаго священника Губернаторскаго, что арештантъ былъ Имперскій посланникъ въ Туринъ. Ясно, что Клавдій Манжуу, ленную обласъ Имперскую, смѣшалъ съ самою Имперією; но слова его нешеряютъ чрезъ то своей важности. Теперь надобно прочестъ письмо изъ Турина, писанное въ 1687 году и помѣщенное въ книгѣ Histoire abrégée de l'Europe, нынѣ мало извѣстной. Тамъ найши можно, что въ 1685 году одинъ Маншуанскій посланникъ находилъ ся въ Туринъ; что Французскій посолъ Маркизь д'Арси, бѣдивши съ нимъ на охотѣ, заманилъ его къ границѣ, и тамъ приказалъ схватишь переодѣтымъ людямъ, которые привезли его сперва въ Пиньероль, а потомъ на островъ св. Маргариты. За что? за то что онъ участвовалъ въ составленіи общаго Италіянскаго союза противу Франціи.

~~~~~

Письмо къ Издателю.

Съ 1802 года получаю я непрерывно Вѣстникъ Европы, и читаю его съ удовольствіемъ; но сіе удовольствіе на нѣсколько минутъ прервано было письмомъ изъ Чембара, ошъ Г . . . на В . . . а, въ 14 Но (нынѣшняго года) на 122 страницѣ напечатанномъ. Г. В . . . въ пишешъ:

„М . . . й и М . . . въ имѣли пляжебное дѣло, начавшееся между фамиліями по-

го и другаго, и продолжавшееся около осмидесяти лѣтъ. Во все сіе время обѣ стороны взаимно питали наслѣдственную ненависть другъ къ другу. Наконецъ дѣло рѣшено въ пользу Г-на М . . . го; соперникъ долженъ былъ заплашить искъ, превосходящій все его имѣніе.“ —

М . . . й и М . . . вы (ибо ихъ двое) никогда не имѣли между собою шяжебнаго дѣла, ниже предки первыхъ съ предками послѣднихъ. По какой же Алгебрѣ вычислилъ Г. В . . . въ, что искъ превосходилъ все имѣніе? По крайней мѣрѣ надлежало бы сказать, какимъ Присудственнымъ мѣстомъ наложенъ былъ потъ искъ. Впрочемъ еслилибъ и подлинно это случилось, по Гг да М . . . вы имѣютъ движимаго и недвижимаго имѣнія болѣе нежели на сто тысячъ рублей, слѣдственно въ силахъ были бы и искъ заплашить и жить свободно.

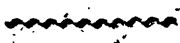
„Почтенный Г-нъ Арсеньевъ узнаетъ о случившемся; опасая собственные дѣла, потчасъ ѣдетъ къ Г-ну М . . . му, которой до сего времени не имѣлъ съ нимъ знакомства; живыми красками изображаетъ онъ ему бѣдственное положеніе Г-на М . . . ва; убѣждаетъ прекращить дѣло примиреніемъ; краснорѣчиво, съ жаромъ челоуѣколюбія описываетъ великость благодаренія (мнимаго), которое Г-нъ М . . . й безъ труда оказать можетъ ближнему, и шѣмъ дославивъ самому себѣ пріятнѣйшее удовольствіе. Убѣжденный прозьбами и движеніемъ доброй души своей, Г-нъ М . . . й согласился опказаться

отъ иска своего (мнимаго) за нѣкошерую сумму, кошорая однакожъ была бы шяго-спна для Г-на М ва. Почтенный Арсеньевъ съ новымъ жаромъ просилъ о снисхожденіи. Сдѣлана уступка; еще просилъ — и Г-нъ М й рѣшилъ взять самую умѣренную сумму, единственна на однѣ пробспи имъ издержанную. — Вотъ примѣрное великодушіе! Г-нъ Арсеньевъ слезами радости благодарилъ Г-на М го, какъ за свое собственное дѣло. Какія слѣдствія твердой рѣшительности благороднаго сердца! Тяжба кончена, взаимная вражда прекращена, и обѣ стороны остались довольны. —

Тутъ каждое слово заключаетъ въ себѣ несправедливостъ, и всего болѣе на счетъ почтеннаго Г. Арсеньева, кошорой никогда не ѣздилъ къ Г-ну М му. И было бы это слишкомъ запруднительно, ибо М й живетъ въ Тамбовской Губерніи, отъ Чембара во 150 версахъ. Онъ самъ въ прошломъ году мимоѣдомъ останавливался въ Чембарѣ и пожелалъ видѣться съ своими соперниками, что и послѣдовало въ домѣ одного изъ нихъ, гдѣ Г-нъ Арсеньевъ увидѣлъ его, и, вникнувъ въ существо предпринимаемой имъ тяжбы, говорилъ хладнокровно, безъ всякаго жара, съ сильнымъ однакожъ доказательствомъ, чтобъ Г-нъ М й не начиналъ дѣла, неприносящаго никакихъ выгодъ обѣимъ сторонамъ. Да и ктожъ бы сего не сдѣлалъ, естлибъ случился при такомъ разбирашельствѣ? Г-да М вы съ признашельностію ошдаютъ справедливостъ благороднымъ чувствованіямъ почтеннаго Арсеньева и останутся ему всегда благодарными; но

Г-нъ М й и слышать не хотѣлъ о безкорыстномъ примиреніи, доказывая, что, слишкомъ 20 лѣтъ вѣдывъ по городамъ и много сдѣлавъ издержекъ, безъ возмездія не примирится и подастъ исковую жалобу. Что оставалось дѣлать Г-мъ М мъ? Приобыкши къ сельской безмятежной жизни, не захотѣли они ее оставить, не захотѣли сноваться по улицамъ городовъ, заплашили довольно значительную сумму Г-ну М му, и дѣло кончилось примиреніемъ. Вотъ все, о чемъ Г-нъ В вѣ надбавлялъ столько восклицаній. Была ли ему удобнѣе собирать высоконарныя слова: *благодѣліе, снисхожденіе, великодушіе; бѣдствіе крайности, искъ превышающій все и живіе — и слезы радости?* Я скажу опроверженно, и скажу вслухъ, что ешьлибъ Г-да М вы проиграли шажбу и положенъ бы на нихъ былъ искъ, не подарилъ бы имъ Г-нъ М й ни копѣйки, взыскааъ бы все; неудобность состоянъ только въ томъ, что достигать этого очень трудно, и она-то заставила его примириться. Честь ямъ бышь и проч.

В рѣ М въ.
Чембаръ.

Московскія записки.

Дѣвица Жоржъ съ Дидонъ Лефрана
де Помпильяна.

Скажемъ нѣсколько словъ о самой трагедіи. Лефранъ заимствовалъ главныя и самыя разительныя положенія у Виргилія; но онъ имѣлъ искусство охладить и сдѣлать непривлекательнымъ все то, что восхищаетъ насъ въ Энеидѣ. Надлежало бытъ Расиномъ — то есть имѣть необыкновенный даръ Поэта, знакомаго съ человѣческимъ сердцемъ и способнаго изображать его страсти живыми красками — чтобы цѣлншь насъ спрданіями Дидоны; Лефранъ не имѣлъ сего дара, и его Дидона скучна отъ начала до конца, не смотря на многіе блестящіе стихи и близкое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подражаніе Виргилію.

Главная погрѣшность Лефрана, естли не оцибаюсь, состоитъ въ томъ, что онъ, желая высказать Дидону, забылъ совершенно объ Энеѣ. Какая была его цѣль? Разпространить несчастною страстию Дидоны! Но для того, чтобы эту страсть сдѣлать для насъ привлекательною, надлежало и самый предметъ этой страсти представить ея достойнымъ; чтобы возбудить сожалѣніе къ Дидонѣ оставленной, надлежало насъ прежде убѣдить, что любовь Энея могла бы составить ея счастье, и наслажденія счастливой любви на минушу противуположить ея горестямъ. Естли бы мы видѣли въ Энеѣ страстнаго любовника и героя, обжающаго славу наравнѣ съ Дидоною; когда бы эти двѣ страсти одинаково господствовали въ его сердцѣ, но послѣдняя была бы на время пог-

чинена первой, такъ чтобы Эней, въ своемъ ослѣпленіи, почиталъ и Боговъ сообщниками его сердца; естли бы въ ту минушу, когда онъ является на сцену, увидѣли мы его восхищеннаго своею любовію къ Дидонѣ, щасливаго своимъ ослѣпленіемъ, щасливаго мыслию, что онъ получилъ вѣнецъ изъ милой руки; что будѣтъ защитникомъ ея прона; что онъ усилитъ ея могущество; что слава его не будѣтъ раздѣлена съ ея славою, и наконецъ, естли бы онъ началъ бороться съ своею страстію не прежде, какъ послѣ притовора Боговъ, опредѣлившихъ ему удалишь ся: тогда и зритель могъ бы наполниться чувствами Дидоны; ея восхищеніе было бы для него понятно, а горестъ ея (незаконный, почему и разительный переломъ судьбы) въ ту минушу, когда она теряетъ Энея, по дѣйствовала бы на него сильно, ибо тогда онъ былъ бы увѣренъ, что вмѣстѣ съ Энеемъ изчезло и все ея щастіе.

Что же видимъ напротивъ въ Лефранковомъ Энеѣ? Любовника безъ любви, героя безъ сильной привязанности къ славѣ. Страсть Дидоны почитаетъ онъ *благодаряніемъ*, а собственная любовь его не иное что, какъ *благодарность*. Эней честный человекъ — думаетъ зритель — но жаль, что Дидона его любитъ! онъ не имѣетъ для нее сердца!

Первая обязанность Трагика состоитъ въ томъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе познакомилъ зрителя съ господствующею страстію своихъ лицъ; ибо на участіи въ этой страсти основано все дѣйствіе, производимое на насъ Трагедіею: мы непременно должны

знать; чего желаютъ наши герои и что имъ проливно; чтобы раздѣлять ихъ желанія и за нихъ бояться. И вошъ какъ Лефранъ знакомишъ насъ съ спрасною Энею:

Je jouis à regret des bienfaits de la reine;

Que m'annonce ce trouble et qu'en dois-je
augurer?

Quoi! de ces lieux encore faudra-t-il que je parte?

Se peut-il que le ciel, que Junon m'en ecarte,

Que je sois sans asile, et que les seuls Troyens

Perdent dans l'univers le droit des citoyens?

Это первые слова Энея. Эней въ нервѣшности — слѣдовательно онъ не имѣетъ спра-
спи. Возможность разлуки съ Дидоною сама
собою представляется его душѣ: она пред-
упредила приговоръ Боговъ. Мысль

Quoi! de ces lieux encore faudra-t-il que
je parte?

была бы ударомъ убійственнымъ для любовни-
ка спрасною, но для него оно естественное
слѣдствие той унылости, которою онъ напол-
ненъ; онъ боится, чтобы Юнона опять не по-
велѣла ему оставить Карфагену — боится не
потому, чтобы разлука съ Дидоною ужасала
его, а потому единственно, что ему уже
наскучило спрасновать по морямъ съ сво-
ими Троянами! Таковъ полубогъ, возпламенив-
шій Дидону! Холодность его одинакова во
все продолженіе Трагедіи: она совершенно
уничтожаетъ то дѣйствіе, которое могла бы
имѣть на зриателя; сначала спрасная нѣж-
ность, потомъ упреки и горестъ Дидоны.
Любовь, съ одной стороны пламенная, съ дру-
гой ощущаемая слабо, всегда отвращительна
на сценѣ: она можетъ быть благородна, слѣд-

ственно и привлекательна или опѣ взаимности, или опѣ неразлучнаго съ нею страданія; напротивъ низка, почему и отвращительна, естли (какъ бы впрочемъ ни была сильно представлена) усуремляется на предметъ, ея недостойный. Дидона могла бы пронуть зрителья, когда бы Эней и ему казался такимъ же почно, каковъ онъ въ глазахъ Дидоны: но зритель (благодаря Поэту) не можеть раздѣлять ослабленія любовницы и чувства ея шряющъ для него всю свою силу. На примѣрѣ — не льзя удержаться опѣ инокшораго невольнаго отвращения, когда Дидона говоритъ Энею: *Je devois te haïr, ingrat! et je t'adore!*

Что нашла она достойнаго обожанія въ этомъ жалкомъ человѣкѣ? спрашиваетъ зритель, и онъ по же думаетъ во все продолженіе Трагедіи. Помпильянь, изображая Дидону; имѣлъ передъ глазами четвертую книгу Энеиды; но характеръ Энея надобно было *составить*, а это превосходило его талантъ, и онъ изъ прагматскаго произшествія сдѣлалъ весьма холодную Трагедію. Много бы можно было сказать о ея планѣ и ходѣ, характерѣ Ярба, о лицѣ Мадгербада, совершенно лициемъ, о слогѣ Поэты — но мы пишемъ не крипику; и такъ, ограничивъ себя одними общими замѣчаніями о двухъ главныхъ характерахъ сей Трагедіи, обращимся къ дѣвицѣ *Жоржъ*.

Мы имѣемъ удовольствіе видѣть ее два раза въ ролѣ *Дидоны*, и во второй разѣ (такъ же какъ и въ *Федрѣ*) играла она гораздо лучше, нежели въ первый. Тогда чувствительна была въ ней какая-то разсвѣанность; она дѣлала скачки въ переходѣ изъ одного чувства въ другое; первая сцена съ Ярбомъ де-

дламирована была слишкомъ на *разнѣвъ*, и голосомъ однообразнымъ: мы видѣли не Дидону, а дѣвицу *Жоржъ*, которая чипала выученное наизусть, безъ всякаго отношенія къ тому, что сказано было за минупу Ярбомъ. Но въ послѣдній разъ это однообразіе было менѣе ощушишельно — за по стихи:

J'entends et vois ce qu'on m'annonce ;
Je sais combien les rois doivent être irrités,
D'une paix, d'un hymen trop souvent rejetés;
Un refus est pour eux le signal de la guerre.
Autour de mes remparts ensanglantez la terre;
Jarbe, je le vois, est tout pret d'eclater ;
Je l'attends sans me plaindre, et sans le
redouter.

произнесены были нѣсколько *плачевныхъ* голосомъ — такой тонъ едва ли приличенъ Дидонѣ: она опдаешъ пресціоль свой Энею, въ которомъ будетъ имѣть мужесцвеннаго защитника, и мысль объ Энеѣ должна быть въ душѣ ея, когда она говоритъ съ Ярбомъ, на предложенія котораго она вчала, за нѣсколько минушъ, какъ гордая Царица. Слова :

Je l'attends sans me plaindre —

также были сказыны голосомъ *жалобнымъ*: такая несообразность выраженія съ мыслию была нѣмъ ощушишельнѣе, чца полусщищіе:

— et sans le redouter

произнесено было съ швердостію и величіемъ,

Еще два замѣчанія такого же рода. Въ сценѣ съ *Элизой* и *Барсе* не слишкомъ ли живо изображаетъ дѣвица *Жоржъ* разрушеніе Трои ?

Même après le danger on craint pour ce qu'on aime.

Je crois voir les combats que j'entends raconter ;

Je fremis pour Enee et je cours l'arreter :

Tantot sous ces remparts, que la Grece environne,

Je le vois affronter les fureurs de Bellone !

Je le suis, et des Grecs defiant le courroux,

Je pretends sur moi seule attirer tous leurs coups :

Mais bientôt sur ses pas je vole epouvantée

Dans les murs faccagés de Troie ensanglantée :

Tout n'est à mes regards un vaste embrasement ;

A travers mille feux je cherche mon amant !

Когда Меропа описываетъ Именѣ шу спрашную ночь, въ которую Кресфоншъ и дѣши ея были умерщвлены передъ ея глазами, тогда всѣ ужасы убійства должны возобновиться въ ея воображеніи : она сама была ихъ зрительницею ; она можетъ *видѣть передъ собою* умирающаго Кресфонша, и всѣ ея движенія должны быть живописны ; но *Дидона* была только въ мысляхъ свидѣтельницею разоренія Трои : обстоятельство его не должно представляться ей живо, а развѣ только въ отношеніи къ Энею, ибо въ пылающей Троѣ видишь она одного только Энея ; слѣдовательно, говоря :

Je le suis et des Grecs defiant le courroux

Je pretends sur moi seule attirer tous leurs coups.

она должна останавливаться воображеніемъ не на Грекахъ, преслѣдующихъ Энея, а на самомъ Энеѣ, и лицемъ своимъ выражать не

ужасъ, не страшное чувство любовницы, которая съ восхищеніемъ готова умереть за того, къмъ полно ея сердце.

Tout n'est à mes regards qu'un vaste embrasement!

Этого стиха не надлежало бы слишкомъ опдблять отъ прочихъ; шутъ живописность совсбмъ не умбста: поразивъ воображеніе зрителя предметомъ постороннимъ, отвлечешь необходимо душу его отъ главнаго чувства — того, которое должна произвести въ ней спрость Дидоны.

Въ концѣ IV сцены III Акта Дидона говоритъ Мадгербалу:

Qui malgré les malheurs ou son courroux
nous jette,

Allez et que ma garde assure sa retraite;

Que ce prince à l'abri de toute trahison

Accable s'il le peut, mais respecte Didon:

J'aime mieux, au peril d'une guerre barbare,

Que l'univers, temoins du fort qu'on me
prepare,

Condamne un vain excès de generosité,

Que s'il me reprochait la moindre lacheté.

Эти стихи дбвица Жоржъ произнесла съ шбмъ благородствомъ, которое прилично Царицѣ: на лицѣ и въ глазахъ ея блисало величіе; но шотчасъ послѣ стиха (при которомъ выходитъ Мадгербалъ):

Que s'il me reprochait la moindre lacheté
она обращается къ Элизѣ:

Ah! c'est trop retenir ma douleur et mes
larmes.

и въ этомъ переходѣ къ другому чувству, кажется, не соблюдена была надлежащая постепенность. Важный голосъ *вдругъ* перембнился на жалобный и плачевный; величественное лице

сдружъ сдѣлалось печальнымъ; а эти два сши-
ха, естли не ошибаюсь, надлежало бы отдѣ-
лить одинъ отъ другаго крашкимъ молчані-
емъ; и говоря:

Ah! c'est trop retenir ma douleur et mes larmes
сохранить по крайней мѣрѣ въ голосѣ нѣсколь-
ко того принужденнаго спокойствія, съ-ко-
торымъ Дидона за минушу говорила Мадгерба-
лу о Ярбѣ.

Въ двухъ сценахъ съ Энеемъ и въ по-
слѣдней, когда Мадгербалъ приноситъ Дидо-
нѣ извѣстіе объ отбѣздѣ Энея (лучшихъ во
всей Трагедіи), игра дѣвицы Жоржъ была
прекрасна, особливо въ послѣдній разъ. На-
добно однако замѣнить вообще, что *нѣж-
ность* выражаетъ она не такъ щастливо,
какъ *сильную горестъ и негодованіе*. Нату-
ра создала ее для характеровъ важныхъ гор-
дыхъ, великихъ: величіе можно назвать ее
Принадлежностію; она царица наружностію,
движеніями, паномъ, лицомъ; но она гораздо
меньше имѣетъ способности для характеровъ
нѣжныхъ. Въ голосѣ ея, звонкомъ и чистомъ,
нѣтъ довольно мягкости, нѣтъ звуковъ, прога-
ющихъ душу; *нѣтъ слезъ*, какъ говоритъ
Лигарпъ о молодой Актрисѣ Госсень, кошорая,
въ золотое время Французскаго Театра, вос-
хищала Парижъ, играя Заиру. Дѣвица Жоржъ
можетъ производить удивленіе, поражать,
а не прогать; она менѣ дѣйствуетъ на зри-
теля въ такіа мигушы, когда изображаетъ
или меланхолію страсти, или одно тихое
чувство любви, или то состояніе души, ко-
гда отчаяніе смѣшано въ ней съ нѣжно-
стію. На примѣръ, въ Федрѣ (быть можешъ
единственная роля страстной любовницы,
примечная таланту дѣвицы Жоржъ: ибо

любовь Федры есть одно сраданіе и никогда не переходить въ нѣжностъ) когда игра ея самая слабая? Въ ту минушу, когда Федра говоритъ Энонѣ о своихъ дѣшяхъ, когда сильное опчаяніе должно успулишь въ ней мѣсто меланхолической скорби! И въ Дидонѣ всѣ нѣжныя черпты любви были выражены нѣсколько слабо. За шо дѣвица Жоржъ шорже-спвуетъ въ тѣхъ сценахъ, которыя пре-буютъ величія и силы; въ незапныхъ пере-ходахъ изъ одного чувства въ другое про-шивное, на примѣрѣ изъ покояштва въ ужасъ, отъ радости къ сильной печали. Игрою лица шрогаешъ она гораздо болѣе, нежели голосомъ и движеніями; глаза ея прелесшны, когда они или вдругъ воспламеняющся яркимъ огнемъ сильнаго чувства, или наполняются мало по малу шѣмъ легкимъ, почти невидимымъ пла-менемъ, которое прошивъ воли измѣняетъ глубокому чувству сердца.

Эней приходитъ изъ храма, гдѣ слышалъ онъ приговоръ Боговъ, повелѣвающихъ ему удалиться — онъ говоритъ Дидонѣ:

*Que vous dirai-je enfin? Accablé de douleur,
Déchiré par l'amour, entraîné par l'honneur.*

и на лицѣ ея изображалось робкое ожиданіе, соединенное съ предчувствіемъ ужаснаго:

Qu'avez vous résolu?

Спрашиваетъ она такимъ голосомъ, въ ко-торомъ ощутишельно было, что она спра-шивая отвѣта, хотя уже предузнала его. Эней отвѣчаетъ:

Plaignez plutôt mon ame!

*Tout parlait contre vous, ton condamneait ma
flamme,*

*Ma gloire, mes sujets, nos pretres et mon
fils....*

и нерѣшимость, которая приводила въ движеніе лице Дидоны, исчезло: оно быстро измѣнилось; глаза ея, за минушу оживленные ожиданіемъ, вдругъ поухли.

N'achevez pas, cruel! vous avez tout promis! . . .

сказала она голосомъ слабымъ, которымъ прекрасно выражено было внезапное изнеможеніе и сердца и силъ плѣсныхъ. Въ выраженіи стиховъ:

Est-il bien vrai? ce jour va donc nous separer?
Qui me consolera dans mes douleurs profondes?
Mon coeur, mon triste coeur vous fuivra sur
les ondes;

Et d'une vaine gloire occupé tout entier,
Au fond de l'univers vous irez m'oublier! . . .
M'oublier! . . .

желалъ бы я найти болѣе меланхолической чувствительности, нежели горести сильной, шѣмъ болѣе, что ихъ надлежало непременно замѣшнымъ опшѣнкомъ опдѣлать онѣ послѣдняго слова:

M'oublier!

Въ первыхъ пяти стихахъ Дидона говоритъ объ одной только разлукѣ, и сердце ея пронупо сильно; но это чувство болѣе унылое, нежели горестное: разлука не столь ужасаетъ ее какъ забвеніе, и только на словѣ: *m'oublier*, унылость должна была обратиться въ горесть. Это слово сказано было прекрасно; но оно несравненно сильнѣе пронупо бы зрителя, когда бы предвидущіе стихи не ослабили его дѣйствія, именно пошому, что были произнесены такимъ же тономъ, какъ и оно.

Въ шестой сценѣ прѣпяго дѣйствія, когда оскорбленная Дидона дѣлаетъ упреки Энѣю, и въ послѣдней пястаго, когда, узнавъ

объ Энеевомъ отбѣдѣ, она осыпаетъ его проклятіями (и та и другая по черпуну изъ *Виргилія*) игра дѣвицы *Жоржъ* была превосходна. Стихи:

Non! tu n'es point le sang des heros, ni des Dieux!

Il faut d'autres raisons pour convaincre une amante!

Tes Dieux sont le parjure et l'infidelité!
(acte III scene VI.)

Temble, ingrat! je mourrai; mais ma haine vivra!

Et moi je te declare une guerre immortelle!
(acte V. scene IV.)

произнесены были съ необыкновенною выразительностью; но мы замѣтимъ здѣсь опять, что роли вѣжныхъ любовницъ несвойственны паланшю дѣвицы *Жоржъ*: *Агриппина*, *Аталія*, *Клеопатра* (въ *Корнелевой Родогунѣ*) *Семирамида* — вотъ характеры, единственно ей принадлежащіе.

*

„Династія *Вестрисовъ* есть чудный феноменъ — говоритъ одинъ Французскій Журналистъ (*Жофруа*) — въ ней великое дарованіе, вопреки опытамъ всѣхъ вѣковъ, переходитъ по прямой линіи отъ отца къ сыну — дарованіе прыгашъ и плѣняшъ глаза чудесными прыжками. *Вестрисъ Великій*, или I, имѣлъ достойнаго преемника въ своемъ сынѣ; *Вестрисъ II* произвелъ въ свою очередь *Вестрису III*, или *Армана Вестрису*; но дѣдѣ оставилъ уже бранный міръ: онъ живетъ только въ памяти знапоковъ, а внукъ шаж-

и цуешь шеперь за Альпійскими горами. Богиня Терпсихора, любезная повелишельница, всего, что имѣешь легкія ноги, погружена была въ уныніе — вдругъ появился у двора ея Принцъ крови изъ дома Весприсовъ, Карлъ Весприсъ, или Весприсъ IV, восхищительный прыгунъ двенадцати лѣтъ, и милая, нѣсколько приунывшая Богиня панцовъ опять, начинаетъ улыбаться! . . . Оставимъ улыбаться Парижскую Терпсихору, а Господина Жофруа считаешь по пальцамъ великихъ людей Весприсовой династїи — сѣверная Терпсихора не завидуешь южной, ибо она имѣешь при дворѣ своемъ Дюпора, ни I ни II ни III, а просто *единственнаго*. Побѣдивъ въ Парижѣ Весприса, царя Весприсовъ, онъ разсудилъ промѣнять Югъ на Сѣверъ, и шеперь жители сѣвнаго Пепербурга не жалуются болѣе на зиму за то, что она разлучаешь ихъ, на цѣлые пять мѣсяцевъ, съ зефирами: благодаря Дюпору, они, каждую недѣлю два раза, имѣешь удовольствїе видѣть самаго Бога зефировъ въ Театрѣ: иногда представляешь онъ имъ въ собственномъ своемъ видѣ, съ бабочкиными крыльями, легкой, милый, привлекательный, одаренный всѣми прїятностями, какими онъ обладалъ въ старину, по словамъ Историка басни блаженной памяти Овидія; иногда, въ образѣ Адониса, пламеннаго обожателя Венеры (хотя нѣсколько робкаго въ присутствїи Марса, извѣстнаго грубіяна); иногда въ видѣ забавнаго цирюльника *Фигаро*; иногда (чему не скоро повѣришь попомощво) въ Рускомъ кафтанѣ синяго цвѣта, обшитомъ серебрянымъ голуномъ, въ сапогахъ, съ красными сафьянными отворотами. Все это не доказываетъ ли неоспоримо, что въкъ Овидіе-

выхъ превращеній еще не миновался? И Дюпоръ, который вѣчно Зефиръ, не смотря на его чудесныя превращенія, не достоинъ ли, по справедливости, имѣть какогонибудь Овидія своимъ Биографомъ? Сообщаемъ нашимъ читателямъ его портретъ, списанный съ натуры и весьма сходно однимъ Французскимъ живописцемъ (или поэтомъ, что все равно) по имени Вершуй:

Jamais Zéphyr humain ne parut si léger :
 Dans tous les autres vents rampant dans la
 carrière,
 On avait reconnu le poids de la matière ;
 Mais lui seul dégagé des terrestres liens,
 Parait en tout semblable, aux dieux aériens.
 Du parterre charmé l'œil peut le suivre à
 peine

Parmi les jeunes fleurs qu'agite son haleine!
 Этомъ любезный Зефиръ удивлялъ и, по увѣренію людей, которые обо всемъ знаютъ и все слышатъ, еще нѣсколько времени будетъ удивлять Москву своею легкостію и своими превращеніями, вмѣстѣ съ премо подругами Бѣгини Терпсихоры, которые разсудили пожаловать къ намъ incognito, подъ скромными именами Сенклеръ, Новицкой, Иконинды — но Публика Московская, какъ извѣстно, весьма проницательная, очень скоро замѣтитъ обманъ.

✱

Не странно ли? Г. Фрожеръ, имѣющій отличный комическій талантъ, выбралъ для бенефиса своего такую піэсу, въ которой нельзя было ему показать никакого таланта: Пародію Лашушевой *Ивигенія въ Тавридѣ*. Если вѣришь спрогимъ Аристархамъ, то всякая пародія (надобно замѣтить, что эмпіи *восхода* называютъ пародію злоупотребленіемъ

Т в

Драмматическаго искусства) можетъ имѣть въ которую пріятность только тогда, когда представляющъ пошчасъ послѣ той Трагедіи или Драмы, на которую она сдѣлана. Но мы, не видавши Лапушева Ореста, могли ли смотрѣть съ удовольствіемъ на Ореста Фава-рова (Авторъ Пародіи, естли въришь Театраль-ному объявленію, и Вуазенонова, естли въ-ришь Исторіи)? Господинъ *Фложеръ* смѣшилъ насъ очень много, это правда; но только не игрою своею, а шѣмъ единственно, что онъ выступилъ на сцену въ Греческомъ платьѣ и важнымъ голосомъ декламировалъ вздорные стихи. Много *дарованія* показалъ и Господинъ *Дюкло*, ибо онъ представлялъ Пилада въ огромной прическѣ, съ пуклями, въ пудрѣ, въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, и хотѣлъ подняшь Тоаса на воздухъ вилами, какъ обыкновенную копну сѣна. Всѣхъ лучше играла Госпожа *Фурезъ*: она старалась представить намъ въ каррикатурѣ дѣвицу *Жоржъ*, и мы въ самомъ дѣлѣ имѣли удовольствіе видѣть — каррикашуру дѣвицы *Жоржъ*.

*

Дѣвица Жоржъ въ Вольтеровой Семира-мидѣ.

Вольтеръ есть самый разительный изъ Трагиковъ Французскихъ; *Grappez fort plutot-que juste!* говорилъ онъ (Лагарпу, естли не ошибаюсь). И почти во всѣхъ своихъ Трагедіяхъ держался онъ эшаго правила: потрясши душу зришеля ударами сильными, онъ ее порабоцалъ. Корнель удивляетъ высокостію мыслей и чувствъ; но удивленіе, дѣйствуя на одинъ только разумъ, — именно пошому не можетъ оснавишь глубокаго слѣда на сердцѣ:

его продолжительность утомляетъ. Расинъ прогааетъ до глубины души; но онъ *постепенно* приводитъ насъ къ сильному чувству; онъ наполняетъ имъ *всю* душу, слѣдовательно дѣйствуетъ медленно: оно глубокое, полное, а потому и не разительное. Вольперъ напрошивъ достигаетъ до сердца съ помощью воображенія: покоривъ насъ силою, онъ почитаетъ позволеннымъ пренебрегать тѣмъ мѣлкія подробности и опшѣнки, которыя сильное чувство могли бы сдѣлать глубокимъ и продолжительнымъ. Изъ Трагедій Расиновыхъ выходитъ съ живѣйшею чувствительностію, въ разположеніи меланхолическомъ; послѣ Трагедій Вольперовыхъ сердце поражено и воображеніе пылаетъ.

La verité terrible est du ciel descendue,
Et du fein des tombeaux la vengeance est
venue.

На эпихъ двухъ стихахъ, можно сказать, основана вся Семирамида; но это основаніе передъ глазами крипки. Напрасно Стихотворецъ выводитъ *жценіе изъ гроба* и заставляетъ Небо заботиться объ открытіи *страшной тайны*: великій жрецъ Орозъ знаетъ давно, что Семирамида и Ассуръ убійцы Нина: слѣдовательно все то, для чего разрушены законы Природы, спокойствіе могилы возмущено и тѣнь оставляетъ гробовой пепелъ, могло бы исполнено быть самыми простыми, человѣческими средствами: имянно, съ помощью двухъ понятныхъ словъ изъ устъ жреца Ороэса; слѣдовательно Трагикъ построилъ воздушный замокъ: онъ ужасаетъ насъ *Китайскими тѣнями*. Не смотря однако на это великій недоспапокъ, и также не смотря на то, что въ Семирамидѣ истинное дѣйствіе начинается только въ концѣ

препятаго акта, эта Трагедія оставляетъ на душѣ зрителя впечатлѣніе чрезвычайно сильное. Въ чемъ же очарованіе Стихотворца? Въ слогъ его, которымъ онъ воспламеняетъ воображеніе: мы окружены такою-то спрашною присутственностію, и ожиданіе сверхъестественнаго производитъ произвольный шепетъ въ сердца; въ изображеніи великаго характера: въ положеніяхъ разительныхъ, ужасныхъ и вмѣстѣ прогающихъ душу, и наконецъ въ великолѣпнн зрѣлища. Послѣ того, когда мы уже узнали, что Семирамида мать Арзаса; что Нинова тѣнь пребываетъ мщенія, которому надлежитъ совершиться во глубинѣ его гроба, и отъ руки Ниніаса, еще незнающаго, кто нареченъ жертвою отъ Неба; когда Семирамида входитъ въ этотъ ужасный гробъ, и когда Ниніасъ, обманутый Аземою, которая сказываетъ ему, что Асуръ скрывается во гробѣ, Нина восклицаетъ, обнаживъ мечъ:

Grands Dieux! tout est donc éclairci,

Mon coeur est rassuré! la victime est ici!

кто изъ зрителей не содрогается отъ ужаса! и какая потомъ картина!.. Семирамида, блѣдная, полумертвая, медленно идущая изъ глубины гроба, при блескѣ молній, и наконецъ умирающая на рукахъ своего сына, своего убійцы... можетъ быть ни въ какой другой Трагедіи не найдемъ ничего, что бы поражало и сердце и вмѣстѣ воображеніе такъ сильно, какъ два послѣдніе акта Семирамиды; но также и ни въ одной Трагедіи сила впечатлѣнія не зависитъ такъ много отъ пышности зрѣлища и соответствешвованія декораций воображенію Поэта и зрителя: Нининъ гробъ есть *дѣйствующее* лице въ Семирамидѣ; онъ

долженъ поражашь насъ огромностію и величіемъ своей архипектуры:

Se vaste mausolée ou repose Ninus !

Когда Ниніасъ входитъ въ него съ обнаженнымъ мечемъ, какъ мститель, ведомой Небомъ: тогда и воображеніе зрителя невольно слѣдуетъ за нимъ во глубину могильнаго мрака, гдѣ совершается мщеніе ужасное; но спрашиваемъ: будетъ ли воображеніе обмануто, и слѣдственно одна изъ самыхъ разительныхъ сценъ Трагедіи не потеряетъ ли все свое дѣйствіе, еслии эпитъ гробъ не иное что, какъ низкая, изпещренная какими-то знаками пирамида, на двухъ или трехъ ступеняхъ, съ смѣшными перилами, на которыхъ наброшенъ лоскутъ краснаго сукна; и когда сквозь опворенныя двери, ведущія въ мрачное подземелье, видишь заднюю кулису и людей, подлѣ нее стоящихъ? Сцена, въ которой Семирамида избиваетъ себѣ супруга передъ народомъ, жрецами и вельможами Вавилона, есть одна изъ самыхъ величественныхъ сценъ Трагедіи; но она только насмѣшитъ, еслии за прономъ, вмѣсто многочисленнаго народа, увидимъ не болѣе десяти воиновъ, и еслии вельможи Семирамидины будутъ сидѣть на креслахъ изъ краснаго дерева, шакихъ точно, на какихъ вельможи XIX вѣка сидятъ, въ часы опдохновенія, за боспономъ. Также очень много зависишь и отъ того убора, въ какомъ является Нинова пѣнь среди собранія Чиновниковъ и народа: еслии мы увидимъ маденькую человѣческую фигуру, еслии на нее вмѣсто гробовой одежды, обширной, влекущейся по землѣ, будетъ накинутъ мѣшокъ темнаго цвѣша; еслии эпитъ *ужасный, лютительный духъ*, выходя изъ гроба, будетъ съ

благоразумною осторожностію смотрѣть подѣ ноги, чтобы не зацѣпиться за порогъ, и еспьли, наконецъ, проговоривъ нѣскольکو словъ такимъ голосомъ, какимъ обыкновенные смертные говорятъ о погодѣ, сочтеть онъ за нужное оборотиться ко всѣмъ спиною, чтобы войти опять въ гробъ, а не слѣдѣшь въ него стремглавъ по ступенямъ — тогда мы будемъ имѣть удовольствіе посмѣяться отъ доброй души въ такой сценѣ, въ которой Спихотворцу хотѣлось насъ уморить отъ страха,

Дѣвица *Жоржъ* торжествуетъ въ *Семирамидѣ*: природа одарила ее щѣмъ величіемъ, которымъ воображеніе наше украшаетъ славную Царицу Вавилона. Какимъ разительнымъ взглядомъ отвѣчаетъ она Ассурѣ (въ VII сценѣ II акта), когда онъ говоритъ ей:

Quand la terre obéit, que craignez vous des Dieux ?

Она указываетъ на гробницу Нина (котораго Ассуръ отразилъ ядомъ), и послѣ минушнаго молчанія, во время котораго пристально разсматриваетъ она лице Ассура, произноситъ:

La cendre de Ninus repose en cette enceinte,
Et vous me demandez le sujet de ma crainte?
Vous !

Вся великость Семирамиды выражена была въ стихѣ:

Telle est ma volonté, constante, irrevocable!

Но слѣдующіе стихи:

C'est à vous de juger si le Dieu, qui m'accable
A laissé quelque force à mes sens interdits;
Si vous reconnaîtrez encor Semiramis

были выражены, еспьли неощибаюсь, нѣскольکو слабо; особенно послѣдній, который надлежало бы отдѣлить отъ прочихъ, ударивъ въ слово: *Semiramis*, былъ, такъ сказать, по-

шерянь между предыдущими и послѣдующими. Превосходные стихи :

Le don de mon empire et de ma liberté
Est l'acte le plus grand de mon autorité!

сказаны быди съ какою-то неприличною въ этомъ мѣстѣ живостию: ихъ надлежало бы произнести спокойно, голосомъ швердымъ, съ величіемъ повелительницы самовластной.

Вообще въ *Семирамидѣ* игра дѣвицы *Жоржъ*, отъ начала до конца (кромѣ нѣсколькихъ, весьма немногихъ мѣстѣ), отъвѣчала по му великому характеру, который изобразилъ намъ Стихотворецъ; невозможно было не удивляться ея прелестной наружности, когда она вошла на сцену (который, замѣтимъ, не весьма достоинъ былъ такой Семирамиды) и оперлась съ величіемъ Царицы на золотой скипетръ, врученный ей Отаню; не лзя было не содрогнуться отъ ужаса, когда она показалась въ дверяхъ гроба, окруженная пламенемъ молнии, блѣдная, издающая — эта картина была бы несравненна, когда бы Ниновъ, мавзолей имѣлъ нѣсколько болѣе сходства съ Нирновымъ мавзолеемъ.

Но въ послѣднихъ стихахъ, полныхъ чувства, раздирающихъ душу, прямо прагматическихъ, когда Семирамида, видя проспертаго у ногъ ея Ниніаса, прощаетъ ему свою смерть, игра дѣвицы *Жоржъ* не во всемъ соотвѣтствовала положенію умирающей матери.

Mon fils, n'acheve pas!

Je te pardonne tout, si pour grace dernière,
Une si chère main ferme au moins ma prière,

здѣсь въ звукъ ея голоса не было той нѣжности, того глубокаго материнскаго чувства,

которымъ должна бы наполнена быть душа умирающей *Семирамиды*; напрошивъ въ немъ оцущительна была одна только слабость, происходящая отъ приближенія смерти. Но стихи:

D'une mere expirante approchez vous tous
deux;

Donnez moi votre main . . .

пронули до слезъ — глаза *Семирамиды* были уже сухы; она искала той милой руки, которую хотѣла еще разъ прижать къ своему сердцу.

Vivez, regnez heureux:

Cet espoir me console, il mele quelque joie
Aux horreurs de la mort ou mon ame est
en proie.

Je la sens . . . elle vient . . . songe à Se-
miramis,

Ne hais point sa memoire: ô mon fils! mon
cher fils . . .

C'en est fait.

Всѣ эти стихи были произнесены умирающимъ голосомъ, въ которомъ оцущительна была одна только *слабость смерти* и (что весьма, какъ я думаю, здѣсь неприлично) *со слезами*. Разлука, въ минушу смерти, не можетъ сопряжена быть съ пою горестію, въ какую ввѣргаетъ насъ та разлука, послѣ которой мы представляемъ себѣ еще нѣсколько продолжительныхъ лѣтъ одинокой жизни, лишенной всего, что дѣлало намъ ее драгоценною въ союзѣ съ милыми существами. По настоящему, для умирающаго нѣтъ разлуки, и минуша смерти есть для него, можно сказать, минуша наслажденія, прискорбнаго потому, что она послѣдняя, но воѣ наслажденія, ибо для него съ пошереша епія соединена и потеря жизни: слѣдова-

тельно онъ не можетъ спрашиваться ужаснаго чувства утраты: онъ самъ исчезаетъ въ ту минуту, когда исчезаетъ для него все любовное. Я желала бы найти въ послѣднихъ словахъ Семирамиды болѣе той любви, съ которою сердце матери должно останавливаться, въ послѣднюю минуту, на милыхъ покидаемыхъ ею дѣтяхъ; я желала бы, чтобы она, сказавъ съ сердечною нѣжностію:

songe à Semiramis,

на минуту замолчала, устремила бы тускые глаза на лице сына, какъ будто желая переселить въ него угасающую душу свою, и потомъ прибавила бы нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ:

Ne hais point ma mémoire . . .

и наконецъ съ послѣднимъ изліяніемъ любви;

ô mon fils, mon cher fils!

тогда бы слова:

C'en est fait

произнесенныя, вдругъ, ослабѣвшимъ голосомъ, разительнымъ образомъ изображали совершенное прекращеніе жизни. Ж.

У в ѣ д о м л е н і я .

Изъ Ростова, что на Дону, Госпожа Генералъ-Майорша Ф. Д. В. пишетъ къ Издастелю слѣдующее отъ 11 го Ноября: „По письму, напечатанному въ 17мъ номерѣ Вѣстника Европы, я получила отъ Г. Тешюпина присланныя *отъ васъ* 25 р., изъ *Балашева* отъ В. 25 р.; изъ *Тотьмы* отъ И. Х. 25 р., изъ *Краснослободска* отъ Г. Титулярнаго Совѣтника Шишкина 20 р. и отъ неизвѣстной Благошвс-

рительницы Р. 100 р., при великодушномъ общаніи и впредь доставлять мнѣ по 50 р. ежегодно. Живѣйшія чувства благодарности моей къ великодушнымъ Благодарителямъ превышающъ всякое выраженіе — и чтожь бы значила моя благодарность для шѣхъ, кои въ вѣчности обрящущъ мзду свою! Они милостивы — и помилованы будутъ . . . Но да наслаждаясь они и здѣсь удовольствіемъ своей благопшорительности, узнавъ чрезъ сіе, что я и дочь моя великодушными ихъ пособіями начинаемъ примираться съ ужасами рока.“

*

Для оставшихся сиротъ послѣ умершаго діакона, Издатели получили на сихъ дняхъ при запискѣ отъ неизвѣстнаго Благодарителя 50 р., отъ г-на. М. 10 р., отъ г-на. С. 10 р., да при письмѣ изъ Балахны отъ неизвѣстнаго же 10 р. Всѣ сіи деньги 80 рублей отправлены 26 числа Ноября въ городъ Бирючь къ Священнику Г. И. Попову.

*

Ноября 26 го доставлено къ Издателямъ неизвѣстною благодарительною Особою 150 рублей, для отсылки 100 р. къ М. В. Беринговой, 25 р. къ старой слѣпой Майоршѣ и 25 же р. къ сиротамъ діакона. Деньги сіи отправлены въ *Поченъ* на имя самой госпожи Беринговой Ноября 29 го, въ Тамбовъ къ М. А. Чулкозу и въ Бирючь къ Священнику Г. И. Попову Декабря 3 го.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Въ Испанскомъ Королевствѣ уничтожены всѣ прежніе ордены, кромѣ только двухъ: Военнаго ордена и Злашаго руна. Правительство мятежниковъ, или такъ называемая Юнпа, имѣетъ пребываніе свое въ городѣ Севиллѣ, и составлена, какъ слышно, изъ людей несвѣдущихъ, подлыхъ и занимающихся низкими ремеслами. Такого же разбора людямъ поручается и военное начальство: на примѣръ, башмачникъ Переда служитъ Генераломъ. Извѣстно, что монахамъ дано дозволеніе возвратиться къ семействамъ и въ мѣста своего рожденія; многіе изъ нихъ воспользовались симъ дозволеніемъ тѣмъ охотнѣе, что имъ предоставлена достаточная пенсія. Англичане опдѣлились отъ Испанской мятежнической арміи и опсупаютъ въ Португаллію, куда идутъ также и Португальскія войска, подъ начальствомъ Генерала Бересфорда состоящія. Лордъ Веллингтонъ, препоручивъ по себѣ начальство надъ войскомъ Генералу Шерброку, прибылъ уже въ Лиссабонъ. По послѣднимъ извѣстіямъ главная квартира находилась въ Сантаремѣ за 35 Англійскихъ миль отъ сей столицы. — Генераль Сенъ-Сиръ разбилъ въ Каталоніи 25-тысячную армію Генерала Блака, которой потерялъ при семъ случаѣ прешью часть людей своихъ, обозъ и пушки. Носятся слухи, что Императоръ Наполеонъ въ скоромъ времени самъ отправится въ Испанію, гдѣ къ принятію Е - В - а дѣлаются уже разныя приготовленія.

*

Мѣсто перваго Министра въ Англїи заступилъ Г. Персеваль, непріятель Каннинга, отрешагося отъ своихъ требованій. Герцогъ Портландъ, прежній Министръ, скончался на 72 году своей жизни. Онъ былъ кавалеръ подвязки, канцлеръ Оксфордскаго Университета, главный судья Бристольскій и Лордъ-Лейшенантъ Ноттингамскаго графства. Въ Англійскихъ листкахъ содержится подробное описаніе празднествъ, по случаю Королевскаго Юбилея. — Г. Жаксонъ, бывший Министромъ въ Колентагенѣ, отправленный въ качествѣ посланника въ соединенныя Сѣверо-Американскія области, прибылъ уже въ Вашингтонъ. Слышно, что правительство не намѣрено удержатъ за собою островъ Исландію, которымъ не задолго передъ симъ, какъ извѣстно, овладѣли Англичане. Начальство на островъ Валкернъ поручено Генералу Кушу. Въ Морнингъ-Крониклѣ Шельдская экспедиція описывается самыми невыгодными красками: „Ежели бы министры — сказано тамъ между прочимъ — получали отъ Франціи плату; ежели бы они обольщены были блестящемъ коронѣ, которая раздаетъ она столь щедро: то и тогда немогли бы ей доставить столь великихъ выгодъ какъ нынѣ. Франція, немогши напасть на нашъ островъ своимъ оружіемъ, старалась по крайней мѣрѣ подорвать нашу торговлю, и потомъ уничтожить ее, заставивъ насъ распочать богатство наше на безразсудныя предпріятія. Наши министры совершенно подкрѣпили первое ея намѣреніе, издавъ повелѣнія отъ Кабинета, а щеславныя наши экспедиція, спюющія намъ тоши милліоновъ, и ежегодное возвышеніе подашей однимъ милліономъ, ско-

ро увѣнчаютъ желаемымъ успѣхомъ и впорѣе
ся предпріяшіе.“

*

Французской Дворъ находишь нынѣ въ
Фоншенбло, куда прибылъ уже Король Весп-
фальскій, а за нимъ ожидають и Короля Сак-
сонскаго. — Приемлющя самыя рѣшительныя
мѣры къ совершенному покоренію Испаніи. Въ
церкви Богоматери въ Парижѣ, ко 2му чи-
слу Декабря дѣлаються приготоовленія къ ве-
ликому празднеству, которое совершено бу-
детъ въ присутствіи многихъ государей и
болѣе нежели 20 кардиналовъ. Шведской по-
сланникъ, Графъ Ессенъ, уже неоднократно
имѣлъ сношенія съ Французскимъ иностран-
ныхъ дѣлъ Миниспромъ. — Увѣряють, что
Коммисія Национальнаго Института, учреж-
денная для разсмотрѣнія сочиненій и для на-
значенія наградъ, признаеть достойными: г-на
Ренуара, сочинителя трагедіи *Кавалеры
храма*, и умершаго Рюльера, сочинителя
Польской Исторіи; шакже, что весьма
выгодно отзывается объ извѣстномъ *Опытѣ
• Лютеровой реформаціи* г-на Виллерса
и проч.

Французскія войска идутъ безостановоч-
но въ свое опечество. Для облегченія жише-
лей назначены къ Рейну двѣ дороги по обѣимъ
сторонамъ Дуная: одна черезъ Аусбургъ, а
другая черезъ Регенбургъ, вдоль по лѣвому
берегу. Императоръ Францъ все еще находи-
ся въ замкѣ Тописъ. Е. В. предписалъ Вен-
герскимъ Чинамъ собраться въ Офенъ, гдѣ бу-
детъ предложено о важныхъ дѣлахъ Государ-
ственныхъ. Посломъ въ Парижъ назначенъ
Князь Карлъ Шварценбергъ.

*

Изъ главной Баварской кварширы, въ Иншпрукѣ находящейся, получено извѣстіе въ Минхенѣ, что предводитель Тирольскихъ мятежниковъ покорился. Ноября 3го числа ввечеру прислалъ онъ своего повѣреннаго съ прозьбою о перемиріи и о безопасности для своей особы. Но въ томъ и другомъ отказываемо было ему до тѣхъ поръ, пока вооруженные мятежники не разошлись.

*

Внѣ города Варшавы, на Краковской дорогѣ, съ поспѣшностію сооружаютъ триумфальныя ворота для возвращающагося изъ Кракова Польскаго войска. На воротахъ будетъ надпись: „По сему пути въ 1683 году Іоаннъ III Собіескій, Король Польскій, освободитель Австріи, съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ возвращался изъ подъ Вѣны.“ — Хотятъ, чтобы теперешнее вшествіе войска въ Варшаву походило на тогдашнее въ Вѣну. Въ кафедральной церкви будетъ совершено торжественное моленіе при пушечномъ громѣ, подобно какъ тогда въ Вѣнской церкви Св. Стефана, гдѣ Король слушалъ пѣснь *Тебе Бога хвалимъ*, и проповѣдь въ честь его произнесенную на текстъ изъ Священнаго Писанія: *Fuit homo missus a Deo, cui nomen erat Ioannes* (бысть человекъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ)! Императоръ Леопольдъ I, во время осады Вѣны Турками находившійся въ Тирнштейнѣ, маленькомъ городкѣ между Линцомъ и Кремсомъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ, приплылъ Дунаемъ въ Вѣну для извѣщенія Королю благодарности за освобожденіе столицы и государства отъ враговъ.

30 Ноября.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ XXIV. Д Е К А Б Р Ъ 1809.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Э г о и с л ы .

(*Повѣсть Принца де Линя.*)

Графъ Бонваль и думаль и дѣйствительный валь и жилъ для одного только себя: какъ же иначе? Онъ имѣлъ порядочный доходъ; былъ знаменъ; фортуна избавила его отъ необходимости быть или обманутымъ, или обманщикомъ; или ласкашелемъ, или игрою ласкашеля; или кланяясь другимъ, или видѣть вокругъ себя много множество низкопоклонныхъ просителей. Въ домѣ отца своего имѣлъ онъ случай, еще прежде вступленія въ свѣтъ, хорошо познакомиться съ людьми. — „Я могъ бы ихъ ненавидѣть, говорилъ онъ, ибо я находилъ вездѣ однихъ неблагодарныхъ; видѣлъ множество злыхъ, еще болѣе глупцовъ и порядочное количество

самохваловъ, щеславныхъ, лицемъровъ и прочее.“ А женщины! . . . Но изъ того, что говорилъ онъ о женщинахъ, могла бы со-спавлена быть толстая книга: онъ только смѣялся, вычисляя женскія добродѣтели, и смѣялся пошому, что былъ эгоистъ. Эпошъ же самый эгоизмъ препяшспвовалъ ему долго оспанавливать свое вниманіе на шѣхъ лицахъ, которыя принадлежали къ какому-нибудь изъ вышеозначенныхъ классовъ людей. „Какая нужда, говорилъ онъ, наполнять мнѣ сердце свое чувствами непріятными? Я эгоистъ!“

Отецъ оставилъ ему порядочное имѣніе; на двадцать пятомъ году переселился онъ въ деревню.

Сначала возобновилъ онъ въ своей памяти все то, что читалъ и видѣлъ. Получивъ хорошее воспитаніе, онъ умѣлъ и мыслишь и писать, и все его ушро посвящено было собственному упражненію, пошому что онъ былъ эгоистъ. Онъ началъ учиться Медицинѣ, и много занимаешь Юриспруденціею, не желая имѣшь нужды въ Лѣваряхъ и Юриспахъ: одни, ушверждалъ онъ, моряшь своихъ ближнихъ, другіе ихъ разоряють.

Онъ говорилъ: я эгоистъ, слѣдовательно философъ. Другой сказалъ бы: я

философъ, потому что эгоистъ! Но это великая разница!

Иногда передъ крыльцемъ опца своего случилось ему видать нищихъ, одѣтыхъ въ жалкое рубище: это преряпствовало ему находить полное удовольствіе въ шѣхъ пышныхъ праздникахъ, которыми опецъ его забавлялъ своихъ сосѣдей. Я никогда не спану давалъ праздниковъ — шакъ думалъ онъ — но шавже и не хочу вспрѣчаться съ людьми, кошорыхъ лице, болѣзненный видъ и бѣдная одежда могли бы меня распротить. Что же онъ сдѣлалъ? Роздалъ по деревнямъ своимъ нѣсколько денегъ и нѣсколько рецептовъ. Я охотникъ строиться (разсуждалъ онъ еще): надобно выдумать небольшой, прекрасный домикъ, похожій на Сократовъ; онъ будетъ прибранъ очень просто, но опряшно; построитъ на лугу, подъ шѣвью старыхъ дубовъ, на берегу прозрачнаго и быстраго ручья; шарушки будутъ сидѣть за пряжею; шарики и дѣти работашъ для виду, шо ешь, иногда носишь кирпичъ и землю; молодыя дѣвушки пѣшъ, вязашъ чулки, сѣяшъ и садишь цвѣшны — а всѣ, не слишкомъ слабые и не слишкомъ больные, разсаживашъ группами душишныя деревья, или выкапывашъ каналы для моего ручья, кошорый непременно долженъ бѣжашъ изъ

лучинами по всему моему лугу. Молодые дѣвушки будутъ въ сухое время поливать дернъ, а молодые мужчины его укашывають: это моя роскошь. Сверхъ того въ деревнѣ моей открылся теплый ключъ: хочу построить купальню для опшавныхъ солдатъ, изувѣченныхъ на войнѣ — я не люблю опврашительныхъ зрѣлищъ — и при ней маленькую казарму, дешевую, простой, деревенской, но самой прїяшмой архипекшурѣ; ошъ этой казармѣ въ нѣсколькихъ шагахъ будетъ находиться больница изъ необшесаннаго камня, съ деревянными колоннами, съ соломенной крышкою — это необходимо для того, чшобы я не могъ видѣть больныхъ, копорые должны приходишь къ теплomu ключу только въ то время, когда я буду еще спать. Я не люблю уродовъ, развѣ только такихъ, копорые изувѣчены ружейнымъ выстрѣломъ. Я эгоистъ!

Не знаю, что говорилъ Графъ Бонваль съ своими садовницами; но онъ часто смѣялись и вѣчно пѣли. Въ домѣ его была одна только повариха и одинъ слуга, одна лошадь и одинъ конюхъ, и эшотъ послѣднїй превращался въ скорохода, какъ скоро Его Сїяшельство садился на коня; но всѣ, и лошадь и слуга и повариха и конюхъ, казались весьма довольными своею участью. Въ часы ошдохновенїя Графъ

Бонваль заставлялъ слугу своего чипанья вслужь разные новѣсти о шуткахъ, о глупостяхъ, о хитрыхъ обманахъ, о простодушїи добрыхъ людей, и такія забавныя, что громкій хохотъ слушаателей раздавался за четверть мили.

Полно разговаривать съ садовницами: я уже довольно образованъ; поселяне мои все здоровы; хочу жениться — мнѣ тридцать лѣтъ. Такъ говорилъ Графъ Бонваль. Крестьяне его каждое Воскресенье ходили къ обѣднѣ, и одинъ разъ въ шесть мѣсяцевъ на исповѣдь: они всегда получали опущеніе грѣховъ, ибо грѣхи ихъ были самые невинные. Священникъ прекрасно служилъ обѣдню, очень порядочно игралъ въ шахматы, но худо сочинялъ проповѣди; за то Графъ Бонваль писалъ прекрасныя наставленія о должностяхъ Христіанскихъ и любви къ ближнему, а Священникъ, имѣвшій звонкій голосъ и хорошую память, прекрасно декламировалъ ихъ съ высокой заедры.

За Графа сватали двухъ невѣстъ — одна, дочь знатнаго человека, могла бы открытъ ему дорогу къ важнымъ чинамъ; другая, наследница разбогатѣвшаго мѣщанина, принесла бы ему нѣсколько милліоновъ въ приданое. Не возьму ни той ни

другой, сказалъ Графъ Бонваль. Я эгоистъ! — „Опдайшежь свои деньги въ проценти: вы можете удвоить свои доходы.“ — Не опдаю! опвѣчалъ Графъ Бонваль, я эгоистъ: хочу лишиться себя половины имѣнїя, чтобы имѣть жену и дѣшей.

Говорили: эгоистъ человекъ слишкомъ много учился, но онъ не имѣетъ здоровой Логикѣ и худо шолкуетъ слова. Философы считали его своимъ. Вы не живете для одного себя, говорили они ему, вы живете по видимому для другихъ. — „Это правда, опвѣчалъ имъ Графъ: живу для другихъ, потому что я эгоистъ.“

Это имя, которымъ онъ славился, имя, ненавистное для всѣхъ, какъ называемыхъ мудрецовъ, сдѣлало его непрїятелемъ всѣхъ добродѣтельныхъ людей, которые, предавши анаѣемъ сексу философовъ, были увѣрены, что нѣтъ ничего на свѣтѣ ужаснѣе эгоизма. При Дворѣ, гдѣ судятъ только по словамъ и по слуху, брали безъ милосердія нашего эгоиста; не было ни одного придворнаго, который не называлъ бы его, человекѣмъ ужаснымъ, вреднымъ, достойнымъ висѣлицы или ссылки. Но какъ, по несчастію, не удалось еще ему сдѣлать ничего такого, за что бы можно было награждать его пещлею; по

и позволяли ему очень спокойно вести обыкновенный образ жизни, а наконец и совсем его забыли, какъ будто бы онъ въ самомъ дѣлѣ оказалъ великія услуги опечесиву — въ войнѣ побѣдами, или въ мирное время искусными переговорами.

Но одинъ изъ придворныхъ, вспомнивъ объ немъ при случаѣ, спросилъ: огорченъ ли Графъ Бонваль шѣмъ, что сказано объ немъ Государю, и шѣмъ, что думаетъ объ немъ Государь? — Онъ смѣется, отвѣчали любопытному. — „Новый порокъ! эшотъ человекъ не имѣетъ чувства!“

Графъ Бонваль вспомнилъ, что онъ когда-то встрѣтился съ пріятною, осьмнадцати-лѣтнею дѣвушкою, дочерью опспаннаго Полковника, его сосѣда, человека уединеннаго. Онъ приказалъ спросить у нее, согласишся ли она быть его женою? Она согласилась. Священникъ благословилъ супруговъ и прочиталъ имъ проповѣдь, сочиненную имъ самимъ и только переправленную Графомъ Бонвалемъ. Молодые садовницы плясали къ свадьбѣ съ молодыми солдатами, которые начинали по немногу собирать разшерянные свои члены; а старыя пѣли пѣсни, можетъ быть слишкомъ веселыя для ихъ лѣтъ.

Графиня смотрѣла за молодыми садовницами, а опецъ ея не давалъ лѣниться молодымъ работникамъ. Она получила хорошее воспитаніе, и слушать ея разговоры было ошдохновеніемъ для Графа. Когда удавалось ему сдѣлать что-нибудь доброе, шо узнавали объ этомъ по его веселому виду. — Какое щасіе не бытъ эгоиспомъ! восклицалъ шестъ — „Прощу меня извинишь, ошвѣчалъ Графъ, я эгоистъ!“ — Не вѣрю! Развѣ не знаете, какъ разполковано слово эгоистъ въ Лексиконѣ? — „Какое мнѣ дѣло до вашего Лексикона! я имѣю свой; не ищите во мнѣ добродѣтелей, я эгоистъ! Я дѣлаю добро для себя, и ешлы пользующіе имъ другіе, шо это всё для меня же. И шакъ не шрудитесь бытъ благодарными, ешлы вамъ въ моемъ домѣ лучше, нежели въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. На что увеличиваешь вещи? Добродѣтели, соединенныя съ пожертвованіемъ или борьбою, мучительны. Думай о себѣ, и шогда не захочешь имѣть передъ глазами ни бѣдности, ни шраданія, иначе шы будешь собственнымъ своимъ непріятелемъ!“ — Но, Государь мой, значеніе слова эгоистъ! — „Но, Государь мой, слово эгоистъ значишь личность, а я имѣю общественную, какъ видише сами.

Графиня два или три раза была беременною, и Графъ, человекъ весьма береж-

ливый, никогда не спрашивал денег на Акушеров и Лбнарей: он сам был порядочный Медик; он даже умел изрядно бросать кровь. Благодаря эгоизму, удвоил он в несколько лет свои доходы: ибо дѣлая добро своимъ крестьянамъ, онъ, можно сказать, отдавалъ деньги въ проценты; они работали на него лучше, нежели ихъ сосѣди на своихъ Господъ, которые, желая быть эгоистами, не имѣли чести быть ими: ихъ обманывали, и они обманывались, потому что сами хотѣли обманывать... Эти господа были сухи, мрачны, заботливы, заняты собою и безъ причины; а Графъ Бонваль былъ веселъ, здоровъ, имѣлъ полное и свѣжее лице, глаза блестящіе, сердце его было спокойное — и все отъ того, что онъ былъ эгоистъ.

Боже мой! сказала ему однажды Графиня, какъ испугали меня этимъ именемъ! или вы не эгоистъ, или я не знаю, что говорю! — „Я эгоистъ, отвѣчалъ Графъ; а вы очень хорошо знаете, что говорите. Но мой Лексиконъ не во всемъ сходствуетъ съ вашимъ. Иногда называю добродѣтелью то, что не есть добродѣтель“ — На примѣръ върность жены — „Всегда необходима для ея щастія“ — Благошворительность! — „Попребность

души!“ — Дружба! — „Кшожь захочешъ бышь одинокимъ!“ — Мужество! — „Кому весело поперяшь честь!“ — Любовь къ истиннѣ! — „Развѣ не хошите, чшобы вамъ вѣрили?“ — Справедливосшь! — „Нужна для спокойствія совѣспи“ — Любовь къ ближнему! — „Желайше ему добра и дѣлайше ему добро, еспьли имѣете способы: вопшь вся любовь къ ближнему! Но любить можно шолько шого, вѣ комъ увѣренъ; иначе добродѣшель была бы простошою, а добродѣшель, между нами сказашъ, весьма не худое дѣло. На примѣрѣ, вы говорите: надобно прощашъ обиды. Я согласенъ, чшо это добродѣшель; но я съ своей стороны забываю обиды. Мщеніе мнѣ прошивно: я не могу ни мстить, ни прощашъ. Сперва полюбилъ я васъ по склонности сердца; послѣ началъ любить, пошому, чшо узналъ васъ хорощко; а шеперь люблю, ибо желаю вашего щаспія для моего собственнаго — и все это ошъ шого, чшо я эгоистъ.“

Этотъ же эгоизмъ былъ причиною и скупости Графа Бонваля: онъ не имѣлъ управителя, за шо имѣлъ обыкновеніе похищашъ нѣкоторую часть изъ собственныхъ доходовъ своихъ, какъ должно истинному управителю: на примѣрѣ, возобновляя условіе съ опкупщиками, или отдавая вѣ наймы свою купальню, онъ говорилъ: шолько-

по денегъ попребовалъ бы съ меня спряпчій: я имѣю право опложить такую же сумму въ запасную шкапулку. Сполько бы надобно было мнѣ ежегодно плащать моему Лвкарю, ешьлибъ я самъ не умѣлъ лѣчить — сполько Акушеру — сполько Учишелю, когда бы я самъ не былъ учишелемъ своихъ дѣшей — всѣ эти деньги принадлежатъ шкапулкѣ. Такъ поступалъ онъ во время малолѣшства дѣшей своихъ; но когда они пришли въ возрастъ, то ешь, когда старшему сыну было уже принацать лѣтъ, а младшему двенацать: то и сохранную шкапулку, которую прежде изрѣдка оппирали, чтобъ выдать за мужъ молодую садовницу, или угоспить на лугу поселанъ обѣдомъ, заперли на замокъ, и она уже болѣе не опворялась.

Какой примѣръ всѣхъ пороковъ подаетъ дѣшамъ своимъ Графъ Бонваль! говорили всѣ, и знакомые и незнакомые нашего эгоиспа. Какой онъ ужасный скупецъ! — Однимъ словомъ, Графъ Бонваль былъ очень замаранъ въ свѣтѣ — старайшесь послѣ этого заслужить доброе имя! уважайше людское мнѣнїе! Но Графъ Бонваль и не думалъ о томъ, что думали объ его характерѣ: онъ смѣялся! — Новый порокъ — говорили свѣшскїе люди — онъ нечувствителенъ, онъ не дорожитъ честїю.

Но что бы сказали, желаю знать, если бы онъ поступалъ совсѣмъ иначе? — „Онъ ввѣряетъ дѣшей своихъ наемникамъ; онъ никогда ихъ не видитъ; онъ не знаетъ цѣны деньгамъ; онъ хочетъ казаться чувствительнымъ; онъ всѣмъ надобдаетъ своимъ знакомствомъ; онъ *филантролъ* — надобно его оспергаться!“

Дѣши Графа Бонваля росли не по годамъ, а по часамъ — они были какъ счастливы! дышали какимъ здоровымъ воздухомъ! мать ихъ была какъ довольна своею участью! около ихъ все было какъ спокойно, все прыгало и пѣло! Графъ не принималъ на себя труда быть веселымъ; но онъ хотѣлъ, чтобы другіе веселились для его забавы.

Записавъ дѣшей своихъ въ военную службу, онъ имъ сказалъ: будьте храбры, мои друзья, и любите болѣе всего справедливость! поступая иначе, вы огорчите меня, а я не люблю огорченія. Богъ съ вами! побѣжайте въ полкъ. — И тогда и другой были красавцы: ихъ принимали вездѣ очень хорошо; но всѣ кричали: это дѣши эгоиста! — „Слѣдовательно эгоизмъ дурное дѣло!“ говорили они другъ другу.

Прекрасная дѣвушка, съ нѣжнымъ голосомъ, игравшая роли *Агнесъ* на театръ

шого провинціального городка, въ ноще-рэмѣ находился полкъ нашихъ Графовъ, вздумала увѣришь младшаго, что она любишь его страшно — и онъ повѣрилъ. Добрая Жюльеша — говорилъ онъ въ своемъ воспоргѣ — какъ нѣжно ея сердце! какъ она умѣешь любишь! Онъ скоро замѣшилъ, что Директоръ театра давалъ очень малое жалованье, и расудилъ его упроишь. Жюльеша имѣла небольшія прихоши, на примѣрѣ, она любила прекрасныя шали, золотыя цѣпочки, кружева, алмазы; молодой Графъ входилъ въ долги, чтобы удовле-створяшь прихошамъ Жюльешы. Можно ли жишь для одного себя? — думалъ онъ — назовушь эгоиспомъ!

Братъ его, старшій Графъ Бонваль, встрѣшилъ на улицѣ съ офицеромъ, кото-рый показался ему необыкновенно печаль-нымъ. Что съ тобою сдѣлалось? спросилъ онъ — „Проигрался!“ — Вошь спо червон-цевъ! — Офицеръ взялъ деньги, и черезъ четвершь часа были они проиграны. — Дру-гой изъ его шоварищей продалъ ему дурную лошадь зашройную цѣну: эшо я принужденъ сдѣлашь — говорилъ онъ — опъ того что родные давно не присылали мнѣ денегъ. — „Онъ правъ! подумалъ молодой Бонваль, и я шакже! Не надобно жишь для одного себя; хорошо бышь полезнымъ и для другихъ.“

Отецъ, не упохребляя шпионовъ, зналъ очень хорошо, что дѣлали его дѣши. Онъ подослалъ къ нимъ одного своего сосѣда, ихъ знаконца. Этого человѣка долженъ былъ назваться себя разореннымъ и просить у нихъ помощи. Онъ очень хорошо сбилгралъ свою ролю: и шовъ и другой были добросердечны, заплакались, спали искашь денегъ, нигдѣ не могли найши, пришли въ опчаянїе. Пришворный бѣднѣякъ, увидя ихъ горесшь, бросился къ нимъ на шею и сказалъ: друзья мои! не огорчайшесь, я васъ обманулъ! Вашъ бапюшка долженъ былъ заплашишь мнѣ порядочную сумму за шо, чшобы я пришворился на время нищимъ, ибо я его ученикъ въ эгоизмѣ. Вотъ двѣ тысячи червонцевъ, кошорыя онъ вамъ даришь, чшобы научишь васъ бышь нѣсколько эгоистами. Всѣ шрое плакали, всѣ шрое смѣялись, и за ужиномъ всѣ шрое напились до пьяна за здоровье добраго опца; бранили, цѣловали, били милаго обманщика, и наконецъ дали ему слово исправишься.

И въ самомъ дѣлѣ они жили нѣсколько времени очень порядочно: и великодушїе и любовь споили имъ очень дешево; въ одномъ шолько случаѣ опшсупили они онъ правила бережливости: старшїй далъ шо червонцевъ молодой дѣвушкѣ, кошо-

рая, для прокормленія своей бѣдной семьи, хотѣла выдти за-мужъ за спараго урода; а младшій опдалъ половину всѣхъ денегъ своихъ одному изъ офицеровъ, который имѣлъ нещастіе убить на дуэль своего соперника, и принужденъ былъ спастись бѣгствомъ.

И Графъ и Графиня радовались своею жизнію: деревня ихъ, сады, садовники и садовницы, все разцвѣшало и веселилось. Всѣ окружающіе ихъ были щасливы; сосѣди не знали, что думашь объ эгоистѣ. Уже не казался онъ имъ человѣкомъ ужаснымъ; не будучи основашелемъ секты (что очень опасно даже и въ добрѣ), онъ имѣлъ многихъ учениковъ: всякой возвращался отъ него и веселѣе и довольнѣе; мнѣнія его признавали софизмами, парадоксами; полковали ихъ криво и косо; шакъ называемые безприсраспные люди пожимали плечами; а шѣ, которые болѣе всего любили свои выгоды, говорили: мы знаемъ свою пользу, и хошимъ подражашь Графу Бонвалю.

Дѣши его опличились на многихъ сраженіяхъ: они были человѣколюбивы, мужественны, великодушны; ихъ уважали и любили. Многіе догадывались, что ошець ихъ, при всѣхъ ужасныхъ своихъ правилахъ, далъ имъ хорошее воспитаніе.

Правду сказашь, они менѣе занима-
лись метафизическимъ разсмащриваніемъ
помятій о добрѣ и злѣ, нежели онѣ; но они
дѣлали добро по чувству и привычкѣ: На-
шура дала имъ прекрасную душу. Узнавши
на опытъ, что можно жить для другихъ
только тогда, когда умѣешь жить для
себя, они разливали вокругъ себя ща-
стіе: оказывали уваженіе и подавали по-
мощь спарымъ солдашамъ; были наставни-
ками молодыхъ; изцѣлителями раненыхъ,
и желая быть довольными собою, испол-
няли, какъ не лѣзя лучше, обязанности
своего званія.

Естьли они не будутъ довольство-
ваться шеперешнимъ своимъ жалованьемъ
и тѣми деньгами, которыя даетъ имъ
олецъ (говорилъ Графъ Бонваль), то се-
временемъ и жалованье Фельдмаршала бу-
детъ для нихъ недоспащочно.

Но вотъ бѣда: честолюбіе распроило
голову и общошательства одного, а филосо-
фія свела съ ума другаго; къ нимъ присо-
единились любовь и супружество; четыре
нещастія, вышедшія изъ Пандорина ящика.
Одна великая Принцесса дочь какого-то
маленькаго владѣтельнаго Кнзя, пѣвилась
спаршимъ Графомъ; и онъ, въ свою очередь,
пѣвился ей: а слава быть мужемъ вели-

кой Принцессы, и слѣдственно зятемъ маленькаго Владѣтельнаго Принца, вскружила ему голову. Но шестъ лишилъ свою дочь наслѣдства, а зятю своему приказалъ въ двадцать чешыре часа выѣхать за границу маленькаго княжества — но это приказаніе исполнено было менѣе нежели въ пять часовъ. Любовь нашихъ любовниковъ усилилась отъ несчастій, за що хозяйство шло очень худо. Великая Принцесса продала все, что удалоеть ей унести изъ родишельскаго дома, оставивъ у себя одну шолько шубу, кошорую принуждена была носитьъ цѣлое лѣто, не имѣя другаго убора; шуба изнасилась къ началу зимы, и Принцесса принуждена была, въ прескучіе морозы, надѣвъ на себя кисейное плашье, кошорое купила по случаю за два флорина. Не взирая на эти маленькія непріятности, супруги жили порядочно; они могли кормишься, покупая свѣщныя припасы въ долгъ: а это главное, когда мы кошимъ бышь и здоровы и веселы

Младшій, кошорый, повидимому, вообразилъ, что любовь ешь пламя неугасимое и жребій неизбѣжный, и не подумалъ прошивишься своей привязанности къ одному пріятному личику, привязанности, кошорая показалаь ему полною спрасію. Едва позволилъ онъ себѣ спросишь, кому

принадлежали шб пламенные глаза, которые зажгли шакой пожарб вб его сердце; едва онб далб себб время узнать, что поббдительница его была дочь мбщанина, кошорая просто носила продавашь на рынокб вишни. Очень хорошо! сказалб онб: чемб болбе между нами неравенства, шбмб болбе доказательствб моей безкорыстной любви. Онб сочинялб дурные стихи на глаза и вишни своей шорговки: машь назвала ихб сумасшедшими; онб написалб другие на однб только вишни: онцу показалось, что они слишкомб вольны. Но маленькая шорговка, кошорая очень часто посбщала одну пирожницу, свою сосбдку и подругу, и разбирая иногда онб скуки обвершки сладкихб пирожковб, находила между ими нбжные пбсми, элегїи, мадригалы, умбла цбнишь поэю, и радовалась, что молодой Графб сравнивалб её сбгвоздиною, розою, незабудкою, персикомб; одно только было ей нбсколько непоняшно: для чего вб нбжныхб своихб стихахб упоминалб онб о шернїяхб. — Милая непорочность! воскликнулб Графб. Жребїй брошенб! она будетб моею. Одинб молодой Священникб, восхищенный миловидностїю и вишнями прекрасной шорговки, согласился ихб обвнчашь; а машь и опецб указали имб двери.

Такимб образомб младшїй Графб Бонвалб былб нбсколько сушонб вб восхи-

щенїи отъ великодушной жертвы, принесенной имъ философіи; онъ наговорилъ много сумасброднаго о прямомъ благородствѣ, о равенствѣ состояній и правѣ, о любви, которая одна даетъ истинное счастье — но шесть и щеца, имѣя другаго рода правила, и разсудивъ что возвышаться значило себя унижать, вздумали съ нимъ поссориться; и такъ разспроили ихъ кредитъ, что ни одинъ двоюродный братъ и ни одна двоюродная сестра не давали новобрачнымъ въ долгъ тѣхъ бездѣлицъ, которыя были нужны для ихъ пропитанія. Шутка ли, умирая отъ любви, умираешь и съ голоду!

Бонваль - отецъ, узнавши, что невѣстка его Принцесса въ жестокомъ насморкѣ, и что невѣстка его Лизеша начинаетъ худѣть, поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Это разспроило нѣсколько его намбренія. Та тысяча червонцевъ, которую онъ принужденъ былъ дать каждому сыну своему на свадьбу, опложена была въ запасную шкапулку и назначена для опдѣлки канала; который украсилъ бы его садъ, и между тѣмъ доставилъ бы ему великій доходъ; извиваясь по луку, покрытому спадами, и орошая сѣвистыя роши, онъ соединилъ бы его владѣнія съ моремъ.

Узнавши о жёнидѣбѣ своихъ дѣтей, онъ сперва пожалъ плечами, потомъ за-

смѣлся; услышавъ, что они шерпятъ голодъ и холодъ, онъ шопнувъ при разаногою, воскликнулъ: какая досада! попомъ — опяшь засмѣлся. Тѣмъ лучше! сказалъ онъ наконецъ, семейство мое умножилось двумя дочерьми; онъ сдѣлаюшъ меня счастливымъ; попому что я самъ намбрень сосшавишь ихъ счастье. Знакомые и незнакомые говорили въ одинъ голосъ: какъ жаль, что онъ дѣши эгоиста! ибо эпо имя всё еще непріятнымъ образомъ опывалось въ ухахъ; но какъже удивились знакомые и незнакомые, когда оба Графа, одинъ съ своею Прикцессою, другой съ своею шорговкою, явились опяшь въ свѣшъ, какъ будто бы съ ними ничшо не случилось и когда онецъ великодушно простилъ имъ — одному шо, что онъ взобрался слишкомъ высоко, а другому шо, что онъ опустился слишкомъ низко!

Онъ сумасшедшій — возопили знакомые и незнакомые — онъ поступаетъ несходно съ своими правилами; онъ не довольствуется собственными пороками, онъ оправдываетъ и укореняетъ чужіе. Для чего не посадилъ онъ дѣшей своихъ въ желшой домъ? — Одинъ изъ его опкупщиковъ, желая избавишь себя отъ плашежа денегъ, завелъ съ нимъ шажбу, сочинилъ ложное условіе, подписался подъ его

руку — Графъ Бонваль велѣлъ его опыскашь; доказаль ему, что онъ бездѣльникъ, и убѣдивши его своимъ краснорѣчїемъ взять прозьбу свою назадъ, возобновилъ съ нимъ прежнее условїе и не захошѣлъ его сдѣлать несчастнымъ. Могъ ли бы я найши какое-нибудь утѣшенїе въ горести и раззоренїи цѣлаго семейства? думаль онъ; я былъ великодушенъ для собственнаго моего спокойствїя.

Впрочемъ не должно воображать, чтобъ Графъ Бонваль не умѣлъ поддерживать права помѣщика. Одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей его дѣйствовалъ совсѣмъ иначе: войдя во владѣнїе деревень, имъ купленныхъ и смежныхъ съ Графскими, онъ усупилъ всѣ свои права крестьянамъ; онъ называль себя Философомъ и *Филантропомъ*. Какая разница между этимъ человекомъ и эгоистомъ! говорили знакомые и незнакомые. Правда и то, что эгоистъ человекъ, при всей любви своей къ человѣчеству и справедливости, богатѣлъ одинъ и разорялъ своихъ свободныхъ крестьянъ. Онъ не прощаль ни малѣйшей вины, и сшорого взыскиваль всѣ недоимки; крестьяне его могли лѣннись, сколько хошѣли, могли шашаться изъ шракшира въ шракширъ, могли входить въ большїе долги, и даже могли для уплаты ихъ продавать помѣщику за без-

цѣнокъ и дома свои и скотину — все это было очень согласно съ правилами *Филантропін*.

Любя человѣчество, говорилъ онъ, я долженъ не упущать безъ наказанія ни малѣйшаго прощупка. Свобода и равенство сдѣлали мало по малу то, что каждый началъ мѣщаться не въ свое дѣло; а это разорило республику. Филантропъ, имѣя болѣе другихъ денегъ, скупилъ у республиканцевъ послѣднее ихъ имущество, и оставилъ имъ пользоваться одними правами ходить съ нищенскою сумою по большимъ дорогамъ.

Садъ эгоиста часъ отъ часу спяновидся лучше; а садъ философа былъ не иное что, какъ маленькая липовая роца, и посреди ея бюствъ Ж. Ж. Руссо. Надобно имѣть самое жестокое сердце; чтобы заставлялъ своихъ братьевъ копать въ ужасные жары землю. Братья эгоиста работали въ потѣ лица — это правда; за то они хорошо были накормлены, пили прекрасное вино, и приходили въ больницу его лѣчиться, когда случалось имъ занемочь. Братья философа чистали, писали, дѣлали опыты экономическіе по журналамъ — и при всемъ томъ умирали съ голоду.

Правительство, узнавши о приписанности добраго помѣщика, о нѣкопоромахъ чудовищѣ, извѣстномъ подѣ именемъ эгоиста, о разореніи нѣсколькихъ деревень, захошѣло исправить сіе злоупотребленіе. Въ домѣ друга людей является Комисаръ. Очень радуюсь, что вижу своими глазами плоды эгоизма, говоритъ онъ. Государь мой! требую отъ васъ именемъ Правительства опчета въ вашихъ поступкахъ! — „Вы ошибаетесь! не меня зовутъ эгоистомъ, это мой сосѣдъ Бонваль. Я другъ человѣчества.“

Комисаръ началъ разспрашивать. Такъ точно, отвѣчали ему, этого человека называютъ другомъ людей. — „Гдѣ же деревня эгоиста?“ — Вотъ она — „Я вѣрно найду въ ней толпу несчастныхъ“ — Онъ скачетъ къ Графу Бонвалю. Подѣзжаетъ къ его деревнѣ, видитъ прекрасныя жижины, свѣтлыя, опрятныя и веселыя, и посреди ихъ на зеленомъ лугу домъ помѣщика, въ одинъ этажъ, самой пріятной архитектуры. Передъ нимъ обширная площадь съ чепырью прекрасными фонашами, каждый окруженъ густыми липами. — „Здѣсь живутъ щастливые и веселые люди, подумалъ Комисаръ. Далеко ли до деревни эгоиста?“ — Ему никто не умѣлъ отвѣчать, ибо никто не зналъ,

что такое эгоистъ: ни одинъ изъ веселыхъ поселянъ не умѣлъ ни читать, ни писать. — Мы не знаемъ господина эгоиста, ошвѣчали они Комисару: конечно это иностранецъ. — „Какъ фамилія вашего помѣщика?“ — Мы не имѣемъ помѣщика, у насъ есть добрый отецъ. Не подалеку отъ этой деревни есть господинъ, у котораго множество братьевъ, умирающихъ съ голоду; нашъ Господинъ, напрошивъ, имѣетъ не братьевъ, а дѣтей, которые всѣ очень веселы и сыны. Имя его Графъ Бонваль.

Комисаръ изумился. Бонвалемъ называли и того эгоиста, который предшавленъ ему былъ, какъ ужасное чудовище. Онъ не осмѣлился показаться ему на глаза, и поскакалъ назадъ, чтобы отдать Правительству вѣрный отчетъ во всемъ томъ, что онъ слышалъ и видѣлъ.

Другъ человечества, котораго всѣ подданные разсудили промѣнять свободу свою на ужасные налоги, обременявшіе крестьянъ эгоиста, скоро совсѣмъ лишился способовъ удовлетворять благородной потребности своего сердца: корысполубію, и богатѣвъ на счетъ бѣдныхъ. Онъ поселился въ городъ и началъ наживать деньги, описывая наслажденія сельской жизни и щастіе пе-

селянб, принадлежащихъ Филантропу, копорый умбешъ цбнилъ свободу и права человбческа.

Но щасшїе можешъ ли продолжашься вбчно? Сыновья Графа Бонваля имбли много успбха вб службб; они всякїе при мбсяца посбщали одинъ разъ своего добраго ошца вмбстб сб Принцессою, шорговою и двумя здоровыми внуками. Наконецъ поспблб и каналъ — и Графб былъ щасшливбйшимб человбкомб вб мїрб, ибо около десяти квадратныхъ миль населяли пакїе люди, ошорые своимб щасшїемб были ему одному обязаны. Онб занимался всемб, какб я уже говорилб. Наконецъ захопблось ему бышь и Капитаномб собсшвеннаго своего корабля. Вб одинъ прекрасный день прогуливался онб по морю сб сыновьями, невбспками и внуками — поднялась ужасная буря: эшо разстроило нбсколько праздницб на палубб. Капитанб бросилъ якорь, но его сорвало сильнымб вбшромб; онб расчелб, чшо ему одному извбспно было то мбсто, гдб находилась свая, имб самимб вбишая, сб большимб кольцомб для корабельнаго канаша. — „Я умбю плавать, сказалб онб самому себб! И чшоже могу я дблать одинъ на свбшб, ешьли все милое моему сердцу погибнешб! Сб Богомб!“ — Онб бросается вб море, борется

съ волнами, спѣшитъ привязать корабель-
ный канашъ къ кольцу, которое одинъ толь-
ко онъ могъ найти подѣ водою; привязы-
ваетъ, но самъ выбивается изъ силъ, ви-
дитъ неизбежную погибель, посылаетъ изъ
глубины водъ послѣднее благословеніе же-
нѣ, дѣтямъ и внукамъ, и ушѣщая себя
мыслию, что смерть избавляетъ его мо-
жетъ быть отъ ужаса быть свидѣтелемъ
какого-нибудь несчастія милыхъ ему лю-
дей, погибаетъ въ нѣдрѣ блаженства по-
чи съ наслажденіемъ, и съ тѣмъ же са-
мымъ эгоизмомъ, какой имѣлъ онъ во всѣ
минушы своей жизни. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

*На Высочайшее прибытіе ЕГО
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
въ Москву 6го Декабря 1809 (*).*

Въ шуманхъ древности пророческихъ,
чудесныхъ,
Богъ свѣта нѣкогда, снисшедъ отъ странъ
небесныхъ,
Напрянулъ грозный лукъ погибельной рукой,
Да Правдѣ, Музамъ дастъ ограду и покой;

(*) Отъ Музъ Московскихъ.

Звеняшъ пернатыхъ посланницы ошмщенья, —
 И палъ предъ нимъ *Тифоузъ*, врагъ злобный
 просвѣщенья. —
 Величественный богъ, въ триумфѣ горныхъ
 силъ,
 Течешъ на Геликонъ, которой защишилъ, —
 И мира сладости разлились по вселенной,
 И миротворца хоръ срѣщаетъ вдохновенной!

МОНАРХЪ! — нашъ *Аполлонъ*! душа и
 царь сердецъ!

Блаженства *Росскихъ Музъ* начало и творецъ!
 Не шаколи теперь *Парнассъ* ТЕБЯ срѣ-
 таетъ? —

Не ТВОИ ли онъ триумфъ цѣшми осыцаетъ? —
 Досель, паря умомъ во свѣдѣ ТВОИМЪ споцамъ,
 Онъ вшайнѣ возносилъ обѣты къ небесамъ, —
 Какъ сердце въ камени, незыблемомъ вѣками,
 Какъ въ приспани корабль, неспорящій съ
 волнами,

Москва спокойная взирала издали:

Куда и гдѣ ТВОИ перуны протекли!

Такъ! ТЫ стоялъ за насъ на стражѣ недре-
 манной,

Хранишель-Ангель; къ намъ Всевышнимъ вис-
 посланной!

Ошсущсшвужа опъ Музъ, за нихъ ТЫ при-
 нялъ громъ;

Спасалъ Наукъ, Искусствъ, Россійской славы
 домъ!

Сквозь огонь, сквозь чернѣй дымъ пылающей
 Подпавы,

Чрезъ Бельшъ, приемлющій теперь ТВОИ
 уставы,

Великій ПЕТРЪ принесъ богатства Шеридъ,

И Невски берега пріяли Пинда видъ.

Въ *Свабургѣ* еще *Полтава* воспылала! —
Разпорглись каменны *Финландіи* забрала;
Сравнялись горь хребты, изсякли бездны водь —
И снова огражденъ трудовъ **ПЕТРОВЫХЪ** плоды
Исполнилось Его святое начинанье;
Мечшамъ Великаго **ТЫ** далъ существованье! —
Отселъ Сѣверь — **ТВОЙ**, и Гермесовъ фаросъ,
Отселъ градъ **ПЕТРОВЪ** — незыблемый ко-
лосъ! —

Какое зарево встаетъ вокругъ *Измаила*?

ЕКАТЕРИНИНО величіе и сила!

Въ намбреньяхъ шверда, рѣшишельна въ дѣлахъ,
Держала царствъ вѣсы **ОНА** въ своихъ рукахъ:
По сердцу Дивныя добротой и громами
Ей равный Судія, **ТЫ** спалъ между Царями,
Поборникъ истины, рѣшишель грозной при, —
И Миротворцу мѣръ возноситъ олтари! —
Ахъ! для души **ТВОЕЙ**, любовью воспоенной,
Спокойствіе сыновъ дороже всей вселенной.
Науки, Вѣра, честь и нравовъ чистота
Для Скиптра **ТВОЕГО** едина красота! —
По лаврамъ къ щастію Россіянъ провождая,
ТЫ, даже средь побѣдъ, желалъ бы, чтобъ
иная, —
Безкровная стезя ко славѣ ихъ вела: —
Искусства — царствъ земныхъ неплѣнна по-
хвала! —

Гряди, укращенный оливою священной!
Въ прелестный Мира храмъ, **ТВОЕЙ** намъ
опшоренной!
На лонѣ Музъ ночій онъ пѣгостныхъ трудовъ!
Ошавъ Агарянь злыхъ — грозъ **ТВОИХЪ**
громовъ:
Сіяй и согрѣвай насъ, Сѣвера Денница! —
Приди и посѣши, и виждь сей верхоградъ,

Егоже насади для насъ ТВОЯ десница,
 Егоже угобзилъ щедрошами спокрапнѣ,
 Егоже оградилъ побѣдою и славой! —
 Какъ паспырь, посреда долины величавой,
 Съ улыбкой сладкой зрнѣ на милья спада,
 Предметъ его любви, защиты и труда:
 Взираи на нашъ воспоргъ, чишай въ сердцахъ
 нелестныхъ,
 И насладись, ОТЕЦЪ, отъ радостей небесныхъ!
 Нѣшъ, — Музы не дерзнутъ ТЕБЯ бла-
 годарншъ;
 Ихъ долгъ за даръ ОТЦА, — Отечеству слу-
 жить! —
 И не умолкнутъ въкъ правдивы пѣснопѣнья:
 Ихъ слава, еладѣшъ, жизнь — добротъ ТВО-
 ихъ хваленъя!
 М ъ.

2.

*ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИ-
 ЧЕСТВУ отъ вѣрнолодданныхъ вос-
 лиланниковъ Благороднаго Пансі-
 она, учрежденнаго при Император-
 скомъ Московскомъ Университетѣ.*

Какъ солнце, царь и вождь богатыхъ Природы,
 ТЫ шествуешь, МОНАРХЪ, блистательной
 стезей!
 Кто изочметъ его даровъ различныхъ роды?
 И гдѣ, и гдѣ яредѣлѣ для Благости ТВОЕЙ? —
 Воззрнѣ, — весна цвѣшетъ улыбкой луче-
 зарной,
 И съ бурями лешнѣ подъ полкъ блѣдный
 хладъ:

ТВОЙ взоръ ТВОИМЪ сынамъ — сокровище
оградь,
И души ихъ цвѣтущь любовью благодарной!
Владыка свѣтлыхъ дней — гармоніи творецъ,
Единство дивное въ премѣнахъ безконечныхъ:
Безчисленныхъ племенъ Владыка и Отецъ,
ТЫ, ТЫ единъ предметъ желаній ихъ сер-
дечныхъ!
Онъ держишь цѣпь свѣтила, — и путь свой
не преиждешь:
ТВОИ законы намъ ограда, правда, судъ! —
Тамъ; дышущи огнемъ, Везувіи дымятся;
Но въ шопъ же самый мигъ волкана при спо-
нахъ
Цвѣтши, любовь весны, алѣютъ на лугахъ:
Когда прошивъ враговъ орлы ТВОИ стремятся,
И грома гдѣнные Вселенную трясутъ,
Въ садахъ ТВОИХЪ Птенцы спокойно и ош-
радно
Для славы Отчества Науками распушъ!

Сіяй, сіяй нашъ Фебъ, нашъ Геній благо-
дашной!
Стань неба въ высотъ, и въ западъ не шечи,
И силою Своей Россію облеку! —
Умножь, умножь ТВОЙ блескъ, и царствуй
надъ сердцами,
И міръ весь озаряй величія лучами!

М

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

ГЕОГРАФІЯ и СТАТИСТИКА.

О Дворѣ Султана Турецкаго, о Сералѣ его, гаремѣ, фамиліи и придворномъ штатѣ.

Подъ симъ титуломъ вышло въ Парижѣ, въ четвертой разѣ напечатанное, небольшое сочиненіе г-на Бовуазеня. Европейцы почти ничего не знаютъ о внутренности Двора Султанскаго. Есть много описаній на Французскомъ языкѣ; но почти всѣ онѣ или неспѣчныя, или вымышленныя, или слишкомъ уже старыя для нашего времени. Изъ всѣхъ новыхъ путешественниковъ можешь быть одинъ только еще Оливье держался истины при описаніи Серала. Прекрасное *Путешествіе* его (*) переведено уже на Англійской и на Нѣмецкой языки, и принято вездѣ съ одинакою похвалою. Въ прочемъ сіе

(*) Voyage dans l'Empire ottoman, l'Egypte et la Perse, par G. A. Olivier, de l'Institut de France; 6 Vol. in 8 vo. ou 3 vol. in 4to. avec l'Atlas.

Путешествіе нимало не уменьшаетъ цѣны сочиненія г-на Бовуазена, которымъ описанъ Дворъ Султанскій гораздо подробнѣе.

Можетъ бытъ спросятъ: какими средствами Г. Бовуазень получилъ свѣдѣніе о повѣстываемыхъ подробностяхъ? Описаніе Сочинителя уничтожаетъ все сомнѣніе о достоверности. „Большой части Европейскихъ путешественниковъ — говоритъ онъ — не удавалось бытъ во внутренности Серая; они должны были перечисывать гошова извѣстія, и рассказывать по словамъ другихъ о томъ, чего сами не видали. Я, живши въ Константинополѣ два года съ половиною, сколько же зналъ бы, сколько другіе, если бѣ случай не дозволилъ мнѣ обозрѣть сады серальскіе и посѣтить женскіе покои. Сіе удовольствіе доставилъ намъ садовникъ Нѣмецъ, копорой, назначивъ день, водилъ насъ въ Сераль, когда Дворъ находился въ Бешикѣ-Ташѣ, загородномъ Султанскомъ домѣ у канала. Я и Г. Сентъ-Андре, нынѣшній Префектъ Майнца, обозрѣли мѣста, весьма рѣдко Европейцами посѣщаемыя. Ручаюсь за достоверность извѣстій, мною сообщаемыхъ читателямъ. Великаго труда мнѣ стоило доспать ихъ. Турки весьма не любопытны; они почти немогутъ, для чего спрашиваютъ у нихъ о такихъ вещахъ, о которыхъ, по мнѣнію ихъ, знаютъ

недолжны Европейцы, и къ чему служащъ вопросы, на которые ошвѣчаютъ законъ имъ запрещающъ.“

Несвѣдущіе Географы швердятъ одинъ за другимъ, что Сераль имѣетъ въ окружности семь миль: весьма грубая ошибка! не семь, но только *двѣ* мили. Внутри стѣнъ серальскихъ есть мечети, сады и зданія, удобныя вмѣщаютъ въ себѣ до 20,000 жителей. Со стороны канала дворецъ представляетъ великолѣпнѣйшее зрѣлище; съ швердой земли совсѣмъ уже другое: невидно верховъ, куполовъ, минаретовъ; стѣна полстая и высокая, закрывающая всю внутренность Серала, возбуждаетъ въ путешественникѣ самыя непріятныя мысли, а особливо когда онъ, идучи мимо главныхъ воротъ, видитъ лежащія на гвоищѣ отрубленныя головы, обгаемые шелущею изъ нихъ кровью.

Не должно смѣшивать *серала* съ *гаремомъ*. Слово Сераль принято изъ Персидскаго языка, и обыкновенно значить *дворецъ* или *палаты*; а гаремъ есть мѣсто единствѣнно для женщинъ определенное, мѣсто священное и неприспупное. Простые граждане имѣютъ у себя гаремы; въ Сералахъ живутъ одни только вельможи. Въ Сераль можно войти поспороннему; въ

гаремъ входилъ только хозяйнъ, и не выпускаетъ туда ни одного мужчину, ниже отца своего, которому впрочемъ незапрещено видѣть невѣстку безъ покрывала, но войти въ гаремъ неможетъ онъ для того, чтобы не встрѣпшился шамъ съ посторонними женщинами.

Гаремъ принадлежитъ къ числу самыхъ обширнѣйшихъ здавій въ Сераль. Султанскїи супруги — первая, вторая, третья и шамъ далѣе — живутъ въ особыхъ отдѣленїяхъ. У Султана Селима было ихъ семь. Каждая Султанша имѣетъ своихъ придворныхъ служителей и по крайней мѣрѣ двѣсти двиць, называемыхъ *одалисками*. Всѣ одалиски состоятъ подъ распоряженїемъ Султана, которой можетъ удостоивать своими ласками какую изъ нихъ заблагоразсудитъ.

Султанши живутъ розно, и едва знаютъ одна другую. Каждая имѣетъ свои сады, кїоски, мыльни и предметы для забавы служащїе. Очень рѣдко Султанъ собираетъ ихъ въ одно мѣсто. Гаремъ состоитъ подъ управленїемъ главной надзирательницы, называемой *Негая Хадуня*, обыкновенно назначаемой въ сїе высокое достоинство изъ прежнихъ любимиць, отличившихся долговременною и усердною службою. Она-то есть верховная повелительница сего многочисленнаго спада; всѣ

повинующся ей волѣ, а она, по должности своей, получаетъ приказанія непосредственно отъ самаго Султана.

Сочинитель опровергаетъ ложное, многократно повторенное повѣствованіе, будто Султанъ бросаетъ плапокъ на шу изъ женщинъ, которую намѣренъ удостоить своего Императорскаго ложа. Весь обрядъ, по увѣренію Бовуазеня, состоитъ въ томъ, что Султанъ къ избранной одалискѣ посылаетъ съ надзирашльницею богатое платье, въ которомъ она къ нему является.

Серальскія затворницы никогда не видяшъ постороннихъ, и подъ опасеніемъ смертной казни не могутъ имѣть никакихъ сношеній съ живущими внѣ Сералья. Чтобы получить нѣкоторое понятіе о чрезвычайной строгости, съ каковою содержатъ ихъ и закрываютъ отъ глазъ постороннихъ людей, надобно узнать, какія употребляютъ предосторожности, когда ведутъ женщинъ изъ воротъ Сералья къ морскому берегу.

Ряды черныхъ евнуховъ — пишутъ Бовуазень — съ правой и съ лѣвой стороны составляютъ улицу, начиная отъ внѣшнихъ воротъ Сералья до самаго берега, у ко-

шораго споитѣ судно. Евнухи сїи обращены лицомъ ко вѣшней споронѣ: у каждаго въ рукахъ длинной шестѣ съ приврѣпленною къ нему холстиною въ вышину на десять фушовъ. Такимъ образомъ женщины идушѣ между холстинными шѣнами въ судно, закрытому со всѣхъ споронѣ и укрѣпленному рѣшетками.“

Вѣшнїя вороша гарема охраняются шрема шами черныхъ евнуховъ, которые сославляютъ первую линїю около шѣнѣ, и находяшя подѣ начальшвомъ *Кизляра-Аги*.

„Черные евнухи — говоритѣ сочикишель — суть грубыя живошныя, неимѣющїя никакихъ познанїй; они ведутѣ скопскую жизнь и помѣщающя въ берлогахъ. Вышедши для прогулки изѣ Серала, они кажутѣ споль же дикими и чуждыми общешїя, какъ Лапландцы или Самовды.“

„Одни евнухи черные имѣютѣ право входить въ внутренность садовъ, гарему принадлежащихъ. Султанѣ, идучи гуляшѣ, оставлятѣ внѣ сада пажей своихъ и бѣлыхъ евнуховъ, и дозволятѣ провожатѣ себя шолько *Кизляру-Агѣ* и чернымъ. Садовники и работники, услышавъ слово *геллетъ*, слово спрашное и священное, должны все броситѣ и бѣжатѣ вонѣ изо

всей силы. Горе тому, кого нашли бы въ саду въ то время, когда гуляютъ въ немъ женщины! неизбежная смерть была бы воздаяніемъ за безразсудство или за оплошность. Никто не въ состояніи защищать несчастнаго; черные евнухи умерщвили бы его, не принимая и не слушая никакихъ оправданій. Сїи людые зѣбри, почитая все для себя дозволеннымъ, всегда готовы рубить каждаго, кто не успѣетъ поспорониться, когда они гдѣ-либо провожаютъ Султана. “

За черными евнухами слѣдуютъ бѣлые, число коихъ не менѣе первыхъ. Они составляютъ вѣпорую спражу въ гарема. Имѣя болѣе сношеній со внутренними спражами Серая, они нѣсколько образованнѣе черныхъ. Начальникъ ихъ, называемой *Калу-Агасси*, въ великомъ уваженіи; однакожь права его и достоинство гораздо ниже Начальника евнуховъ черныхъ, который есть великій чиновникъ Имперіи, а *Калу-Агасси* только высшій чиновникъ въ придворномъ штатѣ.

Служба при особѣ и при комнашахъ Султанскихъ повѣряется исключительно пажамъ (*Ичь-Агасси*), молодымъ людямъ; они почти всѣ низкаго происхожденія: набираются изъ разныхъ провинцій Турецкихъ

и опредѣляющаго ко Двору по ходашайству значныхъ чиновниковъ, которые оказываютъ покровительство симъ пажамъ въ чаянїи найши свои выгоды, когда они достигнутъ почестныхъ мѣстъ въ Сералѣ. Въ самомъ дѣлѣ пажи никогда не забываютъ прежнихъ господъ своихъ, благошворителей и виновниковъ своего счастья.

Корпусъ пажей состоитъ изъ четырехъ отдѣленій. Къ первому принадлежатъ отправляющіе службу предъ лицомъ Султана, и находящіеся въ свитѣ его вездѣ, кромѣ только гарема. Второе, самое большое отдѣленіе, составляютъ предназначенные служить при Султанѣ и его супругахъ въ званїи мундшенковъ. Готовящіе себя къ военной службѣ принадлежатъ къ третьему отдѣленію. Въ четвертое записаны тѣ, коимъ поручено охраненіе всѣхъ сокровищъ Серала, какъ-то ушварей, дорогихъ камней и денегъ. Черезъ ихъ же руки идутъ всѣ суммы, вступающія въ казну Султанскую и въ расходъ употребляемыя.

По старинному обыкновенію, каждой Султанѣ назначается особливую камеру, въ которой должны храниться всѣ деньги, накапливаемые во время его царствованія. При концѣ года начальники черныхъ евнуховъ

обыкновенно сочиняетъ реестръ всѣмъ мѣшкамъ (*) въ приходѣ поступившимъ; потомъ запираетъ ихъ въ сундуки, на которомъ самъ Султанъ торжественно прикладываетъ печать свою. По смерти Султана казенная камера запирается; великій Визирь и всѣ главные чиновники Серала прикладываютъ къ ней свои печати; надъ дверью ставятъ надпись золотыми буквами: *здѣсь казна такого - то Султана.*

Казна Серала почитается у Турковъ священной. Допроунуться до нее, по ихъ мнѣнію, есть то же, что оскверниться надѣло бѣдственное. Употреблять ее можно только въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, когда опасность угрожаетъ государству и при случаяхъ самыхъ важныхъ и чрезвычайныхъ. Предразсудокъ сей до того простирается, что всякой Султанъ скорѣе согласится обременить подданныхъ тяжкими подаями, нежели прикоснуться казнѣ, накопленной однимъ изъ его предковъ. Увѣряютъ, что въ Сералѣ хранятся несчетныя суммы. Начиная отъ Магомета II до нынѣ было около сорока Султановъ; слѣдственно думать надлежитъ, что въ Сералѣ есть столько же особливыхъ камеръ, и ежели положить, что въ каждой хранится по крайней мѣрѣ

(*) Мѣшокъ содержитъ въ себѣ 500 пиастровъ.

на 12 милліоновъ франковъ, по вся сумма должна состоятъ изъ 480 милліоновъ наличными деньгами, не считая камней и прочихъ драгоценныхъ подарковъ, полученныхъ Султанами въ щеченіе прехъ съ половиною сподѣшій.

Кромѣ пажей, при Дворѣ Опшоманскихъ Государей естъ еще другаго рода служители, а именно *глухіе* и *нѣмые*, число коихъ простирается до сорока. Ночью помѣщаются они въ пажескихъ отдѣленіяхъ, а днемъ должны находиться у мечети, гдѣ учаща извѣсняятъ мысли свои знаками, копорые служатъ для нихъ вмѣсто языка. Въ числѣ сорока нѣкоторые преимущественно передъ другими пользующся благоволеніемъ Султана, копорой забавляются ими, принаживая имъ дращъ съ между собою; иногда бросающъ ихъ въ двоемъ, или выславляющъ на посмѣшище пажамъ и другимъ чиновникамъ Серала.

Нѣкогда глухіе исполняли смершныя приговоры во всей Имперіи. Они отпраляемы были иногда миль за двѣсти отъ столицы, и безоружные являлись передъ пѣмъ, чья голова надобна была Султану. Несчастный, съ благоговѣніемъ облобызавъ написаніе смершнаго приговора, безропотно преклонялъ выю, на ко-

спорую ибмой спокойно накладывалъ веревку. Осужденный умиралъ съ покорностію, внушаемою закономъ; ибо мусульманинъ почиталъ себя очищеннымъ отъ всѣхъ грѣховъ, умирая отъ руки Султана или по его приказанію. Но съ ибкошораго времени сіе слѣдое повинновеніе успуцило мѣсно упрямышву, кошорое очень не полюбилось вѣспникамъ смерти и исполнищелямъ Султанскихъ приговоровъ. Извѣсно, что недавно умершій Дезаръ Паша Ахрскій, допустивши къ себѣ нѣмаго (въ по самое время, когда сей навлонившись подавалъ фирманъ), раздробилъ ему голову писцолешнымъ высшрѣломъ, пощомъ приказалъ опрубить ее и опослалъ въ кожаномъ мѣшиѣ, вмѣстѣ съ фирманомъ, въ Константинополь. Такое безпримѣрное непослушаніе не ошановило Султана; онъ посылалъ пять или шесть, одного за другимъ, Капиджи Башей за головою къ Дезару; ни одинъ изъ нихъ живымъ не возвратился; наконецъ Поршѣ наскучило опправлять къ нему чиновниковъ и вмѣсно опвѣща получать опрубленные ихъ головы. Сей Дезаръ Паша шридцать лѣтъ былъ явнымъ врагомъ своего Государя, кошорому никакъ не удавалось умершвишь мяшежника.

Извѣстный Паша Виддинскій Пасванъ-Оглу, умершій въ 1807 году, сѣлалъ еще

болѣе. Онѣ удерживалѣ при себѣ фирманы, опсылая обратнo исполнишелей. Воюя противъ Поршы, онѣ не переспавалѣ увѣрять ее въ своемѣ почтеніи и въ преданности къ особѣ Сулпана. Каждой разѣ, получивши новой фирманѣ, копорымѣ требовали головы его, онѣ захвапывалѣ пять-надцать или двадцать миль земли, принадлежащей Пашамѣ сосѣдственнымѣ. Такимѣ образомѣ удалось ему собрать 80,000 человекѣ войска, и сряду лѣтъ десять поражалѣ Опшомановѣ присылаемыхѣ для его усмиренія; такимѣ образомѣ овладѣлѣ онѣ всею Булгаріею и берегомѣ Дуная до самаго моря; такимѣ образомѣ заславилѣ онѣ Сулпана прешешанѣ на своемѣ престолѣ.

Нынѣ Порша уже не поручаетѣ нѣмымѣ избавлять ее отѣ мятежныхѣ подданныхѣ, но употребляетѣ къ тому другія, лучшія средства. Она общаетѣ мѣсто мятежника ному, кто лишилѣ его жизни. Часто случается, что старинный и ближайшій служитель какого-нибудь Паши приноситѣ въ Константинополь голову своего господина и получаетѣ обѣщанную награду.

Еще есть въ Сералѣ человекѣ двенадцать карав, копорые живутѣ съ нѣмыми

и также какъ сіи иногда забавляютъ Государя. Тѣ и другіе провожаютъ его при выходѣ изъ Серая. Карлы идутъ передъ пажами. Иногда спина ихъ служитъ вмѣсто подножія Султану, когда садится онъ на лошадь, и въ сему пріучаютъ ихъ съ нарочицымъ прилѣжаніемъ.

Капиджи-Баши также обязаны провожать Государя. Каждую пятницу, когда Султанъ выѣзжаетъ въ мечеть, они сопровождаютъ его свиту. Послѣ нѣмыхъ, какъ сказано выше, они развозили смертные приговоры; но съ нѣкотораго времени посылаютъ ихъ въ провинціи только съ фирманами о разныхъ распоряженіяхъ правительсва, объ опредѣленіи къ мѣсту или объ отрѣшеніи отъ должности. Сіи препорученія дѣлаются имъ въ знакъ милости; ибо извѣстно, что онѣ весьма прибыточны, и что Капиджи обыкновенно привозятъ домой множество подарковъ.

Капиджи-Баши ночуютъ поочередно въ небольшой караулѣ при вѣсѣхъ Серая, отъ которыхъ ключи даются имъ по заходѣнїи солнца. Чиновники сіи пользуются великими преимуществами и отличнымъ уваженіемъ. Вельможи особенно ищутъ знакомства съ ними, стараясь снискать ихъ благославіе.

ность, для того чтобы иметь себя ходатаевъ или при начальникѣ черныхъ евнуховъ, или при самомъ Султанѣ, къ которымъ Капиджи-Баши по званію своему имѣющъ свободной доступъ.

При Дворѣ Опшоманскомъ находятся два главныхъ конющихъ, которыми подчинены всѣ прочіе служители конюшни, и которыми ввѣрено начальство надъ всемъ, что къ сей части принадлежитъ. Они распоряжаются празднествомъ, отправляемымъ при случаѣ *выпуска на подножной кормъ* лошадей Султанскихъ,

„Праздникъ сей. — говоритъ сочинитель — съ великою торжественностію ежегодно совершается въ день Св. Георгія. Всѣ вельможи, всѣ чиновники Серая, весь Дворъ Султанскій присутствуютъ при совершеніи обряда, когда ведутъ лошадей торжественно по улицамъ Константинопольскимъ, до самаго того мѣста, гдѣ предназначено имъ пастись. Луга сіи находясь въ окрестностяхъ столицы; тамъ Султанскія лошади охраняются Булгарскими крестьянами, которые нарочно приходятъ изъ Ромеліи для исправленія своей повинности; за то селенія ихъ свободны отъ всякихъ налоговъ, и сверхъ того крестьяне сіи пользуются нѣкоторыми

выгодами, съ избыткомъ награждающими ихъ за требуемую отъ нихъ службу, впрочемъ весьма дешягоспную.“

„Самъ Государь присутствуетъ при церемоніи. Когда лошадей выведутъ изъ Серая, онъ переходитъ на другое мѣсто, чтобы въ другой разъ посмогрѣшь торжественнаго шествія, и для того спавишся за рѣшеткою въ каменномъ шашрѣ, примыкающемъ ко внѣшней стѣнѣ Серая, внутри города, рядомъ съ *Девлетъ-Гюмажумомъ* (благородными врачами) или *вратами правительства*, по которымъ Европейцы называютъ Опшоманское правительство *Высокою Портою*.“

„Два главные конюшіе, и съ ними Боспанжи-Баши и Капиджилерѣ-Негаяси, суть великіе чиновники короны, и соспавляютъ при Дворѣ Государей Опшоманскихъ шакъ называемое *Императорское спремя*.“

„Сіе *Императорское спремя*, говоритъ Бовуазень, шеперь не сущесшвуетъ; только въ одномъ имени виденъ остатокъ шариннаго деспотическаго правленія основателей Опшоманской Имперіи, когда еще не сидѣли они на развалинахъ окровавленнаго Престола Коншампинова. Въ то время черпоги Сулшана сосполяли въ по-

ходномъ наметѣ; дворъ его былъ не иначе какъ дружина рашная; всю пышность составляли военные профей, и корысти, кошорыя вездѣ были предносимы Государю. Воины предсавляли о нуждахъ своихъ Султану, сидящему на конѣ; при спремяни его просишли ожидали себѣ милости или правосудія. Сидя на конѣ Государь отдавалъ приказы, произносилъ приговоры и опредѣленія: вошѣ древнее, начало нынѣ извѣснаго наименованія *Имлераторскаго спремяни*. Во всѣхъ актахъ правишелства, въ дипломатическиххъ бумагахъ, въ фирманахъ отъ Высокой Поршы разсылаемыхъ всегда упоминаешся объ *Имлераторскомъ спремяни*; всѣ ношы, отъ пословъ Европейскиххъ вручаемыя Поршѣ, надписывающся обыкновенно къ *Имлераторскому спремяни*.”

„Внутренняя спража Сераля поручена боспанджѣямъ, кошорые сперва были нечто иное какъ садовники. Начальникъ ихъ именуешся Боспанджи - Баши; онъ занимаешъ первое мѣсто послѣ Селикшаръ Аги въ Сералѣ, пользуешся важными преимуществами, печешся о благочиніи внутри Сераля; ему принадлежишъ отличная честь править рулемъ на Султанской шлюпкѣ. Въ случаѣ пожара, онъ долженъ лѣтѣшь къ огню со всѣми своими боспанджѣями.“

Здѣсь прилично увѣдомить чипашеля, что Султанъ, сей неограниченный деспотъ, на пожаръ долженъ быть со всѣмъ дворомъ своимъ всегда и непременно, гдѣ бы ни горѣло, внупри ли Конспаншинополя, или въ окрестностяхъ столицы. Онъ никакъ не смѣетъ пренебречь сей обязанности, опасаясь ропоша народнаго. „Во всякое время, говоришь сочииншель, лѣтомъ и зимою, днемъ и ночью, лишь только гдѣ-либо загорится, потчасъ увѣдомляютъ Султана; для такихъ случаевъ споживъ всегда въ конюшняхъ лошади осѣдланныя и взнузданныя, а у берега шлюбки съ гребцами, всегда готовыми везти Султана даже въ Скупари, на другую сторону канала, ежели пожаръ хоть мало значителенъ. Такіе случаи бывають довольно часто: въ прехлѣпнее мое пребываніе большіе пожары возобновлялись по пяти и по шести разъ ежегодно. Въ Конспаншинополѣ они служатъ обыкновеннымъ признакомъ народнаго неудовольствія. Ропошъ увеличился бы, или даже превратился бы въ явную мятежь, если бы Султанъ вопрошивался явиться на томъ мѣстѣ, которое народъ избираетъ для представленія ему своихъ жалобъ.“

Балшаджи (дровосѣки) Серальскіе, почти какъ и босшанджи, составляютъ часть

спражи и опсправляющѣ должность внутр-реннихъ служителей. Они въ спарину рубили дрова для кухни и бань серальскихъ; но когда число ихъ увеличилось, то ихъ сдѣлали почти военными, подобно прочимъ отдѣленіямъ внутреннихъ служителей.

„Замѣшивъ должно, говоритъ при семъ случаѣ сочинитель, что Султанъ немѣ-ющѣ при себѣ особой военной спражи, которая принадлежала бы къ военно му корпусу Имперіи; весь придворный штатъ ихъ составленъ изъ домашнихъ служителей, называющихся по должностямъ, которыя нѣкогда опсправляемы были ихъ предѣшниками. Не смотря на то, особа Государя въ совершенной безопасности. Сераль охраняется десятью тысячами человекъ. Правда что они не успѣли бы и противъ одного Европейскаго баталіона; но они страшны для Константинопольской черни, которая до сихъ поръ еще не привыкла къ дикой наружности внутреннихъ служителей серальскихъ. Последній деньщикъ дворскій, идучи по улицѣ или переправляясь на другой берегъ канала, говоритъ и дѣйствуетъ какъ вельможа, гордо, а иногда и презрительно съ людьми низкаго состоянія.“

Чинovníкъ Серала выходитъ изъ послѣднихъ воротъ не иначе какъ съ двад-

цапшю пяташю или шридцапшю служителями. Онъ не имѣетъ надобности приказывать, чтобы его провожали. Проходя черезъ разные дворы Серая, свита его умножается людьми, которые добровольно приспаютъ къ ней на дорогѣ. Блескъ значности его и великолѣпія освѣчивается на окружающихъ; по крайней мѣрѣ они такъ думаютъ. У насъ лакеи иногда хотятъ жазаться господами; но въ такомъ случаѣ они уже скрываютъ свое сословіе и ненадѣваютъ ливреи, которая обнаружила бы отправляемую ими должность. Въ Константинополѣ напротивъ того слуги гордясь своимъ званіемъ, коего знаки носятъ на себѣ вмѣняющъ въ отличную почесть, и Бостанджи никакъ не согласился промѣнить шапку свою на солдатское оружіе.

Тѣлохранители Султанскіе раздѣляются на два класса, на *пейковъ* и *солановъ*. Послѣдніе носятъ оспроконечные, позолоченные шишаки, и вооружены длинными алебардами. Они обыкновенно идутъ передъ лошадью Султана, держа алебарду оспрымъ концемъ въ передъ. Пейки вооружены лукомъ и стрѣлами, которыя умѣютъ пускать очень мѣтко. Они опрашиваютъ бороду, и носятъ на головѣ огромной шишакъ съ прикрепленными къ верху чрезвычайно высокими бѣлыми перьями,

наклонившимися на одну сторону такимъ образомъ, что у находящихся на правой рукѣ отъ Султана перья нагнушы къ лѣвой сторонѣ, а у тѣхъ, кои составляютъ лѣвой рядъ, перья къ правой. Султанъ же бѣдѣ въ срединѣ между рядами перьевъ, скрывающихъ его отъ взоровъ народа. Сѣи пѣлохранители держашъ стрѣлы на рукахъ, направленные на зрищелей.

Отъ вшорыхъ воротъ Серала до самой мечети, куда Султанъ бѣдѣ каждую пяпницу, стоятъ два ряда янычаръ, которые, увидѣвъ Султана, почщительво наклоняютъ головы, и которыми Султанъ ошвѣчаетъ поклонами же на право и на лѣво.

Описавши внутренность Серала, сочишель даетъ свѣдѣнїе о составѣ правительсшва и о минисшрахъ Отшоманскихъ. Здѣсь предлагается выписка о великомъ Визирѣ, первой особѣ въ государствѣ послѣ Султана. Власъ сего чиновника весьма обширна: онъ имѣетъ право казнить смершю подданныхъ и даже самыхъ Пашей. Весь обрядъ возведенїя его на сїю высокую шепень сосшоятъ въ томъ, что Султанъ лично вручаетъ ему печать государсшвенную, которую Визиръ, принявъ съ глубочайшимъ благоговѣнїемъ,

всегда при себѣ носитъ. По низложеніи Визиря тотчасъ являеца къ нему чиновникъ отъ Государя и пребуеца обратно печати; тогда Визирь, лишенный своего палисмана, безропотно низходитъ съ высоты, почиая себя весьма счастливымъ, что непопробовали отъ него головы вмѣстѣ съ печатью.

„Турки, назвавши *Визиремъ* перваго чиновника въ государствѣ, пишеть Бовуазень, жотбли чрезъ по показанъ, что всѣ должности возложены на того, кто носитъ на себѣ могущественное сіе и страшное имя. Слово Визирь значить носильщика. Управленіе государствомъ есть бремя весьма тяжкое: для того-то первый чиновникъ Опшоманской Имперіи и всѣ обласные правители именуются Визирями или носильщиками. — Великій Визирь предсѣдательствуетъ въ Диванѣ; онъ рѣшитъ окончательно всѣ дѣла; подлежащія разсмотрѣнію сего верховнаго Совѣща; заключаетъ миръ, объявляетъ войну, подписываетъ договоры, налагаетъ подати, предводителъствуетъ войсками; короче: онъ есть неограниченный намѣстникъ *Падишаха*, и въ дѣлахъ своихъ даетъ отчетъ одному только Государю.“

По принятіи высокой своей должности, на другой день великій Визирь допускаетъ къ себѣ просишелей поутру въ Сералѣ, а послѣ обѣда у себя дома, желая шѣмъ оказашъ свое правосудіе. Безпредѣльная власть его, кошорая въ другихъ государствахъ легко могла бы имѣшь опасныя слѣдствія, здѣсь служить подпорою Опшоманской Имперіи. Не было до нынѣ примѣра, чшобы великій Визирь искалъ престола. Турки спольно любящъ царствующій домъ своего Султана, чшо никакой Визирь неосмѣлился возложить на себя вѣнецъ, освященный народнымъ благоговѣніемъ. Онъ доволенъ своимъ саномъ, и нежелаетъ высшей степени. Чшо выигралъ бы онъ, посягнувъ на Императорское достоинство? Какой Монархъ почилъ бы довѣріемъ своимъ шого, чшо измѣнилъ уже его предмѣшнику?

Хотя бы у Визиря, при полученіи имъ сего достоинства, не было въ сундукѣ ни одного пѣаспра; вошедши въ домъ свой, находить онъ нѣсколько тысячъ мѣшковъ пригошвленныхъ его прѣшелями, кошорые за сію услугу надѣются получить себѣ вышныя мѣсна, смотря по важности подарка. Таковъ обычай на восшокъ: человекъ изъ низкаго даже сосшоянія, незапно возведенный на высочайшую спе-

нень достоинствъ, неимѣетъ нужды за-
боишься о суммахъ, потребныхъ на пер-
вое обзаведеніе въ своемъ домѣ.

Великій Визирь живеть соотвѣтствен-
но своему сану. Домъ его во многолюд-
ствѣ почти не уступаетъ Султанскому,
и состоитъ почти изъ тѣхъ же чиновни-
ковъ; а число ихъ, вмѣстѣ съ прочими
служителями, простирается свыше двухъ
тысячъ.

Сочиненіе Бовузени оканчивается ис-
торическимъ описаніемъ о вѣрѣ Магомешан-
ской. Въ немъ находящіяся свѣдѣнія, такъ
же любопытныя, о путешествіи въ Мек-
ку, о церемоніяхъ опираемыхъ въ Муф-
тїевой и въ другихъ мечетяхъ, о кален-
даряхъ, дервишахъ, шорлакисахъ и про-
чихъ званіяхъ Турецкихъ монаховъ. Но
мы на сей разъ будемъ довольны извѣ-
стіями выше предложенными, которыя вы-
писаны изъ Французскаго Монисера. *М*

III. КРИТИКА.

О первообыкновенной Россіи и ея жител- ляхъ (*).

Русская исторія начинается со времени прибытія Рурика, съ того времени, когда при народа, разноплеменные и разноязычные, Славяне Новгородскіе, Финны (Чудь) и Руссы составили одно государственное шло. Сіе великое произшествіе относится къ половинѣ девянаго вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Слышу возраженія: Какъ! не ужели свѣдѣнія наши о дѣянїяхъ опечесивенныхъ проспирашься должны не далѣе начала княженія Рурика? Не ужели сѣверная спрана геми-сферы нашей была необишаема? — До составленія Русскаго государства сѣверъ покрытъ былъ мракомъ неизвѣстности; онъ былъ обишаемъ, но людьми необразован-

(*) Сочиненіе Николая Арцыбышева, Члена С. Пешербургскаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ. Въ С. Пешербургѣ, печатано въ Императорской типографіи 1809 года. 109 стр. въ осьмую долю листа.

ными, чуждыми гражданскаго устройства, непрославившими имени своего никакими дѣянїями, неоставившими по себѣ никакихъ письменныхъ памятниковъ, какъ Греки, Римляне, и позднѣйшихъ временъ народы, предавшїе попомсству незабвенныя свидѣтельсва бышїя своего въ мїрѣ. Геродотъ, Спработъ, Плинїй ничего неговорящъ намъ достовернаго о спранахъ и народахъ первобытной Россїи. Повѣсти о Короляхъ Финскихъ и Пермскихъ, о государяхъ Новгородскихъ и Кїевскихъ до Рурика бывшихъ, выдуманы поздними рассказчиками, и теперь онѣ не болѣе уважающся, какъ и басни о данной Славянамъ отъ Александра Македонскаго грамащъ, золотыми буквами написанной и хранимой въ Сералѣ Турецкаго Султана, или о происхожденїи Рурика отъ Пруса, ближняго родственника Августова. Намъ надобенъ прислунъ къ Исторїи, въ копоромъ предложены были бы несомнѣтельныя извѣстїя о народахъ и спранахъ первобытной Россїи. Неспоръ, единственный, первый и достовернѣйшїй указатель Русскаго сѣвера, даетъ намъ сїи извѣстїя, собранныя г-мъ Арцыбышевымъ въ объявляемой здѣсь книгѣ, и рѣсположенныя имъ для удобности въ иномъ порядкѣ. Главною прудъ г-на Сочинителя состоишь въ томъ, что онъ объясняетъ

мѣста пребыванія народовъ, основывая мнѣнїя свои на опечесственныхъ и немногихъ чужестранныхъ свидѣтельствѣхъ.

По разсмотрѣнїи предложенныхъ Неспоромъ и объясняемыхъ г - мѣ Арцыбышевнымъ извѣстїей открываея, что *Лалыши* и *Чухонцы* (Чудь, Финны) были старинными обитателями Русскаго сѣвера; между ними и близь ихъ поселились *Славяне*, пришедшіе отъ берега Дунайскаго и выпѣсненные отпуда *Волохами*; потомъ къ нимъ же и къ Славянамъ пришли изъ за - Балтійскаго моря Руссы. Изъ Финновъ, Славянъ и Руссовъ составилось государство. Отсюда начинаея Исторїя.

Крипика историческая въ молчанїи благодаритъ г - на Сочинителя за добрый трудъ, и признаетъ его достовѣрнымъ свидѣтельствомъ прилѣжанїя, свѣдѣнїй и основательной разборчивости; крипика словесная въ недоумѣнїи оспавливаетъ на нѣкоторыхъ спраницахъ, и желаетъ, чтобы вообще книги полезныя, но сухія по содержанїю своему, не пугали читателей слогомъ спраннымъ и непонятнымъ.

„Я пишу для Русскихъ“ такъ начинаетъ Г. Сочинитель увѣдомленїе свое

на стр. 5. „не для знамоковъ, но для
 „шѣхъ, кошорымъ лѣта, упражненіе, об-
 „разъ жизни и вкусъ не позволили заня-
 „ться жесткимъ нарѣчіемъ Нестора, пя-
 „желыми бесѣдами Байеровъ, Миллеровъ,
 „Тунманновъ, Шлецеровъ и проч. — Для
 „воспитанниковъ университетовъ не по-
 „всиль будешь конечно все то, что ~~ж~~
 „скажешь намъренъ, и если *не лишишь*
 „онъ о своемъ ошечесствѣ, то это думаю
 „единственнo лишь для того, чтобы на-
 „писать что-нибудь лучше, полнѣе, вѣр-
 „нѣе.“ Кто ошгадаетъ, куда ошносящя
 слова *нелишишь онъ*?

Стр. 11. „Мы не коверкаемъ словъ,
 „чтобы выдавить изъ нихъ звукъ, *зали-*
 „*сывающій* насъ подъ знамена Пріамовы.“
 Намъ кажется, можно бы пошущить на
 счетъ Рудбековъ и Тредіаковскихъ, непри-
 писывая звуку возможности *залисывалъ*
 подъ знаменѣ. Смотрите, шакъ ли гово-
 рить Ав. Шлецеръ о Шпраленбергъ (*):
 „онъ хваталъ слова, клалъ ихъ на эпи-
 мологическую дыбу и мучилъ до шѣхъ
 поръ, пока не давали онъ звука шакого,
 какой надобенъ ему былъ для мнимаго ош-
 крышя или для любимой гипотезы.“

(*) Probe Russischer Annalen. 1768. стр. 101.

Стр. 13. „Представляешь себѣ начало ихъ (царствѣ) на *нынѣшней ногѣ*, есть по же, что приписываешь годовому ребенку дѣла средовѣчнаго человѣка.“ Весьма удачное сравненіе царствѣ съ жизнію человѣческою! они рождаются, младенчествуютъ, зрѣютъ, старѣются и умираютъ. Ахъ, еслибъ не было шутъ *нынѣшней ноги*!

Тамъ же. „Присовокупимъ къ тому, „что все ими (Римлянами и Греками) сказано, едва ли можетъ быть опінесено къ „первобытней Россіи. — Средніе вѣки по- „болѣе съ *нимъ* знакомы.“ Съ кѣмъ? и для чего переходить отъ древнихъ *народовъ* къ среднимъ *вѣкамъ*, а не къ народамъ же въ средніе вѣки жившимъ?

Еще нѣсколько замѣчаній. У Сочинителя (стр. 15) *уроженецъ* пропоставляется иностранцу. Намъ кажется, что при первомъ словѣ должно спояшь еще другое, по которому узнать можно было бы, *какой или откуда*. Далѣе, слова *подозрѣвать* (стр. 35) и *подозрѣніе* (89) Г. Сочинитель употребляетъ вмѣсто *догадываться* и *догадка*. — Стр. 55. „Разные варварскіе народы . . . имѣли въ ней (въ Дакии) *ночлеги*.“ Стр. 88. „Подлинникъ Несторовъ есть еще *завоеваніе лисьянности*.“

Малыя граммашическія яшна сїи не
 ѡпшимающѣ испорическаго достоинства.
 Мы замѣтили ихъ единственню для шѣхъ
 молодыхъ людей, копорые книжною Госпо-
 дина Арцыбышева спанущѣ руководство-
 ваться при чшенїи Русскихъ лѣшописей,
 искренно совѣшюя имѣ полюбишѣ сочи-
 нїе *о первобытнѡй Россїи и ея жител-*
ляхъ. М.

IV. С М Ъ С Ъ.

Дудочка Доклѡра Франклина.

Когда былъ я семилѣтнимъ мальчикомъ —
 рассказываетъ Франклинъ — во время ярмар-
 ки одинъ родственникъ подарилъ мнѣ нѣ-
 сколько денегъ. Въ ту жъ минушю побѣжалъ
 я въ лавку покупать разныхъ Нирембергскихъ
 бездѣлокъ. На дорогѣ попался мнѣ мальчикъ
 съ дудочкою, Голосъ ея шакъ очаровалъ ме-
 ня, что прибѣжавши въ лавку я схватилъ
 такую же дудочку, и неспросивши о цѣнѣ
 отдалъ за нее всѣ свои деньги. Возвратившись
 домой, въ восторгѣ бѣгалъ я по всѣмъ ком-
 натамъ, безпрестанно игралъ на своемъ ин-
 струментѣ, любовался восхищительными зву-
 ками и никому не давалъ покою. Братья, се-

спры, домашніе наши служилели потчасъ узнали о моей покупкѣ; всѣ говорили, что я заплашилъ въ четверо дороже противъ настоящей цѣны за дудочку. Тупѣ я рассудилъ, сколько прекрасныхъ вещицъ можно было бы купить за доспальныя деньги; къ тому жь всѣ смѣялись надъ моею простотою — я заплакалъ отъ досады и печали. Простота моя болѣе меня огорчила, нежели дудочка принесла удовольствія.

Но случай сей послѣ былъ для меня весьма полезенъ. Впечатлѣніе досады оспалось надолго въ душѣ моей, и когда раждалась во мнѣ охота купить какую-нибудь вещь ненадобную, я потчасъ говорилъ самъ себѣ: *не плати дорого за дудочку!* и часто деньги оставались у меня въ карманѣ.

Когда я подросъ, началъ жить въ обществѣ и всмотрѣлся въ поступки людей; по увидѣлъ, что многіе, очень многіе изъ попадавшихся мнѣ на встрѣчу такъ же плащили за свои дудочки весьма дорого.

Всякой разъ, когда случалось мнѣ видѣть человека, которой со всевозможнымъ усиленіемъ ищетъ милости при Дворѣ, шеряетъ драгоценное время шаясь по переднимъ, отдаетъ свободу, честь и спокойствіе за суешный предметъ своего честолюбія; по въ шужь минушу я говорилъ самъ себѣ: *этотъ человекъ дорого платитъ за свою дудочку!*

Попадался ли мнѣ на глаза писатель, которой хлопочетъ о безсмертіи своего имени, о своихъ сочиненіяхъ, а нерадишь о женѣ

своей, о дѣтяхъ, о семейственномъ счастьи, — потчасъ пробуждались во мнѣ слова: *ахъ! и этотъ человекъ дорого платитъ за свою дудочку!*

Увидѣвши скрягу, которой лишаетъ себя всѣхъ удовольствій, всѣхъ выгодъ въ жизни, отказывается отъ наслажденій благопорительности, отъ уваженія согражданъ своихъ, отъ восхищительныхъ пріятностей обращенія съ друзьями и знакомыми, единственно для того только, чтобъ копить деньги, я говорилъ: *бѣднякъ! дорого, дорого платишь ты за свою дудочку!*

Повстрѣчавшись съ распушнымъ сластолюбцомъ, которой недорожа образованіемъ своего ума и сердца, презирая высокія наслажденія духовныя, живетъ только тѣломъ, расточаетъ имѣніе свое и губитъ здоровье, я горестно восклицалъ: *безразсудный! какъ дорого покупаешь ты свою дудочку!*

Ежели попадался мнѣ глупецъ, которой будучи влюбленъ въ нарядное свое платье, въ пышный домъ, въ дорогіе приборы, въ красивыхъ коней, расточаетъ болѣе получаемого дохода и входитъ въ долги, для того чтобы послѣ доживать вѣкъ свой въ бѣдности и печали; то я обыкновенно говаривалъ: *несчастный! ты платишь чрезвычайно дорого за свою дудочку!*

Когда молодая, свѣжая, прекрасная дѣвушка выходила за мужъ за стараго, отврапительнаго, но богатнаго сластолюбца, для того только, чтобы можно было съ пышностію и

блескомъ казаться въ обществѣ; я обыкновенно восклицалъ: *жаль мнѣ тебя, простодушная! ты весьма дорого платишь за свою дудочку!*

Короче: я удостоверился, что большая часть бѣдствій въ жизни человѣческой происходитъ отъ того, что люди оцѣниваютъ вещи не по надлежащему, и что слишкомъ дорого платятъ за свои дудочки.

Съ Нѣмецкаго.

Разныя мнѣнія объ Александрѣ Македонскомъ.

Любопытно было бы прочесть собранные въ одно мѣсто приговоры всѣхъ новѣйшихъ писателей объ Александрѣ великомъ. Ни объ одномъ изъ славныхъ мужей древности не было споль много противоположныхъ сужденій. Даже нынѣ мнѣнія о семъ государѣ сполько различны, что незнаешь какъ и думать о глубокой проицапельности, какою любятъ хвалиться наши современники. Нѣтъ сомнѣнія однакожь, что ежели въ семъ случаѣ предоставить рѣшеніе большинству голосовъ, то Македонскій герой лишился бы пишла, которымъ сбдая древность почтила его, и пересталъ бы слышь *великимъ*.

Слѣдующая выписка послужитъ небольшимъ опытомъ о различіи мнѣнія, какое имѣли объ Александрѣ писатели и мудрецы, славные и неславные.

Боало опсылаетъ его прямо въ домъ сумасшедшихъ. Однакожь *Лагарпъ*, которой слишкомъ уже перевозноситъ упомянушаго стихотворца, не такъ строго судитъ объ Александрѣ, и думаетъ, что въ немъ нельзя не примѣнить нѣкошорой великости.

Сентъ - Евремонъ, сравнивая Александра съ Цезаремъ, первому отдаетъ преимущество, однако жъ обоихъ изображаетъ людьми великими.

Кружмахеръ, въ стихотворномъ предисловіи къ своему *Дѣтскому свѣту*, ненаходитъ довольно словъ, чпобъ унизить Александра, сколько заслуживаетъ онъ, по мнѣнію сочинителя.

Напрошивъ шого *Филте*, въ книгѣ своей *Главныя черты нынѣшняго вѣка*, видитъ въ Македонскомъ Царѣ величайшаго, достойнѣйшаго удивленія изъ героевъ, во всѣ времена жившихъ.

Реннеръ, въ своей *Ручной книжкѣ о древней исторіи*, находитъ въ Александрѣ отличныя качества, и думаетъ, что имя великаго принадлежитъ ему по справедливости. Сочинитель въ примѣчаніи вмѣняетъ себѣ въ особливую заслугу то, что изъ всѣхъ писавшихъ историческія учебныя книжки одинъ только онъ не вездѣ оуждалъ Александра.

Баггезенъ не задолго передъ симъ, въ Упреннемъ листкѣ, заставилъ Миноса объявить Филиппова сына не болѣе какъ простымъ, обыкновеннымъ полководцемъ.

(Съ Нѣмец.)

*Переводъ письма къ издателямъ
Публициста.*

Извѣстно ли вамъ сочиненіе г-на Граве о республикѣ на поляхъ Елисейскихъ? Ежели по какимъ-либо необыкновеннымъ случаямъ — кошорымъ и ученой свѣтѣ, къ несчастію, подверженъ — книга сія не была вамъ извѣстна; по легко станеша, что и читатели ваши ничего о ней не свѣдающъ; а отъ того погибло бы одно самое достопамятное открытіе нашего времени. Въ книгѣ сей, которая назавѣ тому три года вышла въ свѣтъ въ городѣ Гандѣ и обратила на себя вниманіе всѣхъ жителей Белгіи, доказываешся: 1е что Елисейскія поля и подземная страна древнихъ суть названія древней республики людей праведныхъ и набожныхъ, находившейся на сѣверномъ краю Галліи, а особливо на островахъ Нижняго Рейна; 2е что сія подземная страна была первымъ святилищемъ, въ кошоромъ допускали къ таинствамъ, и что въ немъ Улиссъ принялъ посвященіе; 3е что богиня Цирцея есть эмблема Елисейской церкви; 4е что Гомеръ и Гезіодъ были уроженцы изъ Белгіи и проч. и проч. Всѣ истины сіи, и жество другихъ тогожь разбора, объявлены въ заглавіи книги. Такимъ образомъ сочинитель при самомъ началѣ умѣлъ возбудить удивленіе въ своихъ читателяхъ; но сего недовольно: удивленіе часъ отъ часу увеличивается, чѣмъ далѣе читаете ясныя, непреодолимая доказательства, на которыхъ утверждаешся предлагаемое ученіе. Ходъ мыслей, по быстротѣ своей и необычайности, можешъ уподобиться только блеску молніи,

глубокую ночь, мгновенно озаряющую яркимъ свѣтомъ.

Гомеръ назначаетъ мѣсто для Елисейскихъ полей на краю земли; Виргилій говоритъ, что стрзана Мориновъ и сугубое устье Рейна лежатъ на краю земли же. А какъ сверхъ того и въ нѣкоторой еще грамахъ 1156 года упомянуто, что Сентъ-Омеръ находится на крайнемъ уголѣ земнаго шара; то и слѣдуетъ неоспоримо, что Елисіумъ древнихъ былъ въ Нидерландахъ, и что Сентъ-Омеръ былъ столичнымъ городомъ. Не вѣроятно ли, что Сентъ-Омеръ есть опечество Гомера, котораго имя на себѣ носитъ до нынѣ? Если бъ Пешъ родился въ Греціи, то какъ бы древнимъ незналъ о мѣстѣ его рожденія? Еразмъ Роттердамскій не писалъ ли на Латинскомъ языкѣ съ такимъ же совершенствомъ, съ какимъ Гомеръ пѣлъ на Греческомъ? Что иное прославляетъ Гомеръ подъ именемъ Сциллы, ежели не древній *Сициуль*, или Сентъ-Омеръ, свое опечество? Припомъ же и въ Одиссеи онъ самъ себя высказываетъ подъ именемъ Меншора, а Меншоръ слово совсѣмъ не Греческое, но Исландское, и значить — ученый.

Далѣ: Плиній пишетъ, что одно устье Рейна называлось *Геліуль*; ясно, что сіе слово происходитъ отъ Фламандскаго или Нѣмецкаго *Noelle*, адъ, или отъ *Heylig*, священный, и что какъ древній Елисіумъ, такъ и названіе нынѣшней *Голландіи* точно опшуда же происходятъ, подобно двумъ ручьямъ, льющимся изъ одного источника. Многими другими словами подтверждается мнѣніе Сочинителя. Радамантъ, безъ всякаго сомнѣнія,

происходитъ отъ *Rath* или *Rathmann*, совѣт-
никъ; Церберъ есть не иное что, какъ сим-
болическое названіе водъ, протекавшихъ около
Таршара древнихъ, а одинъ рукавъ Шельды
еще и до сихъ поръ называется *Hondt*, по
есть собакою. Имя Ахерона сохранилось въ
имени острова *Валлерена*. Флисингенъ назы-
вается по Улиссу. Цирцея есть символъ Ели-
сійской церкви; ибо *kekke* на Фламандскомъ зна-
читъ церковь. Геркулесовы подвиги суть не
иное что какъ Зеландскія плошины; ибо чѣмъ
другимъ Герой сей могъ бы заслужить бессмер-
тіе? Имя Гебы, подруги его, подтверждаетъ
сію истину: *Ebbe*, на Фламандскомъ языкѣ
значитъ опливъ, а плошины дѣлаются во
время оплива. Вотъ еще, также неоспоримое
доказательство: Геркулесъ искалъ яблокъ
Гесперидскихъ; подъ яблоками здѣсь разу-
мѣть должно Астрономическія свѣдѣнія, а
солнце есть самое огромнѣйшее яблоко въ
мірѣ; а какъ яблоко на Фламандскомъ язы-
кѣ называется *Appel*, то кто не видитъ,
что отсюда же надлежитъ производить имя
и самого Аполлона? Парижъ происходитъ отъ
Фламандскаго *fahren*, плыть по морю, Сена
отъ *segnen*, благословить; вотъ по чему ле-
жащая при устьѣ сей рѣки присань назы-
вается *Nauve-de-grace*, присань благодати,
и проч. и проч.

Теперь можете быть вы спросите, кто
же этошъ Г. Граве и гдѣ находится? Не жи-
велъ ли онъ въ уединенной пещерѣ, гдѣ вооб-
раженіе его имѣетъ совершенную свободу без-
предьяспшенно рисовать на новомъ попри-
щѣ? Не удаленъ ли онъ отъ друзей, которые
могли бы навести его на обыкновенную дорогу?
Нѣтъ, милосивые государи! Г. Граде былъ

достопочтенный Юрисконсултъ, членъ главнаго Совѣта во Фландріи и Совѣта же старѣйшинъ въ Парижѣ. Онъ скончался; но осталась книга, которую друзья его за благо разсудили напечатать. Нашлись люди, которымъ понравилось ученіе покойника, и которые искренно выхваляющъ новую систему! Къ довершенію славы его недостааетъ только того, чтобъ вы упомянули о немъ въ своемъ изданіи. — Вотъ что значить человѣческой разумъ, и вотъ куда заводитъ ученость, неуправляемая здоровымъ разсудкомъ и хорошимъ вкусомъ. Н.

Бракъ по разсчету.

(Изъясненіе двухъ каррикатуръ, помѣщенныхъ въ 15 и 21 Но Вѣстника Европы.)

Но 15. Дѣйствіе начинается въ двенадцатомъ часу утра, въ спальнѣ Графини Шкуандерфильдъ. Она успѣла уже побывать на аукціонѣ, гдѣ накупила множество новыхъ антиковъ; нѣкоторые изъ нихъ разсыпаны по полу, другіе лежатъ въ корзинѣ, подъ покровишельствомъ Арапа; глаза покровишеля устремлены на Леду, украшающую подносъ, а пальцомъ лѣвой руки онъ прикасается къ убору Акхеона: это аллегорія, которой толкованіе у васъ передъ глазами. Графиня сидитъ подлѣ туалета и завивается, ибо она бдетъ ввечеру въ маскарадъ; позади ея видите артиста, Французской націи, пощаго нарикма-

хера, который не жалелъ своего искусства, чтобы усовершенствовать вверенную ему голову. Передъ нею, на богатой софѣ, сидишь, или лучше сказать, покоишься извѣстный вамъ Прокураторъ, котораго наименовали мы, если вы помните, *Златоустомъ*. Онъ держишь въ одной рукѣ маскарадной билетишь, другою указываетъ на ширмы, на которыхъ представлены нѣкоторые сцены маскарада, и между шѣмъ предлагаеши Графинѣ, если не ошибаемся, чайное свиданіе: предложеніе принято, маска выбрана, мѣсто назначено. Далѣе, у самой сѣбны, подъ картиною, изображающею Прометея съ коршуномъ (замѣльте надъ нею портретишь Господина Прокуратора, который, какъ извѣстно, есть другъ всего семейства), сидишь другой артистишь, *castratto Карестини*, одѣтый въ богатый кафтанъ, шучьый какъ слонъ, и сладкогласный какъ соловей, а за нимъ Virtuozъ *Вейдеманъ*, честный Нѣмецъ — одинъ поеши, другой играеши на флейши. По лѣвую руку Италіянца на креслахъ, съ чашкою шоколаду, волосы въ бумажкахъ, представляется вамъ Его Сіятельство Графъ Шкуандерфильдъ. Онъ пьеши и не пьеши, слушаеши и не слушаеши — въ головѣ его совсѣмъ другое: не янаеши ли онъ чего нибудь о маскарадномъ свиданіи? Дѣло возможное! Подлѣ него видите вы забавную восковую фигуру: она почти разтаяла отъ восхищенія, произведеннаго въ ней соловьинымъ голосомъ господина Карестини; а рядомъ съ нею другая фигура съ хлыстикомъ, спящая: также магическое дѣйствіе гармоніи. На границѣ, между Графиней и концертомъ, можете вы замѣнить даму въ огромной шляпкѣ: душа ея и взоры прилики къ уснамъ Италіянца; она забываетъ

о шоколадѣ, который подноситъ ей одинъ выходецъ изъ Африки, совсѣмъ другими глазами разсматривающій Италіянскаго сладкопѣвца.

*

Но 21. Слѣдствія маскарада и пайнаго свиданія. Мы не обманулись: Графъ Шкуандерфильдъ узналъ о пракшатѣ, подписанномъ его супругою и Прокураторомъ за уборнымъ столикомъ. Они, какъ видно, разсудили оставить на время маскарадную залу, чтобы довершить переговоры свои въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, которые въ Лондонѣ извѣсны подъ именемъ *Bagno*, и знамениты гостепріимствомъ ихъ содержателей; но Графъ за ними послѣдовалъ, и его неожиданное присутствіе все разстроило. Онъ выломилъ дверь, которая, для нѣкоторыхъ необходимыхъ предосторожностей, заперта была на замокъ, бросился на Прокуратора съ обнаженною шпагою; но Прокураторъ, имѣвшій при себѣ на всякой случай собственную, очень острую шпагу, встрѣтилъ его мѣткимъ ударомъ въ сердце, а самъ, безъ домины, въ одномъ колпакѣ и спальномъ плащѣ, опираясь за окно. Вы видите посреди горницы Графа Шкуандерфильда: силы его слабѣютъ, кровь бѣжитъ ручьемъ изъ его раны; онъ уронилъ шпагу, опирается на столъ; глаза его угасаютъ; вѣроломная жена, въ ужасѣ и отчаяніи, стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ, ломаетъ руки — въ дверяхъ виднеется буфетникъ съ фонаремъ и полицейскихъ солдатъ; но они поспѣли къ финалу. Въ угожденіе любопытнымъ, мы скажемъ, что Прокураторъ, въ легкой одеждѣ своей имѣлъ неудовольствіе встрѣтиться съ дозоромъ, его принудили лечесть въ пюръмъ, а потомъ

безъ маски и домины, передъ глазами десяти тысячъ челевѣкъ, явисься на висѣлицѣ. Такова развязка трагической фарсы, именуемой: *бракъ по разсчету*. Спрашиваемъ: хорошь ли разсчешъ Графа Шкуандерфильда?

Московскія записки.

6 Число Декабря 1809 года навсегда останется въ памяти жителей Московскихъ. Въ этотъ день встрѣчали они своего ИМПЕРАТОРА. Поутру, въ двенадцатомъ часу, по данному сигналу ракетною, началась пушечная стрѣльба со всѣхъ бастіоновъ и колокольный звонъ по всему городу — Государь приближался къ Столицѣ. По обѣимъ сторонамъ нѣхъ улицъ, которыя вели отъ Тверской заставы къ Успенскому Собору, нѣснилось безчисленное множество народа — всѣ были наполнены ожиданіемъ; наконецъ явился Государь — увидѣли зрѣлище величественное, и еще болѣе прегашельное. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ одномъ мундирѣ, тихимъ шагомъ, ошдѣлившись нѣсколько отъ свиты, составленной изъ Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, и изъ нѣсколькихъ Генераловъ — страшная толпа народа нѣснилась вокругъ Государя; одни ловили Его ноги, другіе старались прикоснуться къ Его платью; нѣсколько разъ толпа сія шакъ стѣснялась, что Государь принужденъ былъ останавливаться и ожидать, чтобы Его пропустили; нѣ, которые смотрѣли изъ оконъ, могли различить Его только по голубой лентѣ и шляпѣ, на

лошади совсѣмъ почти не было видно посреди толпящагося народа; радостныя восклицанія: *ура! да здравствуетъ нашъ Государь!* пушечная стрѣльба, звонъ колоколовъ, движеніе народа, которымъ наводнены были улицы, зрители въ окнахъ, на кровляхъ, — все это вмѣстѣ составляло зрѣлище чрезвычайное, и производило сильнѣе впечатлѣніе. Многіе пронуты были до слезъ, видя, какъ подданные пѣснились вокругъ своего Монарха, который не отдалялъ ихъ отъ себя грозною гвардіею, но увѣренный въ ихъ привязанности (имя Государя есть имя священное для сердца Рускихъ), казался въ толпѣ ихъ какъ добрый отецъ, окруженный добрыми дѣтьми. Конечно, въ эту минушу сердце АЛЕКСАНДРА снова позторило высокій обѣтъ сославить щастіе Рускихъ, достойныхъ любви своего Монарха, по той неизмѣнной привязанности, которую они къ Нему питають. Позади Государя ѣхала Великая Княгиня, ЕКАТЕРИНА ПАЗЛОВНА, въ парадной каретѣ, окруженная также безчисленною толпою народа: Она кланялась на обѣ стороны съ улыбкою благоволенія; народъ кричалъ: *ура!* — Москва съ восхищеніемъ встрѣчала Внуку ЕКАТЕРИНЫ II. Въ дверяхъ Успенскаго Собора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО встрѣченъ былъ Митрополитомъ Платономъ, знаемымъ Московскимъ Духовенствомъ, Сенапомъ и всѣми Чиновниками первыхъ классовъ, и тотчасъ, по вступленіи въ Соборъ, прочитано было Военнымъ Министромъ, Графомъ Аракчеевымъ, донесеніе отъ Главнокомандующаго Молдавскою арміею Князя Багратиона о взятіи крѣпости Браилова — обстоятельство, достойное замѣчанія при семъ торжественномъ случаѣ: АЛЕКСАНДРЪ, въвз-

жая въ древнюю Столицу Свою, дарилъ побѣдою. И какое попомъ величественное зрѣлище! ИМПЕРАТОРЪ, окруженный всѣми Чинами Имперіи, стоящій на колѣняхъ въ помъ самомъ Храмѣ, въ которомъ за нѣсколько лѣтъ врученъ былъ Ему отъ Россіи Скипетръ Правленія, въ которомъ вѣчались и всѣ Его Прародители, и приносящій Всевышнему благодареніе о побѣдѣ Своихъ армій. Послѣ молебна Государь изволилъ отвѣхаться въ Слободской Дворецъ. Вечеру посѣпилъ Онъ театръ, гдѣ возобновилась шаже разительная сцена, какую мы видѣли поутру, при шествіи Государя по улицамъ Московскимъ. Въ 7 часовъ и ложи и партеръ и креслы были уже полны; всѣ глаза устремлены были съ непрерывнымъ ожиданіемъ на Императорскую ложу, ярко освѣщенную, убранную великолѣпнѣе обыкновеннаго и наполненную Чиновниками Придворными. Въ 8 часовъ явился Государь — Онъ подошелъ къ самому краю ложи, вмѣстѣ съ Ея Высочествомъ, Великою Княгинею Екашериною Павловною, поклонился — все, что находилось въ театрѣ, отвѣтствовало Ему громкимъ плескомъ и многократными восклицаніями: *ура!* Давали Оперу *Старинныя святки*. Арія, *слава нашему Царю*, всегда прінята бываетъ отъ зрителей съ громкими рукоплесканіями, но въ этотъ разъ она произвела восхищеніе неописанное: въ ту минуту, когда Сандунова, приближась, съ поклономъ въ рукѣ, къ самому краю сцены, заѣла: *слава нашему Царю, слава!* всѣ, сидѣвшіе въ креслахъ и въ ложахъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, оборотились къ ИМПЕРАТОРУ, поклонились Ему, и тысячи голосовъ восклик-

нули: *слава Царю АЛЕКСАНДРУ!* Слѣдующія слова аріи: *слава храбрымъ воинамъ со чистою полъ*, приняты были также съ рукоплесканіемъ: каждый зритель въ эту минуту съ благодарностію воспоминалъ о тѣхъ Рускихъ, которые внесли знамена свои въ Браиловъ, и на берегахъ Дуная жертвовали жизнью за славу Отечества.

Пребываніе Государя въ Столицѣ продолжалось отъ бго по 12е число Декабря; оно ознаменовано и милостями и наградами. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ осмащривать Воспитательный Домъ, Оружейную Палашу, больницы, казармы и Университетъ Московскій. Московское Дворянство имѣло щастіе угощать Его въ Домъ Благороднаго Собранія, и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было, въ знакъ благоволенія къ Московскому обществу дворянъ, наименовать Себя Членомъ ихъ Клуба. Потомъ и маскарадъ, данный купечествомъ Московскимъ, удостоенъ былъ отъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА посѣщеніемъ. Въ Слободскомъ Дворцѣ даны были сперва для одного дворянства балъ, а потомъ, въ торжественный день Рожденія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, для купечества и дворянства маскарадъ. Изъ послѣдняго, въ 12 часовъ ночью, изволилъ Государь отправиться обратно въ Санктъ-Петербургъ, въ открытыхъ саняхъ, безъ всякой свиты, въ сопровожденіи одного Оберъ-Гофмаршала Графа Толстаго. Пушечные выстрѣлы извѣстили жителей Московскихъ объ отбѣздѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Ихъ Императорскія Высочества, Великая Княгиня ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА; и Супругъ

Ея Принцъ Георгъ Ольденбургскій оставили Москву черезъ день по отбытіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

*

Увѣдомляемъ нашихъ читателей, что они въ скоромъ времени будутъ имѣть полную и почерпнутую изъ вѣрныхъ источниковъ Біографію Суворова. Авторъ ея Дѣйствишельный Статскій Совѣтникъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ. Она уже совершена, и будетъ опдана въ печать, какъ скоро поступятъ принадлежащія къ ней планы, которые гравировуются теперь въ Вѣнѣ. Почтенный Авторъ заслуживаетъ полную довѣренность отъ Публики. Во все продолженіе Италіанской кампаніи онъ управлялъ письменными дѣлами Суворова, и въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ короткихъ его друзей. Будучи неразлученъ съ Героемъ своимъ, онъ могъ познакомиться коротко и съ характеромъ его и съ образомъ мыслей и съ привычками; а пользуясь его неограниченною довѣренностію, онъ долженъ знать и истинныя причины многихъ его поступковъ. Почтенный Фуксъ, какъ увѣряютъ насъ шѣ, которые съ нимъ знакомы, исполненъ живѣйшею привязанностію къ памяти Суворова; думаетъ объ немъ и говоритъ почитаетъ онъ лучшимъ для себя занятіемъ и наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣдкой Историкъ великаго человека можетъ хвалиться шѣми преимуществами, какія пользуется нашъ Біографъ Суворова. Щастливъ тотъ, который, удивляясь дѣламъ своего Героя, можетъ сказать въ то же время: я имѣлъ въ немъ друга, душа его была мнѣ открыта; я видѣлъ его и въ тишинѣ кабинета, и посреди опасностей военныхъ, и въ славныя минушы шоржества, и въ минушы,

можешъ бытъ еще славнѣйшія, нещастія, въ
 которыя обнаруживается прѣмая сила душев-
 ная; я наслаждался его разговорами; я могъ
 угадывать чувства его души; я *его знаю*, и
 то, что пишу объ немъ, основано не на однѣхъ
 преданіяхъ; почти всегда обманчивыхъ, не на
 запискахъ, рѣдко непротиворѣчащихъ однѣ дру-
 гимъ, но на свѣдѣніяхъ вѣрныхъ, на собствен-
 номъ моемъ свидѣтельствѣ; ибо я самъ во
 многихъ случаяхъ — былъ спутникомъ моего
 Героя. Мы позволимъ себѣ сказать рѣшишель-
 но, что никто не можетъ имѣть такихъ
 вѣрныхъ источниковъ для составленія Биогра-
 фии Суворова, какія имѣешь Г. Фуксъ. Вотъ
 нѣскольکو строкъ изъ собственнаго его пись-
 ма, писаннаго къ одному изъ нашихъ знакомыхъ;
 сообщая ихъ читателямъ Вѣстника, смѣемъ
 надѣяться, что это не будетъ неприятно по-
 чтенному Историку. „Я былъ одинъ — пишешь
 Г. Фуксъ — „съ которымъ бесѣдовалъ сей ве-
 „ликій Мужъ *наединѣ* о новомъ своемъ тво-
 „реніи военнаго искусства, и который имѣлъ
 „щастіе слушать глубокомысленныя разсуж-
 „денія его о важнѣйшихъ предметахъ. Мнѣ
 „ввѣрилъ онъ всю переписку свою на Россій-
 „скомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ язы-
 „кахъ . . . Публично называлъ меня сей непо-
 „дражаемый оригиналъ *своимъ великимъ*.
 „*Канцлеромъ и первымъ Министромъ въ*
 „*войнѣ противъ атеистовъ (Французовъ)*.
 „Безоплучно находился я при немъ во всѣхъ
 „опасностяхъ сраженій, и когда въ Швейца-
 „ріи всякой лучъ къ спасенію нашему началъ
 „угасать, тогда, сѣвъ со мною на камень, въ
 „виду всей арміи, онъ ввѣрилъ мнѣ всѣ тай-
 „ны своего сердца, и снабдилъ меня всѣми на-
 „свавленіями, какъ въ случаѣ его смерти

„писанъ донесенія ко Двору . . . Намѣреніе
 „его было: по окончаніи войны, ѣхать, черезъ
 „семь дней пребыванія своего въ С. П. Бургѣ,
 „въ деревню свою (въ Новгородской Губер-
 „ніи), и тамъ со мною занялся сочиненіемъ
 „своей исторіи, на который конецъ читы-
 „валъ онъ со мною всѣ сочиненія, объ немъ из-
 „данныя, и дѣлалъ свои замѣчанія. За три дня
 „до кончины его, долженъ я былъ возобновить
 „ему свою кляпву, что совершу сей пруд-
 „ный подвигъ; и теперь, для исполненія сей
 „священнѣйшей для меня обязанности, оспа-
 „вилъ я уже въ третій разъ службу и сопря-
 „женныя съ нею выгоды. Въ разсужденіи ис-
 „торіи моей скажу только то, что всѣ мои
 „свѣдѣнія почерпнуты изъ самыхъ лучшихъ
 „источниковъ и изъ документовъ оригиналь-
 „ныхъ. Полная переписка Суворова покажетъ
 „всѣ положенія тогдашнихъ дѣлъ и ошличи-
 „тельные черты его лаконизма, ежедневныя
 „диспозиціи, неупомимую его дѣятельность и
 „знаніе всѣхъ военныхъ подробностей; а его
 „замѣчанія, мнѣ диктованныя (которыя сво-
 „имъ языкомъ называлъ онъ: *замѣтка ми*)
 „обнаружатъ его все искусство военное объ-
 „емлющій умъ. Сихъ сокровищъ, кромѣ меня,
 „ни у кого нѣтъ. Покойный Михайло Ники-
 „шичъ Муравьевъ объявилъ мнѣ въ письмѣ
 „своемъ Высочайшее благоволеніе за намѣреніе
 „мое издать сію исторію, и что (собствен-
 „ныя его слова): *Государь Императоръ*
 „*ожидаетъ отъ пера моего достойнаго па-*
 „*мятника Суворову.* . . .“ — Эпоть памят-
 „никъ уже воздвигнутъ, и мы съ любопытнымъ
 „вещериваніемъ ожидаемъ его открытія; мы не
 „можемъ не имѣть довѣренности къ Исторіку
 „Суворова: ибо Суворовъ — (кого не пренебъ

эша заботливостъ великаго чѣловѣка о пош
славѣ, которую онѣ оставитѣ послѣ себя!) —
самѣ возложилѣ на него свяшю обязанность
говоритѣ объ немѣ языкомѣ истины по-
шомству: сѣдовашельно онѣ почиталѣ его
способнымѣ исполнитѣ эту обязанность! Мы
поставляемѣ за долгѣ замѣнитѣ здѣсь, что
нашѣ Историкѣ, по благородному своему ха-
рактеру, достоинѣ изображеннаго имѣ Ге-
роя. Сердце его исполнено благодарностію
къ Суворову — но благодарностію за что?
единственно за ту непритворную дружбу, ко-
торую оказывалѣ ему Италіянскій Герой —
дружбу, которую предпочиталѣ онѣ всякому
другаго рода благошворенію! Способность
чувствовать цѣну такай дружбы, и даже по-
читать ее благодѣніемѣ, не есть ли вѣрный
признакѣ благороднаго сердца? Г. Фуксѣ имѣетѣ
и всегда имѣлѣ самое ограниченное состояніе,
Суворовѣ хотѣлѣ подаритѣ ему нѣсколько
сотѣ душѣ; но онѣ не принялѣ подарка, ска-
завѣ: *дружба и довѣренность Суворова для
меня выше всего!* Суворовѣ заплакалѣ, началѣ
кричать, разбранилѣ Г. Фукса, и сѣ шѣхѣ
порѣ называлѣ его *грубіаномѣ*. Этошѣ анек-
дотѣ всѣмѣ извѣстенѣ. И такѣ мы можемѣ на-
дѣяться, что вѣ новой исторіи Суворова най-
демѣ очень вѣрное изображение его характера:
ибо Историкѣ способенѣ понимать и мысли и
чувства своего Героя. Желаетѣ шолько одно-
го, чтобы обстоятельство не задержали изда-
нія эшой любопытной книги. Ж.

У в ѣ д о м л е н і я .

Издатели получили при письмѣ изъ города Романова отъ неизвѣстной благопвортельной Особы 30 рублей для отсылки по равной части къ Госпожѣ Генераль-Майоршѣ Ф. Д. В., къ бѣдной сѣбпой Майоршѣ и къ сиротамъ діакона. Оныя деньги отпправлены 10го Декабря въ Ростовъ, что на Дону, къ П. Н. Теплюину, въ Тамбовъ къ М. А. Чулкову и въ Бирючь къ Священнику Г. И. Попову, для доставленія по принадлежности.

*

М. А. Чулковъ изъ Тамбова увѣдомляетъ Издастелей, что онъ получилъ отъ неизвѣстнаго Благопвортителя изъ города Пиряпина 10 рублей при запискѣ: „отдашь женѣ почталіона за усердное призрѣніе сѣбпой Майорши,“ и что деньги сіи въ то же время ей доставлены.

*

Братъ осиротѣвшихъ дѣтей діакона въ Бирючи, находящійся въ С. Петербургѣ, поручаетъ Издастелямъ изъяснить чувствительнѣйшую, всегдашнюю благодарность свою тѣмъ великодушнымъ Особамъ, которыя призрѣли бѣдное семейство его, и увѣрить ихъ, что онъ никогда не забудетъ обязанности своей бытъ доспойнымъ ихъ благодарній. Добродушный Священникъ, попечитель осиротѣващаго семейства, увѣдомилъ его, что кромѣ денегъ, извѣстныхъ по нашему Журналу, получено отъ разныхъ Благопвортителей еще 60 рублей,

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Осажденная Жирона до сихъ поръ еще не сдается Французамъ, которые однакожь надѣются овладѣть ею въ скоромъ времени. Blake, Генералъ Испанскихъ мятежниковъ, покушался данъ помощь Жиронѣ, но безуспѣшно и даже съ немалою для себя потерею. Близъ Тарагоны въ началѣ Ноября мѣсяца происходила жестокая битва между одною частию войска собраннаго въ Сѣверной Испаніи подѣ начальствомъ Генерала Blake и Французскою дивизіею Генерала Сугама; послѣдняя удержала поле сраженія. Замѣчаяшъ, что въ донесеніи о семъ дѣлѣ въ первой разѣ говорится съ нѣкоторымъ одобреніемъ о храбрости Испанцевъ. Также и въ западной Испаніи около Саламанки одинъ корпусъ, подѣ начальствомъ Герцога Парка, идетъ противъ корпуса Маршала Нея.

*

Е. В. Императоръ Наполеонъ, по прибытіи своемъ въ Парижъ изъ Фонтенебло, 16 го Ноября причиналъ въ Тюльерійскомъ Дворцѣ присланныхъ изъ Рима депушатовъ. Старшій депушатъ Герцогъ Браши произнесъ на Италіанскомъ языкѣ привѣтствіе. Императоръ, сядя на престолѣ, окруженный Принцами, Министрами и прочими знашнѣйшими Чиновниками, отвѣтствовалъ весьма благосклонно, и между прочимъ упомянулъ, что Римскій Епископъ и впредь будетъ главою церкви. — Къ 3 му числу Декабря, шо есть къ торжественному дню коронаванія, сдѣланы великія приго-

швления. Въ соборной церкви сооружено 6 престоловъ. Короли Вестфальскій и Саксонскій находятся въ Парижѣ, куда въ скоромъ времени прибудутъ Короли Баварскіи и Виртембергскій и Вице - Король Италіи. — Князь Шварценбергъ, Посоль Е. В. Императора Австрійскаго, 26го Ноября торжественно вручилъ въригельную свою Грамоту Императору Наполеону. На пути къ Парижу вездѣ встрѣчаемъ онъ былъ съ надлежащими почестями. — Миръ между Франціею и Швеціею почти заключенъ. Графъ Шампаньи, Герцогъ Кадорскій, взаимно посѣдилъ Шведскаго Посланника. Шведскіе военноплѣнные Офицеры, находившіеся въ Нанси, уже отправились отсюда въ свое отечество. — Слухъ, будто Князь Поняшовскій сочешается съ Саксонскою Принцессою Августсю, объявленъ въ Парижѣ за неосновательный. — Безпрестанно идутъ въ Испанію свѣжія Французскія войска; число ихъ, какъ увѣряютъ, будетъ простираеться до 100,000 человекъ. Въ Байонѣ приготовляются къ принятію Императора. — Скоро по учрежденіи новаго Французскаго ордена *Трехъ Златыхъ Руны* объявлено, по волѣ Императора Наполеона, что ни одинъ Французъ, какого бы званія и чина ни былъ, не долженъ впредь ни принимать, ни носить никакого изъ орденовъ Златаго Руна, какъ несомѣслныхъ съ упомянутымъ орденомъ Французскимъ.

*

Е. В. Императоръ Францъ прибылъ въ Вѣну 27го Ноября совсѣмъ неожиданно. На канунъ вступили сюда Австрійскія войска подъ начальствомъ Князя Лихтенштейна, а Французы не задолго передъ тѣмъ всѣ отправились въ свое отечество, кромѣ больныхъ, которые

остаются въ госпиталяхъ до выздоровленія. Жители столицы приняли Монарха своего съ радостными восклицаніями; ввечеру весь городъ былъ освѣщенъ и во все театры входъ открытъ безденежно. Е. В. приказалъ всѣмъ больнымъ и раненымъ, какой бы ни были націи, роздать по два гульдена, и сверхъ того пожаловалъ 100,000 гульденовъ для бѣдныхъ.

*

По извѣстіямъ и въ Лондонѣ, полученнымъ черезъ Францію, видно, что Англійскіе Министры хотѣли вывести войска изъ Италіи и Португаліи, да и островъ Валхеренъ также намѣрены очистишь; далѣе, что Князь Штарембергъ, Австрійскій Посолъ въ Лондонѣ, получилъ отъ Двора свое повелѣніе выѣхать изъ Англіи, за силою тѣхъ статьи мирнаго трактата. К.

Отъ Издателей.

Изданіе Вѣстника продолжаться будетъ и на 1810 годъ. Расположеніе книжекъ по новому плану должно быть слѣдующее:

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Проза: повѣсти, рѣчи, разговоры и пр.

Стихотворенія: оды, басни, пѣсни, посланія, эпиграммы и пр.

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

Опытки изъ Путешествій. Разсужденія о предметахъ философическихъ, о предметахъ принадлежа-

щихъ къ изящнымъ Искусствамъ,
и вообще къ Наукамъ.

III. КРИТИКА.

Разборъ книгъ Россійскихъ и ино-
странныхъ. Критическія разсуж-
денія.

IV. СМѢСЬ.

Анекдоты.

Мысли.

Московскія записки.

Извѣстія внутреннія.

Извѣстія изъ иностранныхъ журна-
ловъ.

V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.

Извѣстія о произшествіяхъ поли-
тическихъ.

Хронологическія таблицы произше-
ствій (въ концѣ cadaго Тома).

Къ нѣкоторымъ книжкамъ приложены
будутъ гравированныя картинки: изображенія
замѣчательныхъ видовъ, портреты, планы
городовъ изданій и тому подобное. Ежемѣсяч-
но, какъ и прежде, будетъ выходить по двѣ
книжки; одна въ первыхъ числахъ, другая въ
послѣдней половинѣ cadaго мѣсяца.

Проя нашихъ Читателей сообщать намъ
свои произведенія въ стихахъ и въ прозѣ,
мы предоставляемъ себѣ полное право печатать ихъ только тогда, когда онѣ по своему содержанию будутъ соответствовать плану нашего Журнала; но мы не беремъ на себя затруднительной обязанности давать отчетъ въ ихъ употребленіи, и — если что нибудь

непозволитѣ ихѣ помѣстить въ Журналѣ — пересылаѣ обращено къ тѣмѣ, отѣ копорыхѣ онѣ намѣ доставлены.

Мы положили себѣ за правило: оставляѣ безѣ исполненія письма, получаема отѣ особѣ скрывающихѣ имена свои, кромѣ только тѣхѣ, при коихѣ присылаются деньги отѣ неизвѣстныхѣ благотворителей.

Нѣкоторые изѣ нашихѣ подписчиковѣ извѣстили намѣ свое неудовольствіе, и даже въ самыхѣ грозныхѣ выраженіяхѣ, за то что имѣ иныя книжки не были доставлены, а другія ~~были~~ доставлены поздно: для избѣжанія такой непріятности впередѣ, просимѣ ихѣ во всѣхѣ подобныхѣ случаяхѣ адресоватѣ свои требованія не къ Издашелямѣ, отѣ копорыхѣ *пересылка* Вѣстника совсѣмѣ не зависиѣ.

Подписка причинается въ Москвѣ, въ Конторѣ Университетской Типографіи на Тверской улицѣ, и въ Почтамтахѣ. Цѣна за 24 книжки, составляющія годовое Изданіе, 12 рублей, а съ пересылкою въ другіе города 15 рублей. К. и Ж.

КОНЕЦЪ XLVIII ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

СОРОКЪ-ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

Стран.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Ц Р Ъ З А.

Мальземь.	3
Два письма Принца де Линя.	7
О щасліи въ воображеніи.	24
Газетное объявленіе (повѣсть).	85
О любви, въ большихъ обще- ствахъ.	111
Описавленный Министръ и ницій съ деревянною ногою. (Повѣсть.)	177
Эгоистъ. (Повѣсть Принца де Линя.)	273

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На смерть Е. В. Херасковой.	25
Овца, Лягца и Волкъ, Ласня.	—
Воспомянія 1807 го года.	26
Impromptu.	31
Эпиграммы.	—
На смерть игрока, который былъ весьма малаго росна.	32
Дафна и Сильвѣя.	120
Къ Эльминѣ.	124
Малиновка, Баснь.	125
На смерть Елисаветы Василь- евны Херасковой.	197
Тибуллова Флегія.	198
На высочайшее прибытіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕ-	

СТВА въ Москву 6го Дека-	
бря 1809.	298
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕ-	
ЛИЧЕСТВУ о пь вѣрно поддан-	
ныхъ воспитанниковъ Бла-	
городнаго Пансіона, учреж-	
деннаго при Император-	
скомъ Московскомъ универ-	
ситетѣ.	301

II. НАУКИ и ИСКУССТВА.

О Криптикѣ. (Письмо къ Изда-	
телямъ Вѣстника, Эспе-	
тника.)	33
Объ Аделунтовомъ Мисрида-	
тѣ. (Филологія.)	126
О спрасняхъ, разсматрива-	
емыхъ въ качествѣ причинъ	
сумасшествія и проч. (Ме-	
дицина)	200
О Персін. (Географія.)	212
Два разговора о Криптикѣ.	
(Эспетника.)	215
О Дворѣ Турецкаго Султана,	
о Сералѣ его, гаремѣ, фамилі-	
и и придворномъ шпашѣ.	
(Географія и Спашислика.)	303

III. КРИТИКА.

Замѣчанія на письмо Профес-	
сора Буле къ Издателю Вѣ-	
стника Европы.	33
Исторія Россійской Имперіи	
въ царствованіе Петра	
Великаго, сочиненная Воль-	
шеромъ. Часть первая.	61
Новѣйшая всеобщая Географія,	
и проч.	133

	Стран.
Анекдоты Рускіе. - -	229
О первообыкновенной Россіи и ея жишеляхъ, - -	316
IV. С М Ъ С Ъ.	
Мысли и замѣчанія, -	69
О врачебныхъ свойствахъ соленой воды Елпоискаго озера.	70
Анекдоты. - -	74
О мѣстопребываніи Месмера и о нынѣшней жизни сего до- стоинамяшнаго челоуѣка. -	150
Нѣчто о закладываемыхъ ве- щахъ въ сѣтарину и въ наще время, - -	152
Отвѣтъ Гна. В. В. Ш. -	154
Извѣстія о происшествіяхъ.	173
Примѣры ласкапельсва. -	239
Анекдоты и замѣчанія изъ за- писокъ Дюшана. -	240
Письмо къ Издашелямъ. -	243
Дудочка Доктора Франклина.	331
Разныя мнѣнія объ Александрѣ Македонскомъ, - -	334
Переводъ письма къ Издаше- лямъ Публициста. -	336
Бракъ по расчету. -	339
Московскія записки. 76, 156,	
- - - 247 и	342
Разныя извѣстія. - -	82
Увѣдомленія. 84, 176, 267 и	350
V. ОБОЗРѢНІЕ ПРОИЗШЕСТВІЙ.	
- - -	269
- - -	и 351
Отъ Издашелей, -	353

